

МНОГОМЕРНОСТЬ ОБЩЕСТВА: социально-гуманитарные исследования повседневности

Сборник материалов первой выездной научной конференции студентов ИСПН

Федеральное агентство по образованию и науке
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Институт социальных и политических наук

Многомерность общества: социально-гуманитарные исследования повседневности

Сборник материалов Первой выездной научной конференции студентов ИСПН 18–19 мая 2013 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2013

ББК С523я43
УДК 316.43
М735

Под редакцией:
Логинов А. В., к. филос. н., доцент (отв. за выпуск),
Полякова В. В., к. социол. н., доцент,
Иванова Е. А., ассистент

М735 Многомерность общества: социально-гуманитарные исследования повседневности : сб. материалов Первой выездной научной конференции студентов ИСПН 18–19 мая 2013 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 232 с.

ISBN 978-5-7996-0968-9

В сборник включены материалы Первой выездной научной конференции студентов ИСПН «Многомерность общества: социально-гуманитарные исследования повседневности» (18–19 мая 2013 г.)

Студенты представили результаты своих исследований, проводимых в рамках курсовых, бакалаврских и магистерских работ. Сборник содержит тезисы выступлений; лучшие доклады опубликованы в виде статей.

Сборник адресован студентам и аспирантам, интересующимся предметным полем современного социально-гуманитарного знания.

ББК С523я43
УДК 316.43

ISBN 978-5-7996-0968-9

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1
Структуры повседневного мышления и конструирование социальной реальности

Секция 2

Терроризм, война, насилие: глобальные и локальные угрозы современности в зеркале повседневных практик

Секция 3

Структуры повседневности и структурность психики: социализация, самореализация, самоидентификация индивидов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник включает материалы, представленные участниками первой выездной научной конференции студентов ИСПН «Многомерность общества: социально-гуманитарные исследования повседневности». Но, прежде чем перейти к презентации сборника, следует сказать и о самой конференции – пояснить ее название, сделать акцент на целях и выбранном формате.

Дело в том, что в перечисленных выше словах, характеризующих конференцию: «первая», «выездная», «научная» и в словосочетании «студентов ИСПН» ВСЕ является главным. Это была действительно *первая общая научная конференция студентов Института социальных и политических наук*. Не секрет, что научная жизнь департаментов, особенно студенческая научная жизнь, редко преодолевает границы самих департаментов – и ключевой идеей («целевой причиной» в терминах Аристотеля) нашей конференции была идея общей научной идентичности студентов, которую, как кажется, нужно формировать. Поэтому и название конференции позволяло собрать вместе, «стянуть» для совместной работы и обсуждения усилия философов, политологов, социологов, психологов, международников. Действительно, проблематика повседневности подходила как нельзя лучше – и вы увидите, насколько широким и одновременно тематически выдержанным будет спектр докладов, представленных в сборнике.

С другой стороны, в отличие от общеинститутских спортивных или праздничных мероприятий, где студенты быстрее и проще находят общий язык, мы выдерживали формат научного мероприятия (научная конференция) и при формировании состава секций объединяли тематически близкие доклады вне привязки к департаментам. В упрощенном виде: студент-философ сталкивался с задачей аргументировать свой научный тезис и быть понятым, выдерживая пристальный взгляд студента-психолога, находясь в окружении реалистически настроенных, методологически подкованных студентов – политологов и социологов, под градом вопросов от студентов-международников (которые, в свою очередь, многое знают о повседневности стран, в которых студент-философ не бывал) – то есть быть понятым коллегами по институту. Общая

научная идентичность без общих целей и общего научного языка не существует, и, по признанию модераторов секций, во многих случаях (дискуссии, обсуждение докладов) междисциплинарные научные границы (стереотипно рассматриваемые, а иногда и восхваляемые как «барьеры») рушились.

Наконец, благодаря финансовой поддержке со стороны Программы развития УрФУ на 2010–2020 гг., Мероприятие 2.1.3.1, и организационной помощи служб проректора по науке УрФУ, мы получили возможность формировать и собственную повседневность: был выбран формат выездного научного мероприятия, что на мой взгляд, оказалось совершенно оправданным.

В итоге конференция получилась насыщенной: пленарные доклады и обзорные лекции ведущих специалистов – сотрудников ИСПН чередовались с мастер-классами и тренингами, вводная тематическая лекция сменялась презентацией новых магистерских программ института, а первый рабочий день конференции завершала организованная студентами молодежная игра «Игры разума».

В рамках конференции студенты и магистранты представили результаты своих исследований, проводимых в рамках НИР, курсовых, выпускных бакалаврских и магистерских работ, а также заделов аспирантских диссертаций. Были организованы три секции: «Структуры повседневного мышления и конструирование социальной реальности», «Терроризм, война, насилие: глобальные и локальные угрозы современности в зеркале повседневных практик» и «Структуры повседневности и структурность психики: социализация, самореализация, самоидентификация индивидов». Лучшие доклады по результатам выступлений на секциях были рекомендованы модераторами секций к печати в виде статей.

Именно поэтому наш сборник имеет следующую структуру: вводная тематическая лекция доцента С. А. Никитина, затем лучшие доклады студентов в форме небольших статей и, наконец, материалы каждой секции с предисловием модераторов. На последних, но не менее важных страницах сборника – программа прошедшей конференции.

От лица оргкомитета я бы хотел поблагодарить преподавателей и сотрудников ИСПН, принявших участие в работе конференции, студентов, внесших большой вклад в ее организацию и «на-

сыщение», а также выразить надежду, что нашими совместными усилиями мероприятие такого рода станет ежегодным научным событием в ИСПН.

А. В. Логинов,
заместитель директора ИСПН по научной работе

ВВОДНАЯ ЛЕКЦИЯ

С. А. Никитин,
доцент кафедры социальной философии ИСПН УрФУ

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Социальные и гуманитарные исследования повседневности, по самой своей сути междисциплинарные, стали отличительной чертой нашего времени. Конечно, исследование повседневности – это продолжение теорий здравого смысла, но значение этих исследований как раз и заключается в том, что их рамках осуществляется плавный переход от философских оснований к социологии и политологии, к истории и лингвистике. Еще более важно то, что без теории повседневности едва ли возможно создать убедительную теорию социального изменения, не впадая в преувеличения крайнего детерминизма и крайнего волюнтаризма.

Классическую теорию повседневности создал основатель социальной феноменологии Альфред Шюц. В статье «Символ, реальность и общество» (1955) «внешний мир повседневной жизни» Шюц называет «верховной реальностью» [6, с. 512], в статье «О множественных реальностях» (1945) подчеркивает, что «из всего множества других подмиров реальности мир работы в целом выделяется как высшая реальность» [4, с. 421]. Причинами этого особого, преимущественного положения повседневности по отношению ко всем прочим видам реальности Шюц называет непременное и безостановочное телесное и коммуникативное участие в этом мире. Исключительность и особая важность обеспечиваются особым характером эпохе (воздержания от суждений), заключающим в скобки «сомнение в том, что этот мир и его объекты могли бы быть другими, нежели те, которыми они кажутся» [4, с. 423], и серией типизаций, придающих повседневности видимость непротиворечивой, связанной и согласованной реальности. И все же, воспринимая повседневность как саму собой разумеющуюся реальность, доверяя ее последовательности и целостности, опираясь на систему релевантностей, мы знаем, что вся эта реальность

основывается на фундаментальной тревоге, или, иными словами, на базисном переживании собственной смертности: «я знаю, что я умру, и боюсь умереть» [4, с. 422]. Повседневность неоднозначна: с одной стороны, она несомненна, последовательна и кажется предсказуемой и упорядоченной, но, с другой стороны, она обоснована тревожным предчувствием утраты, нехватки и несвоевременности.

Первым из возможных объяснениий этой двойственности стала теория множественных реальностей одного из предшественников Шюца. Описывая в своей знаменитой книге «Основания психологии» (1890) восприятие реальности, Уильям Джемс писал: «Все различие реального и нереального, вся психология веры (belief), неверия и сомнения … основывается на двух фактах сознания – во-первых, мы склонны мыслить по-разному об одном и том же, и, во-вторых, когда мы делаем это, мы вправе выбирать, какого способа мышления мы придерживаемся, а какой – отвергаем» [9, с. 290]. Существование по-разному мыслимых объектов и соответствующих им разных способов мышления об объектах можно объединить в теории множественных реальностей, или миров. Начиная с того целостного мира, о котором обыкновенно говорят философы, мы замечаем, что этот мир «состоит … из реальности *плюс* иллюзии и фантазии» [9, с. 291]. Поскольку существуют еще и разные виды фантазий, иллюзий, да и абстракций, постольку существуют и другие миры, или, как выражается Джемс, «под-миры», «под-вселенные». «Обыденное сознание воспринимает все эти под-миры более или менее бессвязно и, обращаясь к одному из них, на время забывает про все остальные» [9, с. 291], философ, напротив того, создает классификацию под-вселенных и предлагает их возможную иерархию. Джемс перечисляет под-миры: чувственный мир, мир естествознания, мир абстрактных истин логики или математики, мир иллюзий и предрассудков, сверхъестественные миры разных религий и самых впечатляющих литературных произведений, миры индивидуальных мнений, миры чистого безумия и причуд. Первому из них, чувственному миру, или «миру физических „вещей“, как мы их инстинктивно понимаем» [9, с. 292], отводится особое место среди других под-миров постольку, поскольку

он объединяет их. В основном принимая теорию Джемса, Шюц настаивает на том, что повседневности противостоят не иные миры, а иные области значений: это противостояние описывается не в терминах онтологии, а в терминах семиотики.

Само же понятие повседневности (Alltäglichkeit) восходит к работам Макса Вебера по социологии религии 1900-х гг., в которых повседневное поведение противопоставлено внеповседневному, обусловленному принятием этики религиозного братства. Сопоставление этой последней с рациональной деятельностью человека, а также с нерациональными или антирациональными по своей сути силами, позволяет Веберу привести и другие примеры неповседневного поведения. Неповседневность поведения на войне такова, что братство по оружию вполне способно соперничать с религиозным братством в своем противостоянии повседневности. «Именно неповседневность военного братства и смерти на войне, неповседневность, которая присуща также святости харизмы и переживанию близости к Богу, доводит соперничество между этими двумя видами братства до крайней остроты» [2, с. 18]. Не относятся к повседневной жизни и те силы, что властвуют над «эстетической и эротической сферами», и потому между этими сферами и религиозностью устанавливаются «сложные отношения» [2, с. 22]. Несмотря на несомненные различия между религией и эротикой, существует и сходство между религиозными и эротическими переживаниями, вполне способное вызвать досадную путаницу. «Эротическое возбуждение близко по психологическим основаниям и по своему смыслу оргиастической, внеповседневной, но в особом смысле находящейся внутри мира форме религиозности… Под действием внемирской и внеповседневной мистики эротика при сильном внутреннем напряжении легко впадает в результате психологической заменяемости в отношения, служащие суррогатом слияния, за которым может последовать коллапс в сферу оргиастики» [2, с. 30]. Описывая сходства и различия эротического и религиозного переживания, Вебер характеризует повседневность самым что ни на есть пренебрежительным образом. «В бездонной глубине и неисчерпаемости своего переживания, которое не может быть сообщено никакими средствами … любящий знает, что про-

ник в недоступное никаким рациональным усилиям ядро истинно живого и ускользнул как от холодной мертвечины, рациональных установлений, так и от тупой повседневности» [2, с. 28]. Эту явную недооценку повседневности можно объяснить, исходя из отношений харизмы и органической социальной этики. «Под *„харизмой“* в данном изложении понимаются *внеповседневные* качества человека (независимо от того, действительные ли они, мнимые или предположительные)» [2, с. 68], а «органическая социальная этика повсюду выступает как в высшей степени консервативная, враждебная преобразованиям сила» [2, с. 21]. Для преобразования традиции необходимо нисхождение «виртуозной религиозности» с ее «революционными следствиями» [2, с. 22] в повседневность. Харизма ответственна за изменения повседневности, или, выражаясь словами Вебера, «откровение и меч, выходя за рамки повседневности, вводили новые отношения» [2, с. 69]. Чтобы рационализировать эти вновь созданные отношения, необходимы процессы, которые Вебер называет оповседневниванием (Veralltäglichung) и которые следует за любыми революционными преобразованиями, в какой бы сфере жизни они ни происходили. Учитывая значение творчества Вебера для Шюца и социологии знания в целом, а также и распространенность такого отношения к повседневности, невозможно просто отмахнуться от тех авторов и теорий, что называют повседневность тупой или консервативной.

Вслед за Джемсом и Вебером Шюц подчеркивает принципиально неоднозначный характер повседневности. С одной стороны, повседневность действительно можно признать высшей или верховной реальностью, поскольку «мир работы в повседневной жизни является архетипом нашего переживания реальности» [4, с. 427]. Мы «всегда в нем участвуем, даже когда спим и грезим, посредством наших тел» [6, с. 512], мы способны встретить сопротивление этого мира и преодолеть его, мы способны установить в нем интерсубъективные отношения [6, с. 512]. Вместе с тем на страницах незавершенной работы «Размышления о проблеме релевантности» Шюц предлагает выделить в повседневности, в моем жизненном мире, или мире реальной досягаемости, особый (и расширяющийся) «мир моей рутинной деятельности»:

«В его пределах все – если не доказано обратное – знакомо мне и, следовательно, рассматривается как неоспоримая данность» [5, с. 347–348]. Удобство и покой мира рутинной жизни вынуждают нас превращать все иррелевантное (неуместное) в релевантное, выбирать или называть «прирученную тему», как выразился Шюц [5, с. 348]. Поскольку рутина играет «решающую роль в мире верховной реальности» [5, с. 349], именно она ответственна за испорченную репутацию унылой и скучной реальности, которая зачастую воспроизводится и в замечательных исследованиях повседневности. И наконец, повседневность пересекается с другими сферами реальности, включающими в повседневность свои темы и образующими внутри повседневности особые анклавы, так что Шюц может написать: «Следствием того факта, что мы живем в разных сферах реальности или значений, является то, что мы приводим в действие различные уровни нашей личности, а это указывает на неявное обращение к гипотезе шизофренического эго» [5, с. 242]. Повседневность способна невероятно усложнить и даже расколоть человеческое «я», ее никоим образом не стоит считать простой и однообразной.

Ирвинг Гофман выражает закономерное сожаление по поводу посмертной судьбы теории Шюца: «Многие высказывания Шюца, похоже, так загипнотизировали исследователей, что стали восприниматься как безусловные истины, а не материал для размышления» [3, с. 66]. И все же, полемизируя с Шюцем, высказывая сомнение в некоторых его предположениях, Гофман высказывает дополнительные соображения в пользу его теории релевантности: «Джемс и Шюц забывают пояснить, что повседневность заключается не в том, что индивид ощущает как реальность, а в том, что завладевает им, поглощает и увлекает его; события повседневности можно считать реальными и одновременно нереальными» [3, с. 66]. Такую повседневность никак не назовешь ни скучной, ни тупой. Напротив, легко объяснить максимальную напряженность сознания, которая становится конституирующей чертой когнитивного стиля повседневности.

Творческий характер повседневности становится одной из тем известной статьи Бернхарда Вальденфельса об отношениях между

под-мирами, или «конечными областями значений», и повседневностью, написанной в то время, когда исторические, лингвистические, социологические, психологические и философские исследования распространились настолько широко, что сама по себе теория повседневности стала междисциплинарной. Описав неоднозначные отношения между повседневным и не-повседневным, высвободив повседневное из-под пресса универсального образования и из-под пресса экспертных оценок, Вальденфельс показывает, каким именно способом в повседневной реальности выплавляется «изменчивая и варьируемая» [1, с. 45] рациональность. Вальденфельс противопоставляет оповседневниванию направленные «в противоположную сторону» процессы преодоления повседневности. «Сюда относится появление необычного в процессах творения и инновации, которые прокладывают себе путь с помощью отклонений, отходов от правил и новых дефиниций. Повседневность существует как место образования смысла, открытия правил» [1, с. 47]. Восходящее движение образуют метафоры, шутки, игры, так что «однозначное приобретает дополнительные значения, становится многозначным» [1, с. 47]. Описывая движение «вверх-вниз», Вальденфельс настаивает на том, что оповседневнивание «никоим образом не связано с чистым применением правил или даже с механической дрессировкой, но оно само есть вид опыта», что оно представляет собой «укрепление в пограничной сфере понимания, где свое и чужое играют друг в друге, не требуя при этом согласия, основывающегося на единстве» [1, с. 46]. Соотношение процессов оповседневнивания и преодоления повседневности позволяет Вальденфельсу назвать повседневность местом образования рациональности и сравнить обыденную реальность с плавильным тиглем рациональности.

Изложив теорию отношений между «конечными областями значения» и повседневностью и исходя из того, что повседневность – это смесь разнородных элементов, «место полной неопределенности» [1, с. 48], Вальденфельс приступает к описанию горизонтального движения сплавления, сведения воедино разнородных элементов повседневности. Динамические отношения повседневности и конечных смысловых сфер приводят к тому, что сама по

себе повседневность становится чрезвычайно разнородной. Серии типизаций, придающие повседневности видимость последовательной и однородной реальности, создают вместе с тем и почву для встреч всех фрагментов обыденной реальности, каково бы ни было их происхождение. Повседневность приобретает некоторое сходство с ферментом, ускоряющим процесс образования рациональности. «Повседневность только тогда сохраняет или даже приобретает силу сопротивления против нажима упорядоченной рациональности, когда она сама становится большим, чем просто повседневная жизнь, т. е. когда она сама себя превосходит» [1, с. 49–50]. Шюц считал, что переходы между повседневностью и конечными смысловыми сферами, а равно и между разными анклавами повседневности, «с объективной точки зрения можно охарактеризовать как „скачок", а с субъективной – как „шок"» [5, с. 318]. В таких шоковых переживаниях и рождается способность преодоления повседневности.

Дело, конечно, в том, что, сравнивая статьи Шюца о множественных реальностях с романом Роберта Музиля «Человек без свойств», Питер Л. Бергер описывает внутренние границы повседневности, разделяющие ее принципиально различные области. С одной стороны, «повседневная жизнь содержит в себе чуждые анклавы и, стремясь защитить свою собственную целостность и душевный покой ее обитателей, она вынуждена контролировать эти анклавы» [8, с. 352]. Шюц писал о том, что эти анклавы образуются проникновением в повседневность фрагментов конечных смысловых сфер, которое происходит, например, когда планируя трудовую деятельность, мы используем фантазию и научное познание [4, с. 453]. Повседневную реальность образует множество замкнутых анклавов, но недоступных просто потому, что в эти профессиональные анклавы, семейные миры или области групп по интересам наблюдатель или толкователь повседневности не вхож – пока. Более того, помимо обыкновенных людей в повседневной реальности встречаются порой крайне опасные преступники и люди с отклонениями, до поры до времени внешне ничем не отличающиеся от тех, кого принято считать нормальными. С другой стороны, существуют под-миры, отнесение которых к числу «конечных

областей значений» вызывает некоторые сомнения в силу того, что они не так широко известны, как привычные примеры Джемса или Шюца: миры фантазмов, сновидений или научной теории. Используя историю, рассказанную Музилем, Бергер рассматривает разновидность мирской мистики как пример такого рода неустойчивого и редкостного под-мира. Альтернативная реальность такого под-мира вторгается в повседневную реальность, порождая, само собой разумеется, проблему перевода. «С точки зрения любой реальности, привычной *или* непривычной, существует проблема „перевода“ альтернативной реальности в контекст, подходящий для той реальности, в которой предпочитают оставаться» [8, с. 357]. Шюц писал, что в естественной установке человек «воздерживается не от веры во внешний мир и его объекты, а как раз наоборот: от сомнения в его существовании» [6, с. 423]. Альтернативная по отношению к повседневной реальности реальность мирской мистики равным образом вынуждает к воздержанию не от суждений, а от сомнений. Без вторичного эпохе «новой реальности угрожает тот же вид крушения, который первоначально «поражает» реальность повседневной жизни. Более того, настолько, насколько новая реальность уходит за пределы массивных подтверждений реальности повседневной жизни, она более восприимчива к разрушению, чем эта последняя, а потому и больше нуждается в решительном воздержании от сомнения» [8, с. 357]. Тем самым Бергер поставил вопрос о существовании особых «разрывов» повседневности, которые позволяют преодолеть повседневность и увидеть ее «зазеркалье», но лишь на мгновение. А затем происходит возвращение в повседневность.

Помимо мирской мистики, предоставляющей способ мгновенно продемонстрировать относительность повседневности и открыть высший путь за ее пределы и еще не включенной в «конечные области значений» религии, грез наяву или пустой фантазии, существует и другой путь внести возмущение в рутинный мир обычной жизни. Низший путь к трансцендентному способен пройти тот, кому открывается комический характер повседневных ситуаций. «Комическое вездесуще в обыкновенной, повседневной жизни» [7, с. 5], – замечает Бергер, но при этом комическое в по-

вседневности, как правило, не замыкается в рамках какой бы то ни было «конечной области значений»: «По большей части… комическое переживают не в … тотальной манере, не превращая его в анклав. Оно появляется в рамках повседневной жизни, моментально преображает ее, а затем быстро исчезает вновь» [7, с. 11]. Рассказанный к месту и не к месту анекдот, странное и смешное поведение, шутки, розыгрыши и иные проявления комического в повседневной реальности нарушают ее спокойствие, переворачивают ее вверх дном лишь ненадолго, демонстрируют иные возможности и вновь уступают место житейской рутине. «Комическое, хотя бы на время, вызывает то, что мы только что назвали трансценденцией в низшем ключе, т. е. оно показывает относительность верховной реальности» [7, с. 207]. Мистическое переживание и юмор – два разных способа увидеть внезапно возникающие и также неожиданно закрывающиеся разрывы повседневной реальности.

Но само существование этих разрывов обусловлено тем обстоятельством, что в наше время, отмеченное «тиранией интимности» (Ричард Сеннет), потенциальная интерсубъективность повседневной реальности редко и с трудом реализуется в публичной сфере, причем ее реализация приводит к разделению общего для многих «жизненного мира» на множество малых жизненных миров. В своем описании малых жизненных миров Бенита Лукман замечает что, в отличие от Lebenswelt, о котором писал Эдмунд Гуссерль, «новые вселенные существования приватной сферы могут свободно избираться или преднамеренно … конструироваться» [10, с. 283]. Стремясь воссоздать целостность «жизненного мира» современный человек выбирает центральные малые миры, каковыми, как правило, становятся семья, работа и экологическое сообщество. «В поисках „порядка и значения“ современный человек словно бы создает для себя существование опять-таки в малом мире, за скобки которого более или менее эффективно удаляется сложный, дикий и пугающий большой мир» [10, с. 290]. И все же, в силу постоянно сохраняющейся возможности выбирать между малыми мирами, они не могут стать единым «жизненным миром». «Эти маленькие миры – не „целое“, а части; они не на всю жизнь, а на некоторое время, они не столько „естественно данные“, сколько „намеренно избранные“, нет одного малого мира, но существует

множество миров» [10, с. 290]. Сложная структура повседневной реальности, скрывающаяся за внешней целостностью, открывает постоянную возможность ее преобразования.

В итоге масса деталей и подробностей, из которых были упомянуты лишь немногие, позволяет описать внутреннюю динамику повседневности, постижение которой позволяет гораздо лучше понять причины и сущность социальных изменений.

Список литературы

1. *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социологос. Вып. 1: Общество и сферы смысла. М. : Прогресс, 1991. С. 39–50.

2. *Вебер М.* Избранное. Образ общества / М. Вебер. М. : Юрист, 1994. 704 с.

3. *Гофман И.* Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. М. : Институт социологии РАН, 2003. 752 с.

4. *Шюц А.* О множественных реальностях // А. Шюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 401–455.

5. *Шюц А.* Размышления о проблеме релевантности // А. Шюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С. 235–398.

6. *Шюц А.* Символическая реальность и общество // А. Шюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С. 456–530.

7. *Berger P. L.* Redeeming Laughter: the comic dimension of human experience / P. L. Berger. Berlin; New York : De Gruyter, 1997. XVIII. 218 P.

8. *Berger P. L.* The Problem of Multiple Realities: Alfred Schutz and Robert Musil / P. L. Berger. // Phenomenology and Sociology. Selected Readings / Thomas Luckmann; editor. Harmondsworth, Midd'x : Penguin, 1978. P. 343–367.

9. *James W.* The Principles of Psychology / W. James: In 2 vols. L. : Macmillan, 1891. Vol. 2. VI. 704 P.

10. *Luckman B.* The Small Life-Worlds of Modern Man / B. Luckman // Phenomenology and Sociology. Selected Readings / Thomas Luckmann; editor. Harmondsworth, Midd'x : Penguin, 1978. P. 275–290.

К. Н. Большакова,
департамент международных отношений ИСПН УрФУ, 4-й курс

ФЕНОМЕН ПРЕБЫВАНИЯ У ВЛАСТИ ЖЕНЩИН В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Усиление позиций женщин в политической жизни в последнее время является общемировой тенденцией. Политика перестала быть исключительно мужской прерогативой, технический прогресс и рост образованности женщин усилили их конкурентные возможности в этой области человеческой деятельности. Во многих странах представительницы «слабого» пола все чаще занимают даже те руководящие посты, которые традиционно считаются мужскими (президент и министр обороны). За последние полвека во всем мире более 100 женщин находились на высших государственных должностях.

По данным доклада Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН «TheWorld, sWomen 2010: Trends and Statistics», из 192 стран – членов ООН в 24 пост главы государства или правительства занимают женщины. По состоянию на апрель 2011 г. в мире насчитывается десять женщин-президентов (Аргентина, Бразилия, Индия, Ирландия, Либерия, Литва, Киргизия, Коста-Рика, Финляндия, Швейцария), три королевы (Великобритания, Дания и Нидерланды), два генерал-губернатора (Австралия, Антигуа и Барбуда), один федерал- канцлер (Германия), восемь премьер-министров (Бангладеш, Исландия, Хорватия, Тринидад и Тобаго, Финляндия, Австралия, Словакия, Перу), более 7 000 женщин стали депутатами национальных парламентов, более 1 000 – министрами [1].

Как видно, женщины приходят к власти по всему миру, и эта тенденция усиливается. Хотя это явление вовсе не новое. Доказательством тому служат: Индира Ганди, Маргарет Тэтчер, Голда Меир, Беназир Бхутто.

Возьмем такой регион, как Латинская Америка.

Женщины-президенты в Латинской Америке:

– Лидия Геллер (Боливия, 1979–1980)
– Эрта Паскаль-Труйо (Гаити, 1990–1991)
– Виолета Барриос де Чаморро (Никарагуа, 1990–1997)
– Росалия Артеага (Эквадор, 1997)
– Джанет Розенберг Джаган (Гайана, 1997–1999)
– Мирейа Москосо (Панама, 1999–2004)
– Мишель Бачелет (Чили, 2006–2010)
– Кристина Фернандес де Киршнер (Аргентина, с 2007 г. по н. в.)
– Лаура Чинчилья (Коста-Рика, с 2010 г.)
– Дилма Русефф (Бразилия, с 2011 г.)

В странах Латинской Америки появился феномен, все большее число женщин занимают руководящие должности на государственной службе. За последние несколько лет посредством всенародных выборов были избраны четыре женщины-президента. Это произошло в Аргентине, Чили, Коста-Рике, Бразилии. Является ли это феминизацией власти и гендерной эмансипацией или у этого есть другие мотивы?

Рассмотрим этот феномен на примере Чили, где Мишель Бачелет (Michelle Bachelet) стала первой женщиной-президентом в Южной Америке; Аргентины, где президентом является Кристина Киршнер, вдова бывшего президента Нестора Киршнера; Бразилии, которой руководит Дилма Русеф (Dilma Rousseff); и, наконец, Гайаны, где должность президента тоже занимала женщина, Джанет Джаган (Janet Jagan).

Усиление позиций женщин в политике стало возможным благодаря демократизации. Одними из проявлений которой является появление правительственных и неправительственных женских организаций и специальных органов, выступающих за равенство возможностей, против дискриминации и насилия в семье. Все это способствовало приобщению женщин к политике и положило начало их участию в ней [2].

И все же помимо демократизации и эмансипации женщин существует еще один фактор, позволяющий женщинам находиться у власти. Это фактор преемственности.

Женщины, которые уже заняли или вот-вот займут президентские посты в ряде латиноамериканских стран, действуют, пред-

ставляют или продолжают дело известных мужчин: своих отцов, мужей или просто политических наставников [3].

Все началось с Изабель Перон, третья супруга Хуана Перона, президента Аргентины с 1946–1955 гг. Изначально она работала в качестве вице-президента, затем после смерти супруга в 1974 г. баллотировалась в президенты и стала первой женщиной-президентом в 1974–1976 гг.

С Кристиной Киршнер произошло практически то же самое. В 1989 г. ее избрали депутатом законодательного органа провинции Санта-Крус, а в 1995 г. – сенатором в национальном конгрессе Аргентины. По Конституции страны Нестор Киршнер мог избираться и на второй срок, но не захотел играть роль «хромой утки». Имея на 2007 г. рейтинг выше 50 %, президент решил уступить власть жене [4].

Еще одним примером является Мишель Бачелет, президент Чили. Некоторые утверждают, что она пришла к власти не посредством замужества. Да, это так, но она дочь генерала Альберто Бачелет, убитого в годы диктатуры Пиночета.

Более того, у Мишель Бачелет есть еще и политический наставник в лице Рикардо Лагоса – президент Чили 2000–2006 гг. В 1987-м возглавил «Комитет левых сил за демократические выборы», стал одним из создателей Партии за демократию [5].

В 2000-м президент Чили Рикардо Лагос назначил Бачелет министром здравоохранения страны, затем министром обороны. В конце 2004-го Мишель Бачелет объявила о намерении баллотироваться на пост президента страны. Ее выдвинул блок «Демократическое согласие».

Еще один пример – Дилма Русефф, нынешний президент Бразилии. Она стала президентом при поддержке Луиса Лула, который был президентом Бразилии с 2003 г.

В 2002 г. Она вступила в комитет, ответственный за энергетическую политику, когда Луиа Инасиу Лула да Силва был еще кандидатом в президенты. Он использовал опыт и знания Дилмы Русефф в своей предвыборной компании. Затем, когда он уже был избран президентом, назначил ее на пост министра энергетики. В 2005 г. она стала первой женщиной, возглавившей пост Администрации президента. Затем в 2010 г. Дилма Русефф объявила о на-

мерении баллотироваться на пост президента, и Луис Лула поддержал ее кандидатуру [6].

Джанет Джаган стала президентом после смерти супруга, бывшего президента Гайаны Чедди Джагана. В 1950 г. Джанет была основательницей Народной прогрессивной партии Гайаны. Это была первая многонациональная партия Гайаны. В 1953 г. были проведены первые всеобщие выборы, на которых граждане Гайаны избрали главой регионального правительства Чедди Джагана. Однако Великобритания под давлением Запада устранила эту партию. Затем была министром здравоохранения в 1957 г., в это же время Чедди Джагана вновь избрали на эту же должность. Далее Джанет Джагана была министром внутренних дел, депутатом парламента. В 1997 г., после смерти мужа стала сначала премьер-министром, а осенью того же года победила на президентских выборах [7].

Таким образом, данные женщины-политики играли и играют скорее роль символа, «связи времен», продолжая политические начинания или борьбу своих политических наставников: мужей и отца, как в случае с Мишель Бачелет.

Интересным является и тот факт, что женщины приходят к власти в тех странах, где некогда существовали авторитарные режимы. Например, Дилма Русефф столкнулась с военной диктатурой. Она пробыла в тюрьме 3 года, где ее пытали электрошоком.

Что-то похожее испытала и Мишель Бачелет в 1970-х [8].

Кстати, в демократичной Америке еще ни разу женщина не была президентом. И всего лишь 17 % Конгресса составляют женщины, что меньше, чем во всех странах Латинской Америки.

Однако следует отметить, что отставание женщин от мужчин в странах Латинской Америки по уровню представительства в руководстве политических партий, в органах законодательной и исполнительной власти, на всех уровнях прослеживается на протяжении всей истории. В большинстве стран американского континента женщины получили право участвовать в выборах и тем более быть объектом выборов намного позже, чем мужчины. Например, в Конституции Чили 1833 г. прописано, что правом голоса наделены чилийцы (без разъяснения пола), фактически никто не ограничивал женщин вправе участвовать в выборах [9]. Одна-

ко на практике было совсем по-другому. Официально женщинам в Чили разрешили «избирать и быть избранной в муниципальных выборах при условии, что женщина умеет читать и писать» законом № 5.357 в 1934 г. [10].

На сегодняшний день 12 стран Латинской Америки и Карибского бассейна имеют даже гендерные квоты для членов законодательного собрания. Эта квота составляет 50 % в Боливии и 40 % в Аргентине, Коста-Рике и Мексике. В других регионах мира статистика присутствия у власти женщин следующая: в Скандинавии их почти 40 %, в западноевропейских странах – 16 %, 10 % женщин в российской Государственной Думе. Далее идут азиатские страны и Африка, где в среднем только 5 % мест заняты женщинами [11].

Есть четыре ярких примера, которые подтверждают, что женщины могут быть успешными во власти, строить блестящую политическую карьеру, но при этом они продолжают дело своих наставников.

Каковы же причины появления женщин-президентов в странах Латинской Америки?

Первая причина: народ ожидает обновление облика политической элиты.

Вторая причина: рост популярности женщин идет в ногу с общественной революцией.

Другие аналитики отмечают, что подъем женщин в латиноамериканском обществе связан с ростом влияния коренных народов и низких слоев населения. Вслед за ускорением процесса демократизации в Латинской Америке, постоянно повышается их политический статус, это привело к такому явлению, как «коллективный поворот налево» на этом континенте. Так, например, президенты Боливии Эво Моралес Айма, Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва, Венесуэлы Уго Чавес являются представителями левых политических партий, которые выступают за права и интересы коренных народов и низших слоев населения.

Третья причина: юридически гарантировать право на участие в политической жизни.

Согласно исследованию о гендерном различии в 116 странах, которое проводилось Мировым экономическим форумом в 2006 г., Аргентина заняла 23 место по праву участия женщин в политике,

опередив США и Канаду. Многие аналитики отмечают, что причиной подобного явление стал принятый в 1991 г. закон об увеличении мест для женщин в Национальном конгрессе.

В настоящее время уже в 14 странах Латинской Америки законодательно утверждено, что при выборе на любую должность обязательно необходимо, чтобы свыше 40 % кандидатов были женщины.

Четвертая причина: женщины ни чем не уступают мужчинам.

Бытует мнение, что женщины более успешны в политике в виду своей осмотрительности и осторожности, что женщина смотрит на происходящее взглядом матери. Возможно, это так. Но смогли ли бы женщины быть столь успешны в политике, если бы не воплощали или продолжали идеи своих наставников?

Список литературы

1. The World's Women 2010: Trends and Statistics http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/Worldswomen/WW2010pub.htm
2. Феномен женского лидерства в странах Латино-Карибской Америки. Режим доступа: http://www.i-g-t.org/2011/04/26/феномен-женского-лидерства-в-странах.
3. Там же.
4. Женщины берут власть в Южной Америке. Режим доступа: http://www.pravda.ru/test/world/restofworld/31–10–2007/243834-kirshner-0.
5. The Anomaly of Female Leadership in Latin America. Режим доступа: http://thepolitic.org/the-anomaly-of-female-leadership-in-latin-america.
6. Presidency of Republic. Biography of the President. Режим доступа: http://www.brasil.gov.br/sobre/brazil/president-of-the-republic/biography-of-the-president/br_model1?set_language=en.
7. Thunder in Gayana. Режим доступа: http://www.pbs.org/independentlens/thunderinguyana/janet.html.
8. Women take reins of power in Latin America, but not in U.S. Режим доступа: http://progressive.org/mpballve011311.html.
9. Constitución política de la república chilena, 23 de mayo de 1833. Режим доступа: http://www.historia.uchile.cl/CDA/fh_article/0,1389, SCID %253D10738 %2526ISID %253D417 %2526PR

T %253D10717 %2526JNID %253D12,00.html.

10. El Voto Femenino en Chile: Un derecho adquirido un día como hoy. Режим доступа: http://www.elquehaydecierto.cl/noticia/politica/el-voto-femenino-en-chile-un-derecho-adquirido-un-dia-como-hoy.

11. The World's Women 2010: Trends and Statistics. Режим доступа: http://unstats.un.org/unsd/demographic/products/Worlds-women/WW2010pub.htm.

12. Las mujeres y el poder. Режим доступа: http://www.analitica.com/va/internacionales/opinion/4628559.asp.

В. В. Дементьева,
департамент философии ИСПН УрФУ, магистратура,
2-й год обучения

ДЕФОРМИРУЮЩАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ: ПСИХИЧЕСКОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИИ

Лингвистический и онтологический повороты в философии XX в. наметили историческое движение мысли от идей и понятий к практикам, от человека созерцающего и рефлексирующего к человеку действующему. Стала очевидна коммуникативная функция языка, и возникла необходимость понимания человека в его связи с другими, понимание его в обществе через общение, через коммуникацию.

Карл Ясперс вводит в философию термин «коммуникация», которая, согласно его концепции, является единственным способом излечения от психических заболеваний. Для Ясперса коммуникация непосредственно связана с его оригинальной концепцией понимания как необходимой предпосылки психиатрического лечения и правильной постановки диагноза. Процесс и результат взаимодействия пациента с врачом и есть это особое понимание, которое видится им не просто как обмен информацией, но как взаимодействие двух экзистенций. Кроме того, Ясперс первым обращает внимание на проблему патологии или проблем в коммуникации.

Таким образом, к XX в. в философии, психиатрии, социологии и в гуманитарных науках в целом плотно закрепляется понятие коммуникации. Коммуникация начинает пониматься исследовате-

лями не только как тип взаимодействия между людьми, предполагающий, в первую очередь, информационный обмен, но и как взаимодействие, опосредованное знаками, символами и текстами. Существует множество развивающихся и изменяющихся концепций коммуникации, движущихся от линейности к феноменологии, от внимания к знакам к вниманию к практикам.

Наиболее полно основные тенденции в понимании коммуникации в неклассической философии представляет социальная топология, изучающая то, как человеческие тела во взаимодействии с другими телами воспроизводят социальность с помощью специфических техник и практик; как взаимодействующие тела производят знаково-коммуникативную связь и все многообразие социальности. Преодолевая классическое понимание человека как сведенного к разуму или душе, топология вводит в философию понятие человеческой телесности и делает акцент на совместности. Социальную топологию предварила еще феноменология, заложив необходимые основы для понимання и истолкования процесса конституирования телесности и социального мира.

Топология формируется в конце XIX – начале XX в., под ней понимается описание пространственно-временных параметров социального бытия, порождающегося в ходе телесного взаимодействия людей [1, с. 7]. Социально-топологический подход представляет нам социальность как сочетание трех граней: телесности, местности и совместности [5, с. 171].

Телесность человека непосредственно связана с живым телом, пребывающем в мире, она ни что иное, как процесс, длительность, переживание, связанные с нашим использованием телесных ресурсов (жестов, поз и пр.). В процессе порождения телесности и ее использования важную роль играют практики и техники, которые не только способствуют формированию социального тела, но и опосредуют все социальные отношения в целом.

Всякая техника отсылает нас к соответствующей практике, поэтому следует рассмотреть оба понятия. Техники и практики здесь становятся тем, что опосредует и объединяет указанные три грани социальности – телесность, местность и совместность. «Практику» мы предлагаем здесь понимать как «тип регулярного вза-

имодействия между людьми по производству и воспроизводству социальности в целом» [1, с. 72], без чего невозможно выживание людей. Практики порождают все полноту социального бытия людей, это такие практики, как производственная, политическая, религиозная и т. п. «Техника» же подразумевает «традиционные способы использования тела в различных обществах» [1, с. 72]. Каждая практика предполагает собой некоторый набор техник. Каждая техника в практике оформлена определенным знаковым образом, что и позволяет нам говорить о связи телесных и коммуникативных техник.

Таким образом, социальность предстает перед нами как совокупность неких объективированных, телесно воплощенных в ходе ее воспроизводства, событий взаимодействующих людей [1, с. 13]. Социальная реальность не существует объективно, она конструируема (на чем настаивали еще П. Бергер и Т. Лукман в работе «Социальное конструирование реальности»), как и человеческая телесность. Для понимания социальности недостаточно мыслить связи между людьми существующими независимо от них, необходимо понимать, что люди совместно воспроизводят эти связи посредством коммуникативных и телесных практик. Коммуникация между людьми представляется нам не только как речевое и знаковое взаимодействие, но и как взаимодействие их тел в местах социальности, взаимодействие, формирующее ее пространство.

Человек – существо совместное, и он всегда существует рядом с другими. Первой совместностью становится семья. П. Бергер и Т. Лукман, описывая процесс первичной социализации, делают акцент на том, что семья позволяет индивиду перенять установки и правила поведения (перенять коммуникативные и телесные техники и практики) всего общества [3, с. 212]. Таким образом, именно в повседневной семейной ситуации происходит формирование социального тела. Но это описание некой модели «идеальной» семьи, в реальности же все может проходить несколько иначе.

Отличные от варианта П. Бергера и Т. Лукмана варианты описания внутрисемейного взаимодействия мы можем найти в концепции double bind Г. Бейтсона, описаниях семей-серий и семей-связок у Р. Д. Лэйнга и в заметках о шизофреногенных семьях у Д. Купера.

Ситуацию double bind Бейтсон с соавторами описывают следующим образом:

– наличие двух или более участников, один из них является «жертвой»;

– повторяемость ситуации;

– первичное негативное предписание, которое может принимать одну из двух следующих форм: «Не делай того-то и того-то, иначе я накажу тебя» или «Если ты не сделаешь того-то и того-то, я накажу тебя»;

– первичному предписанию противоречит вторичное, которое вступает в конфликт с первым на более абстрактном уровне, обычно оно передается с помощью невербальных средств, и так же, как и первое, подкрепляется наказаниями или сигналами, угрожающими самому существованию ребенка;

– третичное негативное предписание, лишающее жертву возможности покинуть поле действия;

– невозможность метакоммуникации, то есть коммуникации о коммуникации.

Р. Д. Лэйнг отмечает, что как только человек становится членом семьи, он претерпевает некие изменения. Для их объяснения он вводит понятия серии (ряда) и связки. Он делит семьи на два типа: семьи-серии и семьи-связки [6, с. 7]. В серии члены группы разделяют общую цель, но не зависят друг от друга в ее достижении, они взаимозаменяемы, способны сформировать лишь «сырую» идентичность на основании интерпретации поведения друг друга. Это очередь на автобусной остановке – некое хаотичное единство. Серия характеризуется отчуждением, определяет себя как «они», а не как «мы».

Связка является более крепким и сложным образованием, ее члены объединяются уже непосредственно для достижения общей цели. Существование связки зависит от каждого ее члена, узел связки разорвется, как только хотя бы один член попытается покинуть группу. Поэтому для функционирования связки важен внешний враг, даже придуманный. Внешний мир предстает невероятно опасным, и в целях защиты от этой внешней опасности связка генерирует террор.

Эта общая типология социальных групп мыслится Лэйнгом как типология семейного функционирования. Семьи-серии – это семьи, в которых ее члены абсолютно друг о друге не беспокоятся, семьи-связки – это семьи, скрепленные страхом и беспокойством, виной и шантажом, где все друг друга мучают. Согласно Лэйнгу, психическая болезнь зарождается именно в семье – «не человек, а семья – единица болезни, и не человек, а семья поэтому нуждается в „лечении"…» [7, с. 23].

Д. Купер исследует политику жизни и властных отношений через понятие безумия, и основным пространством для этого исследования становится микрополитический уровень семьи. Наиболее типичная для XX в. нуклеарная семья, единица капиталистического общества, привлекает исследовательское внимание Купера. На его взгляд, для преобразования общества и культуры в целом необходимо деконструировать семью. Он пишет: «Бессмысленно говорить о смерти Бога или смерти Человека, пародируя серьезные намерения некоторых современных богословов и философов-структуралистов, пока мы не увидим своими глазами смерть семьи, – той системы, социальное обязательство которой состоит в незаметной фильтрации нашего опыта и последующем лишении наших действий всякой подлинной и богатой спонтанности» [4, с. 6]. Семья является самой могущественной абстракцией современности, абстракцией, заменяющей людям Бога.

Семья, согласно Куперу, это группа социально трансформированных безымянных людей, работающих и проживающих совместно в определенной институциональной структуре. Важнейшая функция семьи – функция посредника, семья, по Куперу, является агентом государства, так как содержит в себе всю логику властных институций общества. Примечательно, что Купер, так же, как и Лэйнг, использует термин «связка» для описания семьи, что делает их концепции еще более схожими.

Семья, по Куперу, является механизмом насилия, и ее любовь никогда не бывает бескорыстной. Она уничтожает способность здорового человека сомневаться, формируя модели поведения, которые не могут быть оспорены. Вырваться из семьи, согласно Куперу, практически невозможно, так как таким образом человек,

пытающийся отдалиться, нарушает самый главный запрет семьи – запрет одиночества. Избавление от семьи всегда болезненно, поскольку это и избавление и разрушения собственного «Я», которое, по Куперу, и есть семья. Д. Купер предполагает, что безумие – это движение от семейственности к автономии, движение, нарушающее самое жесткое табу, наложенное семьей, и именно поэтому оно подвергается таким репрессиям. Безумие представляется Куперу политическим диссидентством (здесь явно просматривается его революционный настрой по отношению к семье), а освобождение безумия для него – это политический акт.

Указанные авторы, оперируя результатами анализа взаимоотношений в семьях шизофреников, дают описание тех проблем, которые могут возникнуть в коммуникации внутри семьи. Их теории мы считаем возможным объединить следующим тезисом: порождение социального тела всегда происходит в процессе перехода от Я к Другому [2, с. 141], и именно в эти моменты человек очень уязвим. Преувеличенное воздействие Другого влечет за собой болезнь, в том числе и психическую. Другой как бы изгоняет человека из собственного тела, и чтобы удержаться в нем, человеку приходится притворяться больным. Рональд Лэйнг описывает процесс формирования ложного Я психически больного человека, который замещает Я истинное, загоняемое глубоко внутрь. Этот процесс видится ему как механизм защиты от давления Другого. Грегори Бейтсон отмечает, что человек, долгое время существовавший в безвыигрышной ситуации double bind (ситуации, в которой человек получает два противоречивых предписания, отрицающих друг друга на разном уровне) действует согласно выработанной стратегии даже тогда, когда ему наконец-то удается покинуть эту повторяющуюся ситуацию, такой человек перестает различать коммуникативные модальности.

Следствием описанных проблем во внутрисемейной коммуникации, согласно указанным исследователям, является шизофрения. Мы считаем, что диагноз «шизофрения» не может быть принят нами к рассмотрению как следствие проблем в коммуникации. Находясь за психиатрией, в пространстве философского осмысления коммуникации, мы должны пойти чуть дальше (или глубже), вслед

за Ясперсом, и обратить внимание на субъективные переживания пациента с психическим заболеванием. Поэтому мы заострим внимание именно на переживаемых пациентами патологических трансформациях времени, пространственности и телесности. Именно на эти аспекты патологических переживаний обращали свое внимание не только многие психиатры, но и исследователи, питавшие симпатию к феноменологической психиатрии – психиатры В. Бланкенбург, Я. Х. Ван Ден Берг, К. Куленкампф, Х. Телленбах, А. Шторх, Ю. Цутт; философы М. Фуко и К. Ясперс. Относительно времени это могут быть ощущение его растянутости или, наоборот, сжатости, переживание мгновения как длящегося невероятно долго, ощущение остановки времени и страх перед мертвой, пустой вечностью. Касательно пространства многие исследователи отмечают патологическое изменение расстояний между объектами пространства, потерю глубины, двухмерность пространства, утрату связей между объектами. Человек больше не может действовать, ведь он не имеет опоры, он как будто завис в невесомости и больше не может иметь никаких отношений с окружающим миром. Говоря о теле, ученые называют среди его патологических трансформаций ощущения отсутствия конечностей, тяжести, окаменения, переживание ненахождения в собственном теле и внешнего источника собственных телесных ощущений. Как уже было отмечено, трансформируется не анатомическое тело человека, а его телесность, то есть разрушается его социальное тело. Психическое заболевание, таким образом, изменяя переживания пространства и времени, разрушает две из трех граней социальности – телесность и местность. Человек лишается возможности действовать в поле социальности, лишаясь и самого пространства, и своего ресурса для осуществления взаимодействия.

Семья как первая совместность для человека порождает его социальное тело в процессе взаимодействия со значимыми Другими, но внутрисемейное взаимодействие не всегда идет гладко и может привести к психическому заболеванию, которое, в свою очередь, может разрушить социальное тело и социальное пространство для человека. Таким образом, мы можем заключить, что семья (как совместность значимых Других), не только порождает социальное

тело человека, но и может деформировать его, делая невозможной новую коммуникацию. Разрушение телесности и местности влечет за собой разрушение совместности, лишая человека доступа к коммуникативному полю и к использованию принятых в этом обществе техник и практик.

Список литературы

1. *Азаренко С. А.* Сообщество тела / С. А. Азаренко. М.: Академический Проект, 2007.

2. *Азаренко С. А.* Современность: трансформация системы ценностей и ее антропологические аспекты / С. А. Азаренко // Гуманитарный альманах «Человек.RU». 2012. № 8. С. 136–152.

3. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М. : Медиум, 1995.

4. *Ясперс К.* Общая психопатология / К. Ясперс ; пер. с нем. Л. О. Акопяна. М.: Практика, 1997.

5. *Azarenko S.* Signs and Things: Topology of communication / S. Azarenko. // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. № 6. P. 171–179.

6. *Cooper D.* Psychiatry and Anti-psychiatry / D. Cooper. London, New York: Tavistock Publications, 1967.

7. *Laing R. D.* Series and Nexus in the Family / R. D. Laing // New Left Review. 1962. № 15.

А. С. Деткова,
департамент философии ИСПН УрФУ, 2-й курс

ГОСПОДСТВО НАД ВАВИЛОНСКОЙ БАШНЕЙ – СКВОЗЬ ИЛИ ПОСРЕДСТВОМ ЯЗЫКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

«Полное господство над Вавилонской башней» – задача, которую определил У. Эко в анализе «истории одной утопии» европейской мысли [5]. Мы же, обращаясь к этому и иным источникам, попробуем проследить, в каком отношении к языку повседневности находились попытки конституирования совершенного языка; очевидна ли коррелятивность этих понятий или же они иерархически размежеваны, иначе говоря, определим, что одно есть для другого.

Оговорим, что под языком повседневности мы понимаем естественный язык конкретного субъекта в определенных пространственно-временных рамках [1]. Понятие совершенного языка включает в себя, во-первых, проекты реконструкции некоего первоначального языка, во-вторых, проекты искусственно сконструированных языков, обладающих структурным и функциональным превосходством и, в-третьих, языки мистические, миссия которых состоит в выражении особой истины.

Языковая история европейской культуры начинается с феномена наречения разных тварей nominibus suis (с лат. – их собственными именами) (Бытие 2:19–20). Первое употребление языка энигматично, книга Бытия не поясняет, что есть адамово поименование, связан ли адамов язык с реальностью настолько, что семиотически ее воссоздает, или же прародитель действием воли конструирует знаковую систему, основная функция которой – номинативность. Восстановление естественного для Адама языка станет магистральным явлением в общеевропейской дискуссии поиска языка универсального, так как следующее лингвистическое событие повествует о «confusion linguarum» (с лат. – смешение языков) (11:1). Знаковый языковой сюжет Вавилонского столпотворения объясняет факт различия языков повседневности, проводит черту между единством совершенного языка Адама и множественностью языков грешных строителей. Именно здесь корни ветвистого дерева проектов создания совершенного языка.

Отвлекаясь от культурных реалий, тенденции которых сформируют позже направление лингвистических поисков, обратимся к первому этапу сознательного существования Европы. Особое античное понимание речи конструирует понятие «λόγος», которое есть и слово, и мысль. Аристотель в «Категориях» выстраивает модель мира, параллельную структуре именно греческого языка. Так, первостепенен именно язык повседневности (греческий, позже латынь), его совершенство – в способности выражать идеи, что атрибутивно отсутствует в варварских языках.

Как преемница культуры Античности, средневековая ментальность продолжает возвеличивание естественного языка. Развитие этничности, однако, воссоздает ситуацию ужаса перед «вавилон-

ским столпотворением», что ставит проблему поиска совершенного языка. Данте признает: «знатнее же <...> народная [речь]; и потому, что она первая входит в употребление у рода человеческого, и потому, что таковою пользуется весь мир, при всем ее различии по выговорам и словам, и потому, что она для нас естественная» [4, с. 265]. Развитие дантевского лингвоучения трансформируется в понятие forma locutionis – не конкретный язык абсолюта, но своеобразную дарованную свыше «форму речи», включающую в себя как сам язык, так и способность к нему.

Знаковой для Средневековья является фигура Раймунда Луллия с его «Ars magna» (с лат. – «Великое искусство») – системой философского языка как универсального средства для внушения «неверным» христианских истин. Неэффективность данного проекта закономерна: содержание системы можно понять только в контексте европейского мышления, формируемого языком повседневности. Органическая связь между языком и образом мысли обнаруживается в «innere Sprachform» (с нем. – внутренняя форма языка) [3, с. 309], которая выражает видение мира, присущее народу, говорящему на этом языке.

Лингвофилософы XVI–XVII вв. продолжают традицию моногенетичности языка и утверждают совершенным языком еврейский, определяя его как материнский для естественных. Развитие лингвистической компаративистики и становление национальных государств продуцирует в XVIII в. националистические гипотезы происхождения языка.

Египтология, китайская идеография стимулируют в эпоху Возрождения больший отрыв от повседневных языков Европы. Создаются языки образов, основанные на признании неких культурных универсалий. Эта традиция переносится в Новое время, где создание априорного философского языка становится важнейшим проектом европейской мысли. Этот язык, по Бэкону, не содержит «имена несуществующих вещей <...>, либо имена существующих вещей, но неясные, плохо определенные и необдуманно и необъективно отвлеченные от вещей» [2, с. 60]. Иначе говоря, построение нового языка заключается здесь лишь в лингвистической реформе естественного языка.

Таким образом, совершенный язык мыслится на протяже-

нии всей истории Европы в двух конструктивных модусах. Первый – генетический: праязык мыслится как совершенный, а язык повседневности – как его трансформации, искажения. Второй – близкий к платонизму – констатирует совершенство некоего метаязыка, тогда естественный язык – его, метаязыка, реализация, неточное воспроизведение. Причем создание совершенного языка в каждом из подходов опирается на повседневный язык, создается посредством естественно-языкового инструментария или конструируется в оппозиции к языку обыденной коммуникации.

Список литературы

1. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер ; под. общ. ред и коммент. Т. В. Булыгиной ; вступ. ст. Т. В. Булыгиной и А. А. Леонтьева ; пер. с нем. М. : Прогресс, 1993. 528 с.

2. *Бэкон Ф.* Новый органон / Ф. Бэкон ; пер. С. Красильщикова. М. : Соцэкгиз, 1935.

3. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. Г. В. Рамишвили. М. : 1984. С. 307–323.

4. *Данте Алигьери.* Собрание сочинений : В 2 т. Т. 2. О народном красноречии ; пер. А. Петровского. М. : Вече, Литература, 2001. С. 265–310.

5. *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. Серия «Становление Европы» ; пер. с итал. и прим. А. Миролюбовой. СПб. : «Александрия», 2007. 423 с.

Е. С. Дорожинская,
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, 4-й курс

АДАПТАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МИГРАНТОВ: ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ В УРФУ

В современном мире интенсивно развиваются межгосударственные образовательные контакты, увеличивается число молодых людей, получающих высшее образование за пределами своего государства.

Фундаментальность российского образования делает Россию привлекательной для иностранных студентов, и традиционно

в наши вузы приезжают на обучение студенты из разных стран. За последние годы количество иностранных студентов в нашей стране значительно увеличилось, что подтверждает главную тенденцию Болонского процесса – интернационализацию образования.

По данным Федеральной службы государственной статистики можно проследить рост числа иностранных студентов в России: в 2007–2008 гг. – 129 600 человек, в 2008–2009 гг. – 131 300 человек, а в 2009–2010 гг. – уже 145 900 человек [1]. Однако эти цифры далеки от тех, какие свойственны сегодня США, Великобритании, Франции, Германии. Это говорит о том, что, несмотря на проводимую нашей страной политику, остается еще много проблем и препятствий, которые вынуждают мигрантов при выборе страны обучения отказаться получать высшее образование в России.

С 2008 г. Российская Федерация активно проводит новую миграционную политику и реконструирует систему высшего образования, стараясь создать для иностранных студентов привлекательные условия обучения и проживания в нашей стране. В рамках данной политики, а также модернизации системы образования в России стали формироваться федеральные университеты.

В мае 2011 г. в Екатеринбурге произошло объединение двух крупных университетов: Уральского государственного университета имени А. М. Горького и Уральского государственного технического университета имени Б. Н. Ельцина. Это объединение было совершено в целях создания одного из семи федеральных университетов России, которые бы обеспечили тесное международное сотрудничество, а также для того, чтобы наша страна могла использовать свой потенциал на мировом рынке образовательных услуг. В настоящее время руководство УрФУ проводит различные мероприятия, которые реконструируют существующую систему не только обучения, но и проживания иностранных студентов, но «отталкивающих» моментов – нерешенных проблем – остается еще достаточно много.

Сегодня УрФУ обладает самой обширной в регионе географией международных связей, включающей как страны СНГ, так и дальнее зарубежье. В общей сложности за последние четыре года преподаватели УрФУ были командированы в 54 страны мира,

включая и такие отдаленные, как Чили, Новая Зеландия и Танзания. Сегодня около ста преподавателей готовы читать ряд курсов на английском, немецком, итальянском, французском или сербскохорватском языках.

В 2012 учебном году в Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ) было зачислено около 300 иностранных студентов, 70 из них приехали из стран дальнего зарубежья. В университете сегодня учатся молодые люди из 36 государств мира [2]. Рост числа иностранных студентов в вузе актуализирует проблемы, связанные с успешным прохождением процесса социальной адаптации учебными мигрантами, и соответственно, обеспечением оптимальных условий их проживания и обучения в УрФУ.

Приезжая в Россию, иностранный студент попадает в принципиально новые социальные условия. Несмотря на уже имеющийся социальный опыт, полученный в родной стране, условия жизни и обучения в России можно считать для студента-иностранца непривычными. Иностранному студенту необходимо адаптироваться к климату, бытовым условиям, новому языку общения, интернациональному характеру учебных групп, особенностями образовательного процесса. В результате студент вынужден спонтанно реагировать и конструировать свои действия и взаимодействия.

В рамках данной статьи под социальной адаптацией мы будем понимать процесс приспособления личности к условиям новой среды на основе выработки общих норм, правил поведения, и результат изменений личности, позволяющий ощущать себя представителем данного социума; это форма активного отношения субъекта к окружающей действительности, направленной на преобразование объективно существующих структур и личностного потенциала.

Социальная адаптация в рамках социологического подхода составляет некую систему, включающую в себя производственную, бытовую и досуговую адаптации. Эти разновидности социальной адаптации играют огромную роль в процессе приживаемости человека на той или иной территории. Социальная адаптация охватывает огромное количество различного рода связей, в том числе межличностных, межнациональных, родственных и других.

С целью определения круга проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты в процессе адаптации, в конце 2012 г. нами было проведено социологическое исследование, объектом которого выступили иностранные студенты, обучающиеся в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (N = 200). В опросе приняли участие студенты из стран дальнего и ближнего зарубежья: Азербайджана, Японии, Казахстана, Таиланда, Кореи, Монголии, Китая.

Полученные данные позволили нам выделить некоторые проблемы социальной адаптации, которые мы проанализировали по двум базовым векторам: учебно-образовательному и досугово-бытовому. Остановимся на каждом из них.

Одна из основных проблем в сфере обучения – дефицит практической деятельности по специальности. Студенты также отмечают, что учебной литературы на родном языке недостаточно, а изучению русского языка отводится мало времени в учебном плане. Языковые барьеры затрудняют общение с преподавателями, студентами, принимающим сообществом. Значительная часть опрошенных иностранных студентов (40 %) оценили свой уровень знания русского языка как «могу читать, но плохо понимаю речь». Это обусловливается тем, что почти половина образовательных мигрантов УрФУ приехали из Китая и Кореи, и русский язык по своему происхождению и особенностям далек от их родного языка. Русский язык является одним из самых сложных языков в мире, поэтому его освоение является занятием весьма трудным и занимает большое количество времени.

Анализируя полученную в ходе исследования информацию, мы пришли к выводу, что наиболее сложной проблемой для иностранных студентов является недостаточное количество часов преподавания русского языка. Это обусловлено тем, что основной преградой при получении высшего образования учебным мигрантом является языковой барьер, преодолеть который очень сложно. Такая проблема усложняет процесс социальной адаптации иностранного учащегося, так как ему достаточно тяжело привыкнуть к новой культурной среде, не понимая речи ее представителей. Неоднозначность интерпретации языковых выражений, обусловленной разными культурными традициями, использование сленга,

идиоматических выражений коренным населением ведет к искажению восприятия, неверным оценкам, а также к ограничениям взаимодействия с жителями города.

Быт и досуг иностранных студентов выступает неотъемлемым компонентом их жизнедеятельности. Большинство иностранных студентов проживают в общежитии, их не удовлетворяет санитарно-гигиеническое состояние места проживания и большая численность студентов, проживающих в одной комнате.

Студенты отдают предпочтение национальной кухне, блюда которой готовят сами, получая посылки со специями из дома. Столовые, кафе и рестораны не пользуются особым спросом, поскольку требуют значительных затрат.

Качество медицинских услуг студентов категорически не удовлетворяет: очереди на прием к врачу, грубость со стороны медперсонала. Каждый третий студент отметил оскорбления со стороны продавцов в магазинах, полицейских, кондукторов в транспорте. Основная причина – принадлежность к иной этнической группе. Свободное время студенты занимают пассивными видами деятельности: компьютер, чтение книг, прослушивание музыки.

Основными элементами, которые включили студенты в свои повседневные практики, стали предпочтения в еде и напитках (кипяток с медом, чай с лимоном и сахаром, соленые огурцы), девиации (курение, алкоголь), одежда (открытая откровенная одежда). Они также отметили и новые личностные качества, которые приобрели: откровенность, равнодушие, злость, медлительность.

В ходе работы мы выяснили, возникали ли у иностранных студентов университета конфликты с принимающим местным населением. У трети опрошенных во время пребывания в России возникали различного рода конфликты. Причиной возникновения конфликтов, по мнению половины ответивших (46 %) учебных мигрантов, была дискриминация («другая нация», «дискриминация»).

Проанализировав полученные результаты исследования, мы выделили основные группы людей, с которыми у иностранных студентов наиболее часто возникают конфликты: сотрудники медицинских учреждений, работники общественного транспорта, продавцы и сотрудники полиции. Важно отметить, что у учебных

мигрантов не возникали конфликты со студентами УрФУ. Следовательно, молодое поколение более лояльно и адекватно относится к новым членам их общества и воспринимает явление образовательной миграции как норму.

Избежать возникновения конфликтов, к сожалению, в настоящее время практически невозможно, поскольку они возникают не в вузовской среде, а за ее пределами, и соответственно, «перевоспитать» наших невежливых и «конфликтных» работников медицинских учреждений, общественного транспорта и торговых предприятий нереально и тем более нереально как-либо проконтролировать данное явление.

В структуре досуга образовательных мигрантов лидерство принадлежит пассивным видам деятельности: свободное время проводится за компьютером (68 %) и слушанием музыки (51 %).

Процесс социальной адаптации иностранного студента к новым условиям проживания и обучения имеет определенные фазы или стадии, через которые проходит каждый образовательный мигрант.

Принято выделять четыре стадии адаптации личности в новой для нее социальной среде [3]:

1) начальная стадия, когда индивид или группа осознают, как они должны вести себя в новой социальной среде, но еще не готовы признать и принять систему ценностей, нормы поведения новой среды и стремятся придерживаться прежней системы;

2) стадия терпимости, когда индивид, группа и новая среда проявляют взаимную терпимость к системам ценностей и образцам поведения друг друга;

3) аккомодация, т. е. признание и принятие индивидом норм поведения, основных элементов системы ценностей, новой среды при одновременном признании некоторых ценностей индивида, группы новой социальной средой;

4) ассимиляция, т. е. нормы поведения, системы ценностей индивида, группы и среды идентичны; становятся привычными и комфортными для всех членов.

Анализируя материалы исследования, мы попытались определить продолжительность каждой из стадий.

Начальная стадия социальной адаптации иностранных студентов длится в среднем от 3 до 6 месяцев. На этой стадии мигранты «знакомятся» с новой средой: активно осваивают языковые нормы; наблюдают за манерами поведения «местных» студентов, в основном в рамках университета; в быту их привычки не меняются – в пищу они стараются употреблять еду только собственного приготовления; круг их общения сосредоточен непосредственно в месте проживания – в комнате с соседями-земляками.

Продолжительность данной стадии существенно сокращается, если иностранный студент к моменту поступления в университет имеет средний уровень знания русского языка («читает и понимает речь»). Как правило, студенты из стран бывшего СССР проходят данную стадию в 1,5–2 раза быстрее студентов из других стран.

Переходу на следующую стадию способствует накопление знаний о России: о ее истории, о культуре поведения в общественных местах, об особенностях взаимодействия между полами и с преподавателями.

На процесс протекания второй стадии наиболее сильное влияние оказывают мотивы получения образования в России, в выбранном вузе. Для 44 % опрошенных иностранных студентов основным мотивом поступления в вуз стало стремление получить высшее образование хорошего качества. Пятая часть опрошенных мигрантов поступили в федеральный университет потому, что им были предоставлены направления на обучение Министерством образования. Следует обратить внимание на то, что группа иностранных студентов (14 % опрошенных) поступили именно в этот в университет, потому что здесь была предоставлена возможность получить образование бесплатно.

Таким образом, в ходе исследования, мы выяснили, что мигранты, которые поступили в вуз, исходя из образовательных мотивов, проходят вторую стадию адаптации несколько быстрее чем те, кто в большей степени руководствовался экономическими мотивами.

Особенность прохождения второй стадии социальной адаптации заключается в том, что в большинстве случаев она «сливается» (совпадает) с первой стадией. Однако нередки случаи, когда для образовательных мигрантов эта стадия становится конечной:

они не желают принимать нормы страны и вуза и мириться с ними, начинается процесс дезадаптации.

В процессе перехода на 3 стадию адаптации у иностранного студента появляется чувство удовлетворенности: условиями обучения, проживания, способами проведения свободного времени. Меньшее количество времени требуется тем учащимся, которые активно взаимодействуют с преподавателями и студентами – представителями российской (принимающей) культуры (общества); а также тем, у кого отсутствует опыт негативного общения с местным населением. Треть опрошенных сталкивались или слышали от друзей, знакомых о проявлениях негативных форм поведения по отношению к ним.

Наиболее продолжительной по времени является стадия аккомодации: время ее прохождения – от 6 месяцев до 2–3 лет. Это связано с тем, что процесс слома привычных форм поведения всегда идет медленно. Показателями успешной адаптации на данном этапе выступают: академическая успеваемость, общественная, возможно, и научная активность, уверенность в собственной безопасности и отсутствие различного рода страхов.

Проведенное исследование позволило нам сделать вывод, что успешность протекания процесса социальной адаптации зависит от времени пребывания в стране получения образования.

Завершающей является стадия ассимиляции. Продолжительность этой стадии установить практически невозможно, поскольку она может длиться в течение всей жизни мигранта.

При благоприятных условиях процесс социальной адаптации иностранного студента будет длиться от 1 до 4 лет. Большинство иностранных студентов (70 %), обучающихся на старших курсах (3–4) комфортно чувствуют себя как в университете, так и за его пределами. У них крайне редко возникают конфликты с принимающим сообществом, они не нуждаются в помощи сотрудников (подразделений) вуза, активно проводят свободное время, посещая кино, театры.

Однако хотелось бы отметить, что социальная адаптация – это индивидуальный процесс, поэтому временные рамки прохождения каждой из фаз тоже являются индивидуальными.

Таким образом, образовательным мигрантам приходится каждый день конструировать новые практики с представителями разных социальных групп, осваивать нормы, которые могут противоречить традиционным для них представлениям. Социальная адаптация является важной частью вхождения иностранного студента в новый социальный мир. Успешность данного процесса зависит от многих факторов, и даже при самых благоприятных условиях возникают трудности.

Подводя итог, следует отметить, что руководству УрФУ для успешного использования своего потенциала на мировом рынке образовательных услуг необходимо реконструировать существующую систему обучения и проживания иностранных студентов, создав наиболее привлекательные условия для образовательной миграции, а именно необходимо: организовать «поле» для взаимодействия иностранных студентов с их одногруппниками, разработать план проведения совместных мероприятий; проводить беседы с принимающей стороной на тему спокойного и доброжелательного отношения к новым членам общества, имеющим другую культуру; разработать программы занятий с образовательными мигрантами, направленные на получение постоянной информации о культуре страны пребывания от преподавателей, руководителей разных структур университета; проводить мероприятия, связанные с информированием образовательных мигрантов о возможности получения различных ресурсов в рамках университета, таких как доступ в Интернет, учебных пособий и литературы из специализированных научных кабинетов и т. д.

Несмотря на рост интереса к социальной адаптации иностранных студентов на сегодняшний день и плодотворной работы ученых, остаются незамеченными и нерешенными многие проблемы. Дальнейшее изучение различных аспектов процесса социальной адаптации иностранных студентов поможет в поиске новых эффективных решений актуальных проблем.

Список литературы

1. Иностранные студенты, обучавшиеся в образовательных учреждениях высшего профессионального образования России [Электронный ресурс] : Российский статистический ежегодник,

2010 г. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/doc_2010/year10/year10.rar.

2. Пресс-центр УрФУ: Первокурсникам УрФУ помогут запомнить расположение общежитий и медсанчасти [Электронный ресурс] // Сайт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2012. Режим доступа: http://urfu.ru/home/press/news/article/pervokursnikam-urfu-pomogut-zapomnit-raspolozhenie-o.

3. *Свиязова А. В.* Теоретико-методологические подходы к изучению проблемы социальной адаптации (им) мигрантов в принимающее сообщество [Электронный ресурс] / А. В. Свиязова // Научно-информационный межвузовский журнал. Режим доступа: http://www.aspvestnik.ru/issues/2009_5–6/articles/34_sviyazova.pdf.

М. И. Златоустова,
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
магистратура, 1-й год обучения

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ БЕЗЪЯДЕРНОЙ ЗОНЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Идея о нераспространении ядерного оружия появилась еще в 1950-е гг. К тому времени люди осознали, что ядерное оружие представляет большую угрозу и необходимо не допустить его распространения в мировых масштабах, дабы не спровоцировать дальнейшую гонку вооружений, которая могла бы привести к ядерной войне. Вместе с этим нужно было задуматься об использовании ядерной энергетики в мирных целях. Ввиду деятельности ряда государств в 1968 г. был одобрен Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), вступивший в силу в 1970 г. Важно отметить, что по данному договору «государством, обладающим ядерным оружием, является государство, которое произвело и взорвало ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г.» [2].

Безъядерные зоны были созданы во многих регионах мира: в Латинской Америке (по Договору Тлателолко 1967 г.), в южной части Тихого океана (Договор Раротонга 1985 г.), в Африке (До-

говор Пелиндаба 1996 г.) и некоторых других частях света [1]. Согласно общепринятому определению «безъядерная зона – это территория, свободная от испытаний, производства, размещения, хранения и транзита ядерного оружия, а также в пределах и против которой исключается применение ядерного оружия». Однако для Ближнего Востока создание подобной зоны до сих пор является проблемным моментом, связанным с политической нестабильностью в регионе. ДНЯО, являющийся важным шагом на пути к всеобщему отказу от ядерного оружия, не был подписан Израилем. Необходимо отметить, что уже в 1974 г. в совместной Египетско-Иранской резолюции звучит призыв к созданию безъядерной зоны на Ближнем Востоке. Начиная с 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН ежегодно издает резолюции по вопросу о создания такой зоны в регионе, что пока, видимо, не приносит нужных результатов. В первой резолюции звучал ряд призывов к созданию зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО), к подписанию всеми странами региона ДНЯО и к отказу от производства, хранения, распространения ядерного оружия [5]. В докладе Генерального секретаря ООН от 1991 года говорилось о том, что для эффективности процесса необходимо поставить ядерные установки под гарантии МАГАТЭ. В начале 1990-х гг. идея о создании ЗСЯО трансформировалась в предложение по созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ). В 1991 г. Египет призвал другие государства к сотрудничеству в процессе создания такого типа зоны в регионе.

В 1991 г. в Мадриде состоялась конференция, целью которой было урегулировать отношения между сторонами конфликта на Ближнем Востоке, вопросы ядерного разоружения также подверглись рассмотрению. В результате конференции была создана рабочая группа по контролю над вооружениями и региональной безопасностью, собрания которой проходили в 1992 и 1995 гг. [9]. В результате проведенных в начале 90-х нескольких раундов переговоров стало понятно, что стороны, пусть и с существующими разногласиями по ряду пунктов, готовы к переговорам. В 1994 г. в Тунисе в результате седьмого раунда переговоров было принято решение о создании трех региональных центров безопасности. Стало ясно, что процесс создания зоны растянется на несколько

лет, необходимо развивать дружественную атмосферу в регионе и обеспечить МАГАТЭ доступ на территории государств для проверок. Мадридский мирный процесс стал примером возможности сотрудничества стран региона.

Сам процесс создания безъядерной зоны является проблемой для тех стран региона, которые продолжают «холодную войну» друг против друга как в информационном, так и в реальном плане. Иран, Ирак, Ливия и Сирия в разные периоды обвинялись в разработке ядерного оружия.

Регион является исключительно важным со стратегической и экономической точки зрения. Следовательно, в процесс принятия решения о создании безъядерной зоны вовлечены не только непосредственно сами страны Ближнего Востока, но и многие другие государства. В 1995 г. была проведена конференция по рассмотрению действия и продлению ДНЯО, на которой была принята резолюция о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения [6]. Резолюция стала своего рода политическим компромиссом в отношениях государств региона друг с другом. В ней содержался призыв всем государствам, еще не присоединившимся к ДНЯО, сделать это и поставить свои ядерные мощности под контроль МАГАТЭ. Ключевую роль в конференции 1995 г. сыграл Египет, выступивший своего рода посредником между Израилем и арабскими государствами с призывом заключить мирный договор с Израилем и способствовать вовлечению его в зону нераспространения ядерного оружия.

Вопрос о создании безъядерной зоны приобрел «вечный» статус. В 2000 и 2005 гг. на конференциях по рассмотрению и продлению ДНЯО итоговый документ по насущному вопросу так и не был принят [7]. В практической области не было сделано реальных шагов до 2010 г., когда была проведена еще одна конференция по продлению ДНЯО в Нью-Йорке. На ней были подтверждены обязательства, указанные в резолюции 1995 г., по созданию безъядерной зоны и зоны, свободной от оружия массового уничтожения, указывалось и о дальнейшем созыве в 2012 г. конференции по рассмотрению практического прогресса в деле установления Зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ОМУ). Из выступления делегации России на конференции 2010 г. ясно, что

взгляды РФ отличаются оптимизмом, хоть и признается, что сам процесс будет нелегким: «Мы понимаем, что с учетом всех реалий сегодняшнего дня невозможно представить, что ЗСОМУ на Ближнем Востоке может быть создана в одночасье».

Перед самой конференцией в Хельсинки в 2012 г. стало известно о том, что Израиль не дал согласия на свое участие, конференцию вынуждены были отменить, и инициатором этого стали США.

Одной из основных проблем, связанных с безопасностью региона в ядерном плане, является то, что до сих пор к договору не присоединился Израиль. Данное государство не декларирует наличие ядерного оружия, вместе с тем и не опровергает этот факт. Такая неясность служит поводом для осуждения со стороны стран, входящих в Лигу Арабских государств, имеющих исторически не самые «теплые» отношения с Израилем. Официальные представители Израиля в ответ на все осуждения заявляют, что присоединятся к ДНЯО лишь в том случае, когда будут уверены, что безопасности их страны ничего не угрожает. Война в Персидском заливе 1991 г. способствовала открытию ранее тайной программы создания ядерного оружия в Ираке [3]. Всколыхнувшееся мировое сообщество созвало в 1991 г. в Мадриде конференцию, где за стол переговоров сели представители Израиля, Ирана и других государств Ближнего Востока. Упорство Израиля, его отказ от присоединения к ДНЯО застопорили переговоры и привели к осложнению отношений между Израилем и Египтом. Интерес вызывает сама официальная позиция Израиля, заявляющего о полной поддержке режима нераспространения ядерного оружия.

Проблема состоит и в том, что мирный договор на Ближнем Востоке пока подписан только между Израилем, Египтом и Иорданией. Мирный договор по признанию суверенитета между Израилем и Египтом был подписан в 1979 г. Мирный договор между Израилем и Иорданией был подписан позже, в 1994 г.

Две разные точки зрения препятствуют мирному процессу. В регионе существует две основные коалиции. Позиция арабских государств и Ирана сводится к тому, что Израиль – корень всех проблем, и из-за того, что данное государство не желает присоединиться к ДНЯО и не сотрудничает с МАГАТЭ, не может быть

и речи о создании ЗСЯО. Израиль в свою очередь не желает садиться за стол переговоров с государствами, не допускающими его признания в качестве официального государства.

Эксперты по Ближнему Востоку подвергают сомнению возможность создания безъядерной зоны в данном регионе, пока процесс мирного урегулирования не будет доведен до конца. Существуют неясности и по поводу Иранской ядерной программы. МАГАТЭ в резолюциях уже не раз говорило о встревоженности по поводу иранской программы [4]. Представители Ирана тем не менее отказываются пускать экспертов МАГАТЭ в свою страну для проверки своей деятельности в области ядерных разработок. Сирия упорно отрицает, что в месте Аль-Кибар на реке Евфрат, разрушенном ВВС Израиля еще в 2007 г., находился ядерный реактор [8]. Возобновления ядерной программы Ирака было использовано как оправдание для начала американской операции «Иракская свобода». Однако выяснилось, что никакого возобновления программы не было, как об этом и утверждало МАГАТЭ.

Неясность существует и по вопросу ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) со стороны трех государств Ближнего Востока, а именно Израиля, Ирана и Египта. Официальная позиция Израиля сводится к очередным требованиям признания остальными государствами его независимости, подписания договора со стороны Сирии и Ливии и учреждения эффективного механизма проверок в регионе. Позиция Египта в данном случае полностью зависит от позиции Израиля, а иранская правящая элита не может согласовать свои действия по ядерному вопросу, решение которого (и присоединение к ДВЗЯИ в том числе) еще подразумевает собой и налаживание отношений с Западом.

В 2012 г. генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что международное сообщество должно бить тревогу, в первую очередь, по поводу ядерной программы Ирана, а не из-за возможной разработки атомного оружия Израилем [10]. В докладе Генерального секретаря звучит призыв обратить внимание на проблему Сирии и Ирана, отказывающихся сотрудничать с МАГАТЭ и всячески затрудняющих инспекционные проверки. Кроме того, подчеркива-

ется, что потенциал Сирии в области разработок химического оружия является поводом тревоги со стороны ближневосточных государств. Говорится о необходимости ограничить распространение технологий ядерного топливного цикла, необходимо проводить работу не только на региональном, но и на международном уровне. Можно сказать о том, что в действительности данный доклад подчеркивает враждебность Ирана и готовность Израиля к сотрудничеству. Перечисление ряда конвенций, к которым Израиль присоединился (к примеру, Конвенция о физической защите ядерного материала и Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма), и ряда других действий подчеркивают в целом позитивное отношение к данному государству.

Недавние события показывают, что проблемы в регионе никуда не делись. В апреле 2013 г. в Женеве были проведены двухнедельные переговоры, темой которых стала подготовка к конференции по контролю над применением договора о нераспространении ядерного оружия (планируется на 2015 г.) [9]. Делегация Египта покинула зал заседания, сказав о своем разочаровании в отсутствии реальных действий на пути к установлению безъядерной зоны на Ближнем Востоке. Этот шаг является свидетельством того, что больше Египет не намерен мириться с нерешительностью и двусмысленностью ядерных программ отдельных стран региона.

Говоря о позиции других стран, в частности России, необходимо отметить заинтересованность в ускорении процесса по созданию ЗСЯО в регионе. Михаил Ульянов, являющийся директором департамента по вопросам разоружения и безопасности МИД РФ, возглавил российскую делегацию на сессии Подготовительного комитета конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия в Женеве в апреле 2013 г. Представитель РФ выразил сожаление по поводу того, что конференция по созданию ЗСЯО на Ближнем Востоке, которая должна была быть проведена в 2012 г., так и не состоялась [11]. Он предложил как можно скорее провести конференцию по вопросам создания ЗСЯО.

С конференции 2010 г. так до сих пор и не было сделано реальных шагов на пути создания безъядерной зоны в регионе. Очередные переговоры лишь осложняют сам процесс и затягивают все региональные страны в очередной водоворот взаимных претензий

и конфликтов. Череда революций 2011 г. лишь подчеркивают нестабильность региона, показывая, что решение о безъядерном статусе лучше принять как можно скорее. Политика Ирана в области ядерного оружия, дальнейшие санкции со стороны Европейского сообщества и США, нежелание Израиля войти в клуб безъядерных держав способствуют дальнейшей нестабильности. Ввиду этого существует опасность того, что другие страны могут среагировать в ответ на действия Израиля и Ирана, начав производство ядерного оружия в целях собственной безопасности.

Политика двойных стандартов – не лучшее средство в решении вопросов ядерного разоружения. Пока не будут установлены доверительные, «прозрачные» отношения между странами региона, пока не закончится взаимная вражда, пока террористические группировки продолжают свою активную деятельность на Ближнем Востоке, эксперты из МАГАТЭ не могут дать четких данных о наличии у ряда стран запасов оружия и являются ли ядерные программы опасными для мирового сообщества – пока все это существует, трудно говорить о четких сроках установления безъядерной зоны, стоит лишь ждать дальнейших шагов от стран данного региона и надеяться на успех последующих переговоров.

Список литературы

1. *Сотников В. И.* О безъядерной зоне на Ближнем Востоке / В. И. Сотников. Режим доступа: http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/31–01–11.htm (дата обращения: 08.06.2013).

2. Договор о нераспространении ядерного оружия. – Режим доступа: http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/npt.htm (дата обращения: 08.06.2013).

3. Опасность распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке : Доклад Генерального секретаря (2000). Режим доступа: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/537/94/PDF/N1253794.pdf? OpenElement (дата обращения: 10.06.2013).

4. Опасность распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке : Доклад Генерального секретаря (2004). Режим доступа: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/535/66/PDF/N0453566.pdf? OpenElement (дата обращения: 10.06.2013).

5. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3263 «Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в районе Ближнего Востока». Режим доступа: http://daccess-dds ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/741/83/IMG/NR074183.pdf? OpenElement (дата обращения: 10.06.2013).

6. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [по докладу Первого комитета (A/50/586)] 50/66 «Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в районе Ближнего Востока». Режим доступа: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N96/760/41/PDF/N9676041.pdf? OpenElement (дата обращения: 11.06.2013).

7. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [по докладу Первого комитета (A/62/391)] 62/24 «Последующие мероприятия по осуществлению обязательств в отношении ядерного разоружения, согласованных на конференциях 1995 и 2000 годов участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора». Режим доступа: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/465/23/PDF/N0746523.pdf? OpenElement (дата обращения: 11.06.2013).

8. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 62/25 «На пути к миру, свободному от ядерного оружия: ускорение осуществления обязательств в отношении ядерного разоружения». – Режим доступа: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/465/29/PDF/N0746529.pdf? OpenElement (дата обращения: 10.06.2013).

9. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [по докладу Первого комитета (A/67/409)] 67/60 «Ядерное разоружение». – Режим доступа: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/482/22/PDF/N1248222.pdf? OpenElement (дата обращения: 10.06.2013).

10. Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в районе Ближнего Востока. Доклад Генерального секретаря (дополнение, 2012). Режим доступа: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/538/11/PDF/N1253811.pdf? OpenElement (дата обращения: 11.06.2013).

11. Центр новостей ООН. Режим доступа: http://www.un.org/russian/news/story.asp? NewsID=19437#.UbinvT5bez4 (дата обращения: 11.06.2013).

А. С. Калихина,
департамент философии ИСПН УрФУ, 2-й курс

ПРИНЦИПЫ ЯПОНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ЗАПАД–ВОСТОК

Не познав судьбы, нельзя стать благородным мужем.
Не познав должного, нельзя обрести опору в жизни.
Не научившись понимать истинный смысл слов, нельзя знать людей.
Конфуций

Проблему взаимоотношений между Западом и Востоком в контексте современных межкультурных коммуникаций и происходящей глобализации с уверенностью можно считать одной из главнейших. Основное затруднение в диалоге между ними лежит в различие культур, мировоззрения и типе повседневности, который в некоторой степени влияет на деловой и политический этикет. Исследования европейского типа повседневности можно найти в работах Б. Вальденфельса, Ж. ле Гоффа, Э. Гуссерля, А. Щюца и др. Восточный же тип культуры рассмотренного в рамках данной статьи региона (Японии) и контекст его повседневности представлен работами Т. П. Григорьевой, Н. Г. Анариной, Л. М. Ермаковой и др.

Говоря о Японии, всегда стоит помнить, что это страна с очень сильными традициями, выстроенными за многовековую историю принципами поведения, и, несмотря на то, что со времени Реставрации Мейдзи (1868 г.) многие из них смягчились под западным влиянием или же просто были оставлены как устаревшие, все еще существуют определенные принципы, которые устанавливают нормы повседневного поведения. Во многих случаях именно в них причины взаимонепонимания между Японией и Западом, причины проблем, проявляющихся в деловых вопросах или при ведении переговоров как в бизнесе, так и в политике. То есть прежде всего нужно принимать во внимание совершенно банальные вещи в жизни японцев, чтобы начать понимать смысл их поведения, поскольку в независимости от поступков или мнений самого человека, его способы восприятия и осмысления базируются на его опыте и моделях поведения, усвоенных им. Более того, экономическое поведение, политические цели, семейные ценности и обычаи, даже религиозные ритуалы будут выстраиваться именно из присущих культуре, в данном случае японской, моделей поведения и взгляда на мир.

Очевидно, что для того чтобы разобрать все принципы, на которых строится японская повседневность, нужно провести огромную культурантропологическую работу, поэтому попробуем в этой статье ограничиться только самыми яркими примерами этих принципов, непосредственно проявляющихся в проблематике диалога Запад – Япония.

Прежде чем перейти к самим принципам, стоит обратиться к понятию «Он» (恩, Долг) в японском самосознании. Вся жизнь японцев подчинена выполнению долга, и собственно он и находится в ее основании. Существует два вида долга – «Гиму» (義務) и «Гири» (義理). «Гиму» является неоплатным долгом, который, по сути, появляется вместе с рождением человека. Он состоит из «Тю» (忠) – долга перед императором; «Ко» (孝) – долга перед родителями; «Нуси» (主) – долга перед учителем и перед хозяином. Таким образом, «Гиму» – это долг длиною в жизнь. С «Гири» дело обстоит немного иначе – это долг, который нужно оплатить скрупулезно и ни в коем случае не нарушить эквивалентность, поскольку тем самым, вы навяжите человеку нежелательные обязательства да еще и оскорбите его. Уже в одном только этом можно увидеть огромные различия между японской и европейской культурой. Резюмируя вышесказанное, можно говорить о том, что вся жизнь японцев подчинена «Он», а следовательно, существуют определенные принципы, которые помогают исполнять его даже в повседневной жизни. К основным из них мы сейчас и обратимся.

Главным принципом можно с уверенностью назвать принцип «Ва» (和), т. е. принцип гармонии. Для японца самое главное – это гармоничное сосуществование с окружающим миром, гармоничные отношения во всех их проявлениях (семья, деловые контакты, личностные взаимоотношения и т. п.). Об этом можно судить уже по тому, что в древности японцы называли свою страну «Ямато» (和) – «Великая гармония» [1, с. 31]. Неоспоримо, что и буддизм сыграл свою роль в его становлении, и потому этот принцип несет в себе определенную эстетику, свойственную этому учению. Так можно обратиться к словам Сетоку Таиси: «Уравновешенность – свойство самих вещей, и поэтому избегайте раздоров, распрей, присущих неразвитому уму» [1, с. 32], в которых можно усмотреть некое правило, характерное и для современного поведения япон-

цев. Без понимания этого принципа невозможно принятие всех последующих, поскольку практически все они будут произрастать из «Ва» и из строгой иерархизации японского общества и всех межличностных отношений.

Благодаря суровой иерархии, пониманию своего места среди окружающих, знания, как вести себя в той или иной ситуации, и присущего японцам так называемого «группового сознания» родились принципы «Хоннэ то Татэмаэ» (本音と建前), «Аймаи» (曖昧), «Ути то Сото» (内と外) и др. Чаще всего именно эти три принципа являются проблемой для понимии и корнем ошибок или неудобных ситуаций, особенно при ведении бизнеса и переговоров. По сути, они прямо противоположны привычному для Запада мироощущению. Так, «Хоннэ то Татэмаэ» подразумевает, что существуют действительные (часто скрываемые) намерения человека («Хоннэ») и то, как он ведет себя среди окружающих («Татэмаэ»). Причем в положительном смысле этого понятия оно подразумевает боязнь своими словами задеть чувства других, нарушить гармонию в отношениях, а потому приводит к старательному смягчению всех «шероховатостей» и «углов». Этот принцип всегда действует по отношению к «Сото», т. е. к внешнему кругу общения человека, но может почти не использоваться при общении с «Ути» – внутренним кругом, т. е. семьей и близкими друзьями. В нем также можно усмотреть влияние «Он» – у человека есть «Гиму» перед императором, родителями, учителями, а также, если говорить о бизнесе, и перед своей компанией, и он обязан его исполнять в течение всей своей жизни. И этот долг, естественно, будет куда выше, чем «Гири», который происходит из остальных межличностных отношений и из желаний самого индивида. Достойным будет тот, кто выполняет свой «Гиму», причем и сам человек не будет морально страдать от того, что, например, выполнение «Гиму» препятствует его личным мотивам. Наоборот, предпочтение групповых интересов интересам личным, как для самого человека, так и для окружающих является высшей формой добродетели. Понять это до конца весьма сложно для человека с европейским мышлением, который наоборот обращает свои действия на достижение прежде всего своих личных целей. Естественно, что Западу понятно самое понятие жертвования собой ради «высших целей», но все же к по-

вседневной жизни такое самопожертвование вряд ли относится. Для европейцев вполне логично в ситуации, когда, например, интересы фирмы мешают достижению личных целей, в большинстве случаев выбрать осуществление своих. Для японца же все обстоит прямо наоборот. Можно говорить о том, что во многом именно принцип «Хоннэ то Татэмаэ» сыграл огромную роль в быстром послевоенном становлении Японии как одной из ведущих держав.

Определенные трудности также создает «Аймаи» – принцип неопределенности, двусмысленности, двойственности и неясности. Он проявляется, например, в том, что в ситуациях, требующих отказа, собеседник не станет говорить «нет», но, соглашаясь с вами или вашими предложениями, будет, используя определенные выражения, показывать свой отказ. Чаще всего именно это обескураживает западного человека, привыкшего получать ясные и четкие ответы. Для нас очевидно, что, например, в ситуации, когда партнер не заинтересован в ведении с вами дел, он ясно даст вам это понять. Японец же никогда не будет говорить «нет», соответствующее нашему пониманию, но для любого другого японца отказ будет очевиден.

Из этих принципов растет непонимание, возможные конфликты и мнение о хитрости и двуличности японцев. Но на самом деле так дело обстоит лишь в глазах западного человека в виду сложившегося мировоззрения и культурных традиций. Для японца – следование вышеуказанным принципам является благодетелью и высказыванием уважения к собеседнику. Стоит заметить, что данные принципы действуют не только по отношению к иностранцам, но и в повседневной жизни, отношения в которой даже сейчас подчиняются строгой иерархии, разделению на «внешний» и «внутренний» круг, которое рождает принцип «Хэдатару то Надзиму» (隔たると馴染む). Так, в близких отношениях не может быть «Хэдатару», т. е. отдаления, дистанции, которая всегда присутствует при общении с вышестоящими или незнакомыми людьми. Этот принцип тесно переплетается с принципом «Ути то Сото», наверное, наиболее понятным для европейцев. Этот принцип подразумевает разделение на «внешний» («Сото») и «внутренный» («Ути») круги. Вообще, подобное разделение присутствует в большинстве культур – нам свойственно делить людей на близких и нет. Но для японцев это весьма строгое деление, но скорее в плане опреде-

ленных норм поведения, различающихся для первой и для второй группы. Стоит также отметить, что это весьма подвижная система – тот, кто раньше был «внешним» может стать «внутренним», но для этого нужно пройти через определенные стадии изменения поведения по отношению к этому человеку.

Как и во всей остальной жизни японцев все строго запротоколировано, и японец просто не может помыслить, например, панибратского отношения подчиненного к начальнику, и наоборот. Если, к примеру, в американской деловой культуре, практикуется обращение к начальнику лишь по имени и другие подобные методики, то для японца подобное просто немыслимо. Каждый должен знать свое место и, что ни менее важно, строго соответствовать ему. Начальник должен быть начальником, сын – сыном, а подчиненный – подчиненным.

Во всей концепции «подобающего места» явно проступают черты, заимствованные у конфуцианства. Нельзя не процитировать такие слова Конфуция: «Не беспокойся о том, что у тебя нет высокого чина. Беспокойся о том, достоин ли ты того, чтобы иметь высокий чин. Не беспокойся о том, что тебя не знают. Беспокойся о том, достоин ли ты того, чтобы тебя знали». Нельзя не заметить, что эта фраза во многом характеризует японцев – здесь мы видим не только присущую японцам ориентацию на мнение других людей, но и завет выполнять свой «Гиму» как подобает и соответствовать тому, каким должен быть человек при своем ранге/положении/месте. Все должно выполняться подобающим образом, в соответствии с предписанными правилами и ритуалами выполнения.

Еще одним принципом, который стоит принимать во внимание, особенно при ведении переговоров, будет принцип «Нэмаваси» (根回し), т. е. предварительной подготовки перед принятием решений. Естественно, для западного человека понятно значение предварительной подготовки, но все же для японца она приобретает немного другой смысл, и несоблюдение этого принципа приводит подчас к совершенно парадоксальным, по мнению европейцев, последствиям. Приведем такой пример:

«Одна японская компания проводила встречу начальников отделов для принятия решения об изменении модели выпускаемой продукции. Отвечавший за эту идею начальник отдела планиро-

вания не сомневался в преимуществе новой модели и чувствовал себя довольно уверенно на совещании, но к его удивлению руководители других отделов не одобрили этот план, а глава финансовой службы даже заявил, что смена модели является преждевременной по экономическим причинам. Еще два руководителя отделов высказались «за» новую модель, а еще пятеро ответили довольно уклончиво, так что по заявленным выше экономическим соображениям внедрение новой модели не состоялось. Начальник планового отдела не решился настаивать на своем предложении, хотя чувствовал необходимость изменений».

Как же должен был поступить начальник отдела планирования? Согласно принципам «Нэмаваси» и «Аймаи», он должен был предварительно встретиться со всеми участниками совещания, особое внимание уделив тем, кто выступает против нововведения и постараться смягчить их позицию и впоследствии еще и заручиться их поддержкой. Таким образом, после подобной «предварительной обработки» можно быть уверенным в положительном исходе совещания. Причем стоит учитывать тот факт, что в отличие от западной традиции, где решающее слово все же принадлежит начальнику, здесь важно будет согласие или несогласие всех участников. А потому нигде больше принципы, сходные по смыслу с «Нэмаваси», не будут играть такой решающей роли, как в Японии. Этот принцип просто необходимо учитывать при ведении переговоров с японцами, особенно в сфере бизнеса. Причем также можно говорить и о том, что для европейского человека такое «прощупывание почвы» будет похоже на лоббирование, даже коварство или мошенничество, но стоит понимать, что японцы просто не могут без него обойтись. Во-первых, тут немаловажным является влияние принципа «Аймаи», в силу которого японцам очень сложно высказывать свое мнение напрямую, особенно на открытых совещаниях, а потому лучшим способом узнать чье-то мнение будет личная беседа. Во-вторых, не стоит забывать и о стремлении к гармонии, которой отнюдь не будут способствовать противостояния сторон и споры на совещаниях, которые, в отличие от западных, скорее больше похожи на дружескую беседу. И, естественно, только человек пользующийся «Нэмаваси» может достичь успеха, высокой должности и карьерного продвижения.

Таким образом, можно говорить о том, что японцам также сложно вести переговоры с европейцами, как и нам с ними. Для них такими же дикими будут являться наши принципы и модели ведения, например, бизнеса, а потому для обеих сторон не только просто необходимо изучение этикета, правил поведения, принципов повседневности противоположной стороны, но и понимание и учитывание этих принципов-моделей-правил в моменты коммуникации. Причем стоит говорить о том, что японцы часто прощают неподобающее поведение иностранцев, поскольку понимают, что они просто не знакомы с правильными правилами поведения, а потому от них нельзя требовать их выполнения. И в тоже время, иностранцам знакомым хотя бы поверхностно с правилами и принципами поведения японцев, намного легче работать споследними, и можно даже говорить о том, что их будут куда радушнее принимать и предпочитать именно их для ведения бизнеса/переговоров и т. п. А потому своевременное изучение обеими сторонами принципов повседневности друг друга может способствовать устранению существующих проблем в диалоге Запад – Япония.

Исходя из всего вышесказанного, можно говорить о том, что когда речь заходит о межкультурных коммуникациях между Западом и Японией во всем их разнообразии, то всегда будет существовать дистанция, продиктованная принципом «Хэдатару то Надзиму», четкое разделение обеих сторон и некая неоднозначность и неопределенность в отношениях, исходящие из принципов «Ути то Сото» и «Аймаи». Но благодаря «Хоннэ то Татэмаэ» будет и желание избежать конфликтов, взаимонепонимания и привнесения в отношения гармонии «Ва». Таким образом, стоит говорить, что многие современные проблемы в диалоге Запад – Восток могут быть решены изучением и уважением обеими сторонами мировоззрения и основополагающих принципов действительности друг друга, что приведет к пониманию и возможности установления гармоничных взаимоотношений между Западом и Японией.

Список литературы

1. *Григорьева Т. П.* Дао и логос (встреча культур) / Т. П. Григорьева. М. : Наука. Главная редакция научной литературы, 1992.

А. С. Колесникова,
департамент психологии, магистратура ИСПН УрФУ,
2-й год обучения

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ СТРАХА СМЕРТИ И ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Человеку свойственно планировать свою жизнь, представлять будущее.

И ничто так не пугает человека, как неизвестность. Парадоксальным явлением при этом является страх смерти, ведь смерть – это то, что гарантировано в конце жизни каждого [3].

При этом человек – это единственное живое существо, знающее о неизбежности своей смерти [5]. Жизнь и смерть тесно связаны друг с другом, так как, уже рождаясь, делая первый шаг, мы находимся на пути к умиранию и смерти. Казалось бы, то, что заранее известно, не должно пугать. Но страх смерти в той или иной степени сопровождает жизнь каждого человека.

Согласно И. Ялому, страх смерти – это врожденная, инстинктивная боязнь собственной смерти, которая присутствует у каждого человека в той или иной мере [8].

В настоящее время человек живет в ситуации, когда тема смерти окружает его повсеместно: это и содержание мультипликационных и художественных фильмов, компьютерных игр, а также ситуации реальной угрозы жизни в силу различных обстоятельств (чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, революции, напряженная ситуация на дорогах). И все это подробно освещается в средствах массовой информации. При этом информация подается в таком формате (в большей степени благодаря телевидению и сети Интернет), что человек становится практически очевидцем событий. Особое влияние оказывает просмотр сюжетов с места трагедий, ведь, так или иначе сталкиваясь (даже заочно) с горем и смертью, человек реагирует на эти события [4].

Парадоксальной в данном случае является тенденция избегания темы смерти, культ молодости и красоты. Все это становится одержимой идеей общества и помогает выстроить глухие барьеры против любого упоминания о смерти.

Неприятие проблемы смерти, попытка повернуться к ней спиной встречается в основном на уровне повседневного сознания. Человек боится смерти. Стало традицией, что умирающий встречает свою смерть в больнице, а не в кругу своих близких и друзей – это помогает оградить их от эмоционального шока. Однако, лишаясь опыта переживания смерти близкого, человек более драматично переживает приближение собственной смерти; он остается к ней неподготовленным. Врачи и родные пытаются облегчить страдания умирающего, уберечь его от собственных слишком тягостных эмоций, иногда скрывают серьезность его заболевания. Можно сказать, что опыт смерти в определенной степени становится невостребованным.

Однако сталкиваясь со смертью и не имея ресурсов и эффективных стратегий переживания утрат, человек становится чрезвычайно уязвимым и легко поддающимся манипуляциям.

Так, в психологии начинаются исследования явления, получившего название Terror-Management [9]. Его суть заключается в том, что актуализированный страх смерти влияет на предпочтения человека и на его способность к критическому восприятию.

Исследователи из университета Аризоны видят в явлении Terror-Management большой негативный потенциал, особенно в политической сфере [9]. Гринберг писал о том, что теракт 11 сентября в США пробудил осознанный страх смерти у огромного количества людей, и это повлияло на итоги выборов. Так, поддержка Джорджа Буша и его политики антитеррора под влиянием экзистенциальных страхов росла с огромной скоростью.

В серии экспериментов Джефф Гринберг с коллегами хотел доказать как конфликт между осознанием смертности и стратегиями ее отрицания влияют на поведение испытуемых [9]. Так они экспериментально показали, что страх смерти влияет на предпочтения человека в политике. А именно было показано, что после разговора о смерти участники эксперимента временно становились более консервативными в своих взглядах.

Проблемой страха смерти интересовались испокон веков. Смерть всегда присутствовала в произведениях искусства [6], философы посвящали теме смерти целые трактаты [2, с. 7].

Отношение к смерти в XX–XXI вв. характеризуется двумя полярными точками зрения: с одной стороны, тема смерти и тема старости воспринимаются как запретные, табуированные, ведь образ смерти не вписывается в образ благополучного успешного человека, который является хозяином своей судьбы. С другой стороны, смерть становится объектом всестороннего научного анализа: смерть изучают с точки зрения биологии, медицины, психологии, антропологии, культурологии.

Смерть беспредметна и недоступна изображению. Но все же есть попытки «ухватить» смерть в искусстве.

Так, художники, пытаясь изобразить смерть, как правило, используют такие символы, как черепа, ритуальную атрибутику (гробы, венки), а также изображают сцены убийства. Но все это изображения либо приближающейся, либо уже свершившейся смерти. Само мгновение смерти изобразить невозможно, можно лишь выразить его в символе и метафоре.

К. Л. Харт Ниббриг пишет: «…призрачный объект страха, в действительности не имеющий места, замещает другие объекты желания, недоступные предметно – галлюцинация Ничто: метафора, которая является аналогичной ничто» [6, с. 23].

Таким образом, искусство и являет собой тот способ изображения метафоры ничто, и в то же время оно благодаря своей метафоричности может служить тем самым объектом, замещающим недоступные предметно страхи и явления.

Наша работа была посвящена взаимосвязи страха смерти и предпочтений человека на примере предпочтений в изобразительном искусстве.

О тех или иных склонностях, тенденциях и скрытых мотивах поведения человека свидетельствуют многочисленные ситуации выбора и предпочтений человека.

Методики, основанные на ранжировании или оценке стимулов и позволяющие определить структуру неосознаваемых предпочтений, предоставляют доступ к глубинным пластам психики человека. В качестве стимульного материала в данном случае может быть использовано множество стимулов: цвета и геометрические формы, фото, картины, ароматы, положения тела и многое другое.

Нами в качестве стимульного материала были выбраны произведения изобразительного искусства.

Так как именно искусство благодаря своей метафоричности берет на себя изображение смерти, страхов, всего, что, казалось бы, изобразить невозможно. При этом в изобразительном искусстве в первую очередь мы можем легко найти картины, в которых художники задумывали изобразить смерть и вызываемый ею страх.

Из всего многообразия течений и направлений изобразительного искусства мы выбрали два, с психологической точки зрения, противоположных друг другу направления – реализм и абстракционизм.

Реализм – это отражение реальной действительности, реальных предметов, практически не оставляющее места зрителю для привнесения чего-то своего, абстракционизм же сродни проективному тесту, он не привязан к конкретному предмету или событию и позволяет зрителю наделить произведение своим смыслом. Однако не каждый захочет выносить свои внутренние переживания на поверхность, многим будет легче обратиться к чему то «готовому», реальному, нежели заглянуть в себя.

Таким образом, страх смерти будет в первую очередь напоминать о себе при попытке рассмотреть и оценить абстрактные картины, как картины беспредметные и как следствие легко принимающие на себя такой страх как страх смерти, в котором смерть – ничто, которое невозможно изобразить.

Эту точку зрения подтверждают слова К. Л. Харт Ниббриг со ссылкой на З. Фрейда о том, что беспредметный страх порождает тревогу и часто переносится на другие объекты в виде метафор: «является переносом из потусторонности в наш мир того, что в состоянии предметно воспринять лишь в конкретной жизненной связи» [6, с. 23–24].

В нашем исследовании принимало участие 66 человек разного возраста, образования и социального статуса.

Исследование проходило в два этапа. На первом этапе испытуемым предлагались два опросника: «Шкала тревоги по поводу смерти» Д. Темплера и методика исследования тревожности Ч. Д. Спилбергера (в адаптации Ханина). По результатам первого обследования и социально-демографическим различиям участни-

ки были распределены по двум идентичным группам. В результате были сформированы контрольная и экспериментальная группа. В каждой группе – по 33 человека.

Через месяц был проведен второй этап исследования. Экспериментальной группе сначала предъявляли 5 картин, на тему смерти (табл. 1). Затем им предлагался перечень из 10 картин (испытуемым картины предъявлялись в случайном порядке) для оценивания (перечень картин состоял из работ абстракционистов и реалистов, табл. 2).

Контрольной группе картины смерти не предъявлялись, им сразу предлагались картины на оценку.

Каждая из перечисленных картин предъявлялась испытуемым для оценки по шкале от 1 до 9, в зависимости от того, насколько данная картина нравится человеку, где 9 – максимально высокая оценка.

Затем проводилось еще одно измерение: испытуемым вновь предлагали «шкалу тревоги по поводу смерти» Д. Темплера и методику исследования тревожности Ч. Д. Спилбергера (в адаптации Ю. Л. Ханина).

Таблица 1

Список картин на тему смерти,
предъявляемых экспериментальной группе

№	Автор	Название
1	Энсор Дж.	Триумф смерти
2	Ходлер Ф.	Умирающая Валентина Годе-Дарель
3	Райнер А.	Посмертная маска
4	Мануэль Н.	Смерть и девушка
5	Брейгель П.	Триумф смерти

Таблица 2

Список картин для оценивания
в экспериментальной и контрольной группах

№	Автор	Название	Год	Стиль
1	2	3	4	5
1	Левитан И. И.	Свежий ветер. Волга	1895	Реализм

1	2	3	4	5
2	Васнецов В. М.	Царевна-лягушка	1918	Реализм
3	Серов В. А.	Девушка, освещенная солнцем	1988	Реализм
4	Ге Н. Н.	А. С. Пушкин в селе Михайловском	1875	Реализм
5	Саврасов А. К.	Печерский монастырь близ Нижнего Новгорода	1871	Реализм
6	Ларионов М. Ф.	Петух и курица	1912	Абстракционизм
7	Гончарова Н. С.	Натюрморт с фруктами	1913	Абстракционизм
8	Малевич К. С.	Дама на остановке трамвая	1913	Абстракционизм
9	Кандинский В. В.	Без названия	1910	Абстракционизм
10	Кандинский В. В.	Композиция VIII	1923	Абстракционизм

После просмотра картин на тему смерти в экспериментальной группе повысились показатели ситуативной тревожности (что подтверждает наше утверждение, что для изменения психологического состояния человека достаточно зрительных образов, затрагивающих определенную проблему, в данном случае – тему смерти).

По показателю личностной тревожности после первого и второго измерения различия незначительны, что говорит о стабильности показателя личностной тревожности как о конституциональной черте, обусловливающей склонность воспринимать угрозу в широком диапазоне ситуаций.

В экспериментальной группе картины в стиле реализм получили более высокие оценки, среднее значение – 7,19. А картины в стиле абстракционизм, наоборот, получили низкие оценки, среднее – 4,07. Гипотеза о различиях в оценках абстрактной живописи и живописи в стиле реализм в данном случае достоверно подтверждается ($t = 6{,}96$, $p < 0{,}001$).

Различия в контрольной группе не столь явные, как в экспериментальной, но тем не менее даже внутри одной группы картины

абстрактной живописи получили несколько более низкие оценки. Однако заметим, что абстракционизм, как отмечают искусствоведы [1], всегда вызывал и вызывает противоречивые реакции, его скорее можно отнести к некому элитарному искусству, прочувствовать которое может далеко не каждый человек. Поэтому слегка заниженные оценки прогнозируемы и ожидаемы. В данном случае о более достоверных различиях можно говорить относительно оценок одного стиля в разных группах.

Так, согласно результатам корреляционного анализа была выявлена связь между уровнем страха смерти и оценками картин в стиле реализм ($r = 0{,}26$, $p < 0{,}05$).

Кроме того, была обнаружена связь между ситуативной тревожностью и страхом смерти ($r = 0{,}39$, $p < 0{,}05$), причем в контрольной группе эта связь не была выявлена, что позволяет сделать вывод о наличии связи между показателями ситуативной тревожности и страхом смерти при наличии внешнего воздействия, напоминающего человеку о смерти.

Абстрактную живопись в контрольной группе оценили более высоко, чем в экспериментальной (различия значимы по критерию Стьюдента, $t = 2{,}29$, $p < 0{,}05$), что позволяет предположить, что люди, после просмотра картин на тему смерти предпочли не заглядывать вглубь себя, что предполагает анализ абстрактной живописи. Они выбрали реализм, так как он дает человеку некую опору и готовые сюжеты. Реализм – это отражение реальной действительности, реальных предметов, оно практически не оставляет места зрителю для привнесения чего-то своего, и в силу такой особенности стиля реализм, после напоминания о смерти он как раз и помогает справиться с возрастающей тревогой.

Таким образом, связь между предпочтениями человека в изобразительном искусстве и страхом смерти можно выразить следующим образом: напоминание человеку о смерти приводит к повышению ситуативной тревожности и более высоким оценкам картин в стиле реализм.

Данные результаты могут быть полезны специалистам, помогающим справиться с горем, в плане подбора окружающих стимулов для клиентов.

Список литературы

1. Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия ; под ред. проф. Горкина А. П. М. : Росмэн, 2007. 304 с.

2. *Монтень М.* Опыты / М. Монтель. М. : Эксмо, 2007. 512 с.

3. *Пэрриш-Харра К. У.* / К. У. Пэрриш-Харра. Смерть и умирание: новый взгляд на проблему. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2003. 224 с.

4. *Рейнгольд Дж. С.* / Дж. С. Рейнгольд. Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти ; под науч. ред. доктора психол. наук, профессора В. М. Астапова , пер. В .М. Астапова, И. Метлицкой. М. : ПЕР СЭ, 2004. 384 с.

5. *Харди И.* Врач, сестра, больной / И. Харди ; пер. с венгер. М. Алекса ; под ред. М. В. Коркиной. Budapest: Типография Академии наук Венгрии, 1974. Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/22_h/har/dy_00.htm (дата обращения: 28.02.2011).

6. *Харт Ниббриг К. Л.* Эстетика смети / К. Л. Харт Ниббирг ; пер. с нем. А. Белобратова. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 424 с.

7. *Штегмайер В.* Жак Деррида: деконструкция европейского мышления. Баланс // Штегмайер В., Франк Х., Марков Б. В. Герменевтика и деконструкция. СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 1999, С. 68–91.

8. *Ялом И.* Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти / И. Ялом. М. : Эксмо, 2009. 352 с.

9. *Solomon S., Greenberg J.,* Pyszczynski T. Pride and Prejudice: Fear of Death and Social Behavior / S. Solomon, J. Greenberg, T. Pyszczynski // Current Directions in Psychological Science, 2000, № 9 (6). 200–204.

С. С. Колмакова,
департамент международных отношений ИСПН УрФУ, 2-й курс

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЙ США И РОССИИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Самоопределение народа невозможно без сопоставления «своих» и «чужих». Именно наличие «других» или «их» позво-

ляет существовать понятиям нации, народа, единого государства. Эти образы народы издавна составляли друг о друге в форме стереотипов – «упрощенных, весьма жестких, устойчивых представлений, возникающих у человека – как социального существа – под влиянием культурного окружения» [1]. То есть каждый народ составляет образ «чужого» из совокупности стереотипов, отличий от «нас». Как только от «чужого» начинает исходить угроза существованию «нас» – его образ переходит во «врага». Изначально понятие «образ врага» принадлежало психологии, затем различия «своего» и «чужого» стали отдельной отраслью знания – имагологией. Данная идея – идея конструирования образов – в международных отношениях занимает значительную нишу. Она является основой концепции конструктивизма А. Вендта и идеи «секьюритизации» О. Вэвера и Б. Бузана.

Образ врага – сильное политическое оружие. XIX в. был веком войн, периодом, в который война прошла несколько стадий развития: классическая война орудий в новых географических масштабах сменилась противостоянием усовершенствованных орудий, затем перешла в ядерную войну, основанную на взаимном устрашении, при этом информационная война всегда в какой-то степени велась каждой страной как раз посредством образов.

Огромную роль образ врага сыграл во Второй мировой войне. В странах Запада он сформировался в отношении коммунизма, при этом они не знали, как реагировать на новую угрозу – национализм Гитлера. Вследствие этого выбор был сделан в пользу политики умиротворения – страны шли на уступки фашистской Германии, с тем только, что б не идти на союз с СССР, так как коммунизм считался бóльшей опасностью [6].

На протяжении сорока лет после Второй мировой войны мир находился в состоянии холодного противостояния двух сверхдержав. СССР и США играли роль ядра в коммунистической и капиталистической системах соответственно. Мир был разделен на два блока, и каждому государству приходилось выбирать одну из сторон. Объединяясь с одним блоком, страна автоматически обретала «врага» в лице другого. Соответственно, происходили изменения в информационной политике страны – она направлялась на

демонстрацию угроз, исходящих от стран противостоящего блока. В этих условиях в обществах формировались негативные образы и стереотипы других стран, а соответственно и народов.

Интересно проследить изменения данных образов после окончания холодной войны. Александр Вендт в статье «Анархия – это то, что делают из нее государства» подчеркивает, что сложившиеся образы трудно поддаются изменениям [2, с. 411]. Подтверждением этому служат нынешние отношения между США и Россией. Длительный период жесткого антагонизма наложил свой отпечаток на эти отношения, и мы можем видеть его отголоски и сегодня.

В период холодной войны наличие внешнего врага являлось сильным объединяющим фактором для населения этих держав, а также для блоков сгруппировавшихся вокруг них стран. Падение СССР означало для США в первую очередь исчезновение этого фактора, и как следствие угрозу распада военно-политических блоков и усложнения механизма принятия решений внутри страны. Во избежание таких последствий необходимо было найти нового врага. Им стал международный терроризм, который, по мнению многих, был создан самими США [3]. Тем не менее эта мера не позволила полностью стереть укоренившееся восприятие России как диктаторской и агрессивной страны.

Этот образ России сформировался на протяжении истории. Как пишет В. Ф. Шаповалов в статье «Восприятие России на Западе: мифы и реальность», ядро мифа о России составляли представления о ней, как об оплоте деспотизма и агрессивности. Но клише Р. Рейгана «империя зла», данное Советскому Союзу и так или иначе адресованное России, не может быть единственным содержанием образа страны для западного человека [7, с. 53].

Однако образ этот никогда не был однозначным, даже во времена холодной войны Запада и СССР. Шаповалов пишет, что в то время в представлениях западного человека о России «причудливо сочетались противоположные оценки, эмоции, мнения: высокомерная снисходительность и уважение, страх и восхищение, подчеркивание слабостей и признание силы, отношение к России как к культурной периферии и осознание всемирного значения ее культурных достижений и т. п.». На Западе была распространена и дру-

гая точка зрения о России: «После крушения коммунизма часть представителей западного общественного мнения отказывается уверовать, что московский медведь и в самом деле сменил шкуру и полагает, что он скоро может вернуться в обличие русского „фашизма"» [7, с. 54].

Образ США можно назвать противоположным: люди мигрировали в британскую колонию в поисках лучшей жизни, прибылей, источников сырья, свободы от религиозных гонений; это были акционерные компании, гонящиеся за прибылью, крестьяне, потерявшие землю, ремесленники, лишившиеся работы, бывшие заключенные, которых туда ссылали, английские протестанты. Туда направлялись в поисках свободы. «Билль о правах» – выражение духа переселенцев, идей Просвещения. Еще одна традиция американской культуры, противоположная первой, – общинные ценности: взаимопомощь в возведении жилищ, природных бедствиях, урожаях и т. д. [8, с. 38–39].

В дальнейшем на культуру и образ США значительно повлияли расовые споры – конфликт между Севером и Югом, вылившийся в гражданскую войну, опасение последствий широкомасштабной иммиграции и введение ограничений на въезд в страну, политика дискриминации этнических меньшинств. Однако в итоге на рубеже XIX–XX вв. все это стало фактором формирования стержня американской культуры – концепции мультикультурализма, или плавильного котла. Эта концепция указывает, с одной стороны, на многоликость и разнообразие американской культуры и общества в целом, а с другой – «на отрыв от этнических корней и погружение в огромный унифицирующий мультинациональный плавильный котел» [8, с. 45].

По итогам двух мировых войн США приобрели статус сильнейшей державы в экономическом и политическом плане, обеспечили себе важную роль в поддержании безопасности и стабильности во всем мире. Этому способствовали либеральные идеи американских политиков, начиная с 14 пунктов В. Вильсона, а также значительная материальная помощь государствам, потрясенным войной, которые становились фактически зависимыми от экономически сильных Штатов.

Таким образом, на протяжении длительного периода велось противостояние двух столь различных как в истории, так и в традициях, и во многом противоположных стран. Эти образы, зачастую массируемые в СМИ с определенными целями, укоренились в сознании политиков и населения, и избавиться от них очень сложно, если вообще возможно.

После падения СССР к этому было предпринято множество попыток, начало им было положено незадолго до распада. В СССР с 1985 г. проводилась политика «нового мышления», а в США после переломного момента на мировой арене – событий в Кувейте, где СССР вопреки реалиям холодной войны выразил согласие с США, – Джордж Буш-старший сформировал концепцию «Нового мирового порядка» (The New World Order) [9].

Доктрина нового мирового порядка предполагала активное и многостороннее сотрудничество двух супердержав – США и СССР [10]. Ее можно считать первым шагом к изменению образа врага в лице России. М. Горбачев и его окружение не имели четкого представления об интеграции СССР в европейскую политику, поэтому осторожно провозглашали политику мирного сосуществования и строительство общего европейского дома. В августе 1991 г. на митинге демократических сил в Москве тогда еще МИД РСФСР А. В. Козырев провозгласил, что для новой России естественными друзьями выступают США и другие западные демократии [11, с. 335]. Подобные публичные заявления свидетельствуют о попытках перейти на новый уровень отношений, новый уровень восприятия России и ее политиков.

Эта политика просуществовала до распада СССР, после чего на его месте образовался вакуум, который попыталась занять экономически слабая и политически нестабильная Россия. Далее политика между двумя странами напоминает маятник – когда одна сторона готова пойти на сотрудничество, вторая поворачивается спиной, и наоборот.

Движение к сближению с США было закреплено в «Концепции внешней политики Российской Федерации» 1993 г., в которой провозглашалась идея мирного сосуществования государств либеральной демократии на основе демократических принципов, а также декларировалась необходимость «стратегического партнерства»

США и России для становления российского демократического строя и гражданского общества [11, с. 336]. Однако администрация Б. Клинтона, согласно З. Бжезинскому, колебалась в выборе нового политического курса в отношении нестабильной России, с которой США не собирались делить власть в мире [12, с. 124].

Запускается маятник: Россия надеется на зрелое стратегическое партнерство, не выражает недовольства вступлением в НАТО Польши. Америка, сомневаясь в надежности этого партнера из-за сложившихся исторически стереотипов, задерживает активные действия, не предлагает какого-либо партнерства стран НАТО с Россией, к тому же постоянно критикует недемократичность режима. Данное действие Россия интерпретирует в качестве нежелания сотрудничать и меняет курс своих действий, враждебно относится к расширению НАТО на восток.

Далее Москва выступает с протестами действиям НАТО в конфликте в Боснии в 1995 г. В России происходит смена министра иностранных дел – в 1996 г. им становится Е. М. Примаков, придерживавшийся идеи многополярного мира. Данную концепцию одобрил Б. Н. Ельцин, и с середины 1990-х гг. «она стала основным компонентом его официальных выступлений на международных переговорах» [11, с. 354]. Россия разворачивается от США в сторону Китая и Индии.

Отношения охладевают на довольно долгий период, до принятия поста президента РФ В. Путиным. Важную роль в формировании двусторонней политики играют личные отношения глав государств. Первые шаги Путина по сближению с США в 2001 г. были восприняты довольно холодно. МИД США Дональд Рамсфельд обвинил Россию в распространении ядерных материалов и технологий вооружения, в феврале 2001 г. советник президента Дж. Буша по национальной безопасности Кандолиза Райс сделала заявление о том, что Россия представляет собой угрозу для Америки и ее европейских союзников. Но усилия Путина по налаживанию отношений продолжились и увенчались успехом: он встретился с президентом США летом 2001 г. на саммите в Любляне. После данной встречи Буш сказал о Путине: «Я смог почувствовать его душу» [13, с. 169].

Дальнейший дискурс сводится к основным вопросам, актуальным и сегодня: США и страны НАТО критикуют недемократичность политического режима РФ, а она со своей стороны упрекает оппонентов в нарушении суверенитета независимых государств путем гуманитарной интервенции и нелегитимности действий НАТО, т. к. единственное легитимное наднациональное образование – это Организация Объединенных Наций, по заявлению В. Путина на Мюнхенской конференции 2007 г.

Еще один беспокоящий Россию фактор – приближение НАТО к границам России и размещение радиолокационных станций (РЛС), охватывающих территорию РФ. Антагонизм по данному вопросу можно проследить не только в заявлениях политиков, но и на примере конфликта 08.08.2008 г. в Южной Осетии. Грузия – партнер США, подавший заявку на вступление в НАТО. По мнению российских политологов, данное действие – неприемлемое приближение вооруженных сил Северо-Атлантического Союза к границам России. На поле этого конфликта была развернута масштабная информационная война, которую Россия на первых порах проиграла. В материалах американских СМИ видна растушевка событий, придание им неясности, неопределенности виноватых, поддерживаются заявления Грузии, с недоверием относятся к российской версии событий. Один из показательных эпизодов – новости на канале FOX News, где открыто прерывают женщину, которая начала обвинять в случившемся М. Саакашвили.

На новый этап вышли отношения США и России с вступлением в должность президента США Барака Обамы. Запущена программа Перезагрузки (Reset) – политики между двумя странами, которая вызвала новую волну надежд на сближение двух стран. Как ни странно, и Б. Клинтон, и Дж. Буш говорили о дружеских отношениях с Россией, о сотрудничестве и нахождении точек соприкосновения. Но направленный против РФ документ, существовавший со времен СССР, поправка Джексона – Веника просуществовал до 16 ноября (официально до 20 декабря) 2012 г. Фактически до конца первого срока президента Барака Обамы, который упоминал невыгодность этого документа еще в начале своего срока в 2009 г. и обещал сделать задачу его отмены приоритетной для своей администрации [5].

Еще остаются спорные вопросы, продолжаются попытки к сотрудничеству, и пока рано говорить о действительном стирании образов врага в двусторонних отношениях. Госсекретарь США Хилари Клинтон в октябре 2009 г. говорит о сотрудничестве России и США в борьбе с общим врагом – терроризмом, о кооперации в создании системы обороны и нераспространении ядерного оружия. Она подчеркивает, что среди политиков обеих стран есть те, кто до сих пор не оставил в прошлом ментальность холодной войны [4].

Таким образом, в политическом дискурсе сохраняются тенденции к взаимным упрекам и обвинениям, которые приводят к сохранению сложившихся образов врагов. Политическое взаимодействие и конструирование образов проецируется на население, в том числе посредством СМИ – так называемой четвертой ветви власти. Для того чтобы изменить сложившиеся образы, должно пройти время, должны произойти определенные изменения, как на международной арене, так и в сознании людей. Можно ли преодолеть столь глубокие противоречия и избавиться от настолько укоренившихся образов – покажет время.

Список литературы

1. *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века (Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества). Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/247494/read.

2. *Wendt A.* «Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. Vol. 46, No. 2. (Spring, 1992). P. 391–425. Режим доступа: http://links.jstor.org/sici?sici=0020–8183 %28199221 %2946 %3A2 %3C391 %3AAI WSMO %3E2.0.CO %3B2–9.

3. *Dixon N.* How the CIA created Bin Laden\Green left. Режим доступа: http://www.greenleft.org.au/node/24198.

4. CNN: Hillary Clinton «US and Russia can cooperate». – Режим доступа: http://edition.cnn.com/video/#/video/politics/2009/10/14/bts.russia.clinton.cooperation.cnn.

5. Newsru.com : [сайт]. Режим доступа: http://www.newsru.com/finance/07jul2009/jacksonn.html.

6. *Богатуров А. В.* Системная история международных отно-

шений : В 4-х т. // А. Б. Богатуров. Т.1: 1918–1991. М. : «Московский рабочий», 2000.

7. *Шаповалов В. Ф.* Восприятие России на Западе: мифы и реальность // Общ. науки и современность. 2000. № 1.

8. *Филимонов Г.* «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М. : РУДН, 2010.

9. Геополитика как наука, история ее развития. Режим доступа: http://libsib.ru/geopolitika/geopolitika-kak-nauka-istoriya-ee-razvitiya/kontseptsiya-o- %E2 %80 %9Cnovom-mirovom-poryadke %E2 %80 %9D.

10. Agentura.ru/Внешнеполитические доктрины США. Режим доступа: http://www.agentura.ru/dossier/usa/doctrina.

11. *Безбородов А. Б.* История России в новейшее время 1985–2009 гг. / А. Б. Безбородов : учебник. М. : Проспект, 2013. 488 с.

12. *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. М. : Астрель, 2013.

13. *Цыганков П. А.* Внешняя политика России от Горбачева до Путина. М. : ИТК «Науч. книга», 2008.

С. И. Меламед,
департамент психологии ИСПН УрФУ, 2-й курс

РАЗЛИЧИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕДКОНФЛИКТНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЙ В ЛЮБОВНОЙ ПАРЕ В СВЯЗИ С ПОЛОМ И ГЕНДЕРОМ

В обыденном сознании многие сложности интимных межличностных отношений традиционно относятся на счет несхожести мужчин и женщин. Посему в практике работы с любовными парами огромное значение для развития взаимопонимания между партнерами играет знание о специфике этих различий, если же, конечно, они вообще имеют место. Действительно ли существуют некие особенности в интерпретации поведения партнера у мужчин и женщин? Или эти отличия связаны отнюдь не с полом, а с гендером участников коммуникативного процесса? А может, эти различия сугубо индивидуальны и не существует на самом деле никаких специфически гендерных/половых паттернов в сфере понимания партнера и разрешения конфликтных ситуаций? Именно на эти

вопросы мы попытались найти ответ в данной работе. Изучение особенностей понимания поведения партнеров в любовной паре имеет большое значение не только для консультативной психологической практики, но и для наилучшей организации интимных отношений между людьми.

Мы поставили перед собой цель изучить, существуют ли различия между особенностями интерпретации субъектами поведения партнеров любовной пары в коммуникативных ситуациях, носящих предконфликтный характер, в связи с их половой и гендерной принадлежностью, а также характер этих различий. Соответственно, была выдвинута следующая гипотеза: особенности понимания поведения партнеров любовный пары в предконфликтной коммуникативной ситуации отличаются у разных субъектов в связи либо с их половой принадлежностью, либо с гендерной.

Проанализировав специальную литературу по теме исследования, мы обнаружили, что, во-первых, несомненно, существует проблема дифференциации наполнения конструктов «пол» и «гендер». Оба этих понятия несут в себе некие социальные компоненты, посему проблема их разделения встает еще более остро. Что же касается особенностей общения и поведения в конфликтах, выявляется следующая картина. Большинство ученых так или иначе определяют схожие по своему содержанию наборы специфических черт, присущих стилю общения представителей разных гендерных групп [2, с. 185]. Однако возникает сложность с отнесением этих особенностей на счет собственно гендера или пола, в связи с довольно туманным обращением с этими терминами в научной среде. Также вопрос существования гендерных различий в когнитивных аспектах общения, т. е. особенностей интерпретации субъектами разных полов/гендеров поведения партнера по взаимоотношениям, не находит широкого эмпирического научного рассмотрения.

Все вышесказанное подтверждает необходимость выявления особенностей интерпретации поведения партнера по общению и соотнесения их с полом/гендером субъекта эмпирическим путем. С целью операционализации конструктов пола и гендера мы позволили себе соотнести данные понятия с двумя этапами гендерной идентификации индивида и двумя компонентами гендер-

ной идентичности, описанными Д. Воронцовым. Пол – как самый первый компонент личной гендерной идентичности, обретаемый человеком, что обусловлено обращением с ним социума в соответствии с устройством его гениталий. И гендер – в измерении приписываемой гендерной идентичности, как второй этап гендерной идентификации, обусловленный усвоением гендерных стереотипов, т. е. принятием на себя того, что считается в обществе приемлемым для психики и поведения представителя того или иного пола/гендера [1, с. 39].

С целью проверки выдвинутой гипотезы нами было предпринято эмпирическое исследование, которое проходило по следующей схеме. Испытуемым предлагался опросник, позволявший выявить их половую и гендерную принадлежность, а также содержавший вопросы, касающиеся понимания коммуникативных ситуаций, которые предъявлялись в форме коротких видеороликов.

Для проведения исследования была сконструирована анкета, содержащая три информационных блока:

1. Социально-демографический блок. В данной части респондентам было необходимо указать свой возраст, факультет и курс обучения, пол (предполагается, что субъекты при ответе на вопрос о поле ориентируются на свой морфологический пол; и именно через такой прямой вопрос мы выявляем гендерную идентичность субъекта, формирующуюся первоочередно в ходе развития личности, то есть соотносимую с понятием пола).

2. Полоролевой опросник Сандры Бём [6, с. 277]. Д. В. Воронцов отмечает, что формат данного опросника с дискретной моделью оценки позволяет определить «степень маскулинности или фемининности с точки зрения соответствия социальным ожиданиям». Три типа гендерной идентичности (маскулинный, фемининный, андрогинный) тогда «соответствуют культурным конструктам и демонстрируют по сути уровень конформности человека по отношению к гендерным нормам» [1, с. 181]. Именно такая форма и была использована в данном исследовании для определения гендера респондентов.

3. Вопросы по стимульному материалу. Здесь испытуемым необходимо было ответить на вопросы, касающиеся интерпрета-

ции предконфликтных коммуникативных ситуаций в любовной паре, демонстрировавшихся в видеороликах:

1. Что, на Ваш взгляд, думает в данный момент героиня видеоэпизода о произошедшем только что между ней и ее молодым человеком?

2. Что, на Ваш взгляд, думает в данный момент герой видеоэпизода о произошедшем только что между ним и его девушкой?

3. Что должна сделать девушка, чтобы избежать превращения данной ситуации в конфликтную?

4. Что должен сделать молодой человек, чтобы избежать превращения данной ситуации в конфликтную?

5. Оцените, насколько вероятно представить данный эпизод, поменяв героев местами:

a. Невозможно.

b. Маловероятно.

c. Вполне возможно.

d. Очень вероятно.

В связи с тем, что данное исследование было нацелено на выявление специфики анализа коммуникативных ситуаций, происходящих в любовной паре, необходимо было, чтобы стимульный материал являл собой ту или иную форму представления различных коммуникативных ситуаций. Нам показалась наиболее удачной форма видеоролика, в том числе и в связи с тем, что такой формат позволяет создать иллюзию реалистичности контекста осуществления коммуникативных событий.

Сценарии нескольких коммуникативных событий, происходящих в паре влюбленных, для создания видеороликов должны были отвечать двум основным параметрам:

• быть наглядными, типичными, даже узнаваемыми;

• быть свойственными данной возрастной категории и форме отношений в большинстве характерной для данного возраста, а также быть свойственными российской культуре.

В связи с необходимостью удовлетворить первому требованию мы посчитали целесообразным использовать для подбора ситуаций популярный источник, ориентированный на среднеста-

тистическую аудиторию. Наш выбор пал на работу Аллана и Барбары Пиз «Язык взаимоотношений: мужчина и женщина». Однако в связи с тем, что в первую очередь авторы ориентировались на семейную жизнь, а также представляли ситуации, типичные для американской культуры, возникла необходимость адаптировать полученный материал с целью обеспечения его соответствия второму параметру. Для этого было проведено предварительное исследование на выборке студентов-психологов различных курсов обучения.

Из текста книги были взяты некоторые типичные ситуации и популярные стереотипы поведения людей в любовной паре [5], на базе которых был составлен опросник, направленный на выявление наиболее характерных ситуаций, возникающих во взаимоотношениях между влюбленными мужчиной и женщиной именно в контексте российской молодежной культуры. Задачей экспертов было оценить степень типичности 17 приводимых ситуаций в любовной паре по 5-балльной шкале (5 баллов – «очень частое явление», 4 балла – «неоднократно такое встречалось», 3 балла – «иногда бывает», 2 балла – «знаю мало таких случаев», 1 балл – «мне неизвестны подобные примеры»).

Были опрошены студенты департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина с 1 по 3 курс обучения (возраст от 18 до 22 лет), из них: 26 мужчин и 29 женщин. По результатам опроса для создания стимульного материала были выбраны следующие ситуации:

• Девушка обвиняет молодого человека во флирте с девушкой, с которой, по мнению молодого человека, он просто разговаривал.

• Молодой человек не может найти предмет, который ищет, девушка приходит и обнаруживает его там, где молодой человек искал.

• У молодого человека проблемы на работе/учебе, он хочет уединиться и подумать над этим, девушка же пытается разговорить его, расспросить, в чем проблема. Если девушка дает советы по поводу этой проблемы, молодой человек не принимает их.

В качестве респондентов основного исследования (табл. 1) были выбраны студенты третьих курсов (возраст респондентов от 18 до 22 лет) двух департаментов Уральского федерального универ-

ситета им. Б. Н. Ельцина – исторического (Институт гуманитарных наук и искусств) и физического (Институт естественных наук).

Поскольку ответы респонденты давали в свободной форме, совершенно неизбежной была необходимость качественного анализа содержания этих ответов. Предполагалось по результатам анализа содержания ответов разработать две категориальные сетки – для вопросов № 1, № 2 и для вопросов № 3, № 4. Идейной основой классификации ответов стали типы стратегий разрешения конфликтов по К. Томасу: соперничество, компромисс, сотрудничество, избегание и приспособление [3, с. 73]. Также учитывался аспект того, на чьи мысли и действия респонденты делают акцент в тех или иных вопросах. Таким образом, ответы испытуемых на вопросы анализировались по основному параметру, который можно было бы в общем назвать «направленность». Учитывалось то, на кого субъект, по мнению респондента, направляет свои мысли, чувства, действия, чье поведение анализирует, сосредотачивает свое внимание на партнере или на себе, или на неких третьих лицах и объектах, как оценивает ситуацию/себя/партнера и т. д. В соответствии с этим параметром и с учетом некоторых семантических нюансов и были разработаны категории ответов.

Таблица 1

Параметры выборки участников исследования

Дата и время	Респонденты	Количество	По выборке
26.11.2012, 15:10–15:50	3 курс физического факультета	52 мужчины, 49 женщин, 3 «не определившихся»	16 анкет отвергнуто*
05.12.2012, 12:20–13:30	3 курс исторического факультета	8 мужчин, 19 женщин	1 анкета отвергнута (неполное заполнение)

**Примечание*. Отвергнуты 5 анкет мужчин по причине неадекватного заполнения; 5 анкет мужчин и 3 анкеты женщин отвергнуты по причине неполного заполнения; 3 анкеты отвергнуты, т. к. в них не указан пол респондентов.

Каждому ответу респондентов присваивалось неограниченное число категорий, в зависимости от содержания, затем все ис-

пытуемые были отдельно распределены на подгруппы: по полу (на мужчин и женщин) и по гендеру (на маскулинных, феминнных и андрогинных). Затем осуществлялся подсчет различий между подгруппами испытуемых в выборе каждой категории. Для этого был использован критерий угловое преобразование Фишера [4, с. 75].

Итак, по результатам обработки полученных данных нам удалось выявить различия в интерпретации поведения партнеров и понимании наилучших путей разрешения предконфликтной ситуации в любовной паре между всеми подгруппами – и по полу, и по гендеру. Различия эти довольно разнородны, в связи с чем трудно выделить какие-то определенные закономерности. Наибольшее количество различий было обнаружено в паре подгрупп мужчины-женщины.

В целом, в каких-то аспектах представители разных полов/гендеров подтверждают взгляды ученых на их половую/гендерную специфики, в каких-то – нет. Так, например, маскулинные субъекты в ответах на вопросы к первому эпизоду не демонстрируют приписываемой им инструментальности, т. к. не считают, что решение учебной задачи партнера должно разрешить и трудности общения с партнершей (в сравнении, например, с андрогинными). Однако, с другой стороны, в ответах к этому же эпизоду маскулинные субъекты показывают традиционно специфичную для них агрессивность, чаще других подгрупп подчеркивая то, что партнер испытывает негативные переживания по отношению к партнерше.

Нам все-таки удалось выделить некоторые специфические особенности тех или иных полов/гендеров:

• Для феминных не характерно считать, что партнерша отрицательно оценивает поведение партнера в ситуации, когда у него возникают трудности в профессиональной сфере, а также, что партнерше в данном случае стоит просто иначе посмотреть на ситуацию, к тому же, что партнеру стоит в данных условиях отстаивать свои интересы, делать что-то, что может быть неприятно партнерше, но считают, что разрешить конфликт в отношениях партнер сможет, если решит свою профессиональную трудность. Также для феминных индивидов не характерно считать, что пар-

тнерше стоит смиренно принять поведение партнера в ситуации неуспешного поиска предмета, так же, как и не поможет ей уход от взаимодействия с партнером. Феминные субъекты не считают, что партнер испытывает негативные чувства к партнерше в ситуации мнимой измены, а также, что он чувствует себя неправым и сосредоточен на обдумывании самой ситуации, а не отношений, что ему целесообразно отстаивать свои интересы в данной ситуации и что разрешить конфликт партнерша сможет, если перестанет делать то, что неприятно партнеру.

• Для маскулинных не характерно считать, что героине нужно делать что-то для партнера, когда он находится в ситуации профессионального неуспеха, а также, что партнеру поможет разрешить конфликт в паре решение его учебной задачи; однако маскулинные считают вполне допустимым партнеру в данной ситуации сделать что-то, что может быть неприятно партнерше. А также для маскулинных не характерно считать, что в ситуации с неудачным поиском предмета партнер перекладывает ответственность за свою неудачу на партнершу и что партнерше стоит скорректировать поведение партнера. В ситуации с мнимой изменой маскулинным субъектам не свойственно называть определенные отрицательные эмоции, которые партнерша испытывает в связи с поведением партнера, так же, как и считать, что партнер в этот момент сосредоточен на своих эмоциях и что изменение поведения партнерши, ее личностных качеств поможет предотвратить данный конфликт, однако, по мнению маскулинных, партнер может обдумывать саму ситуацию.

• Для андрогинных характерно считать, что в ситуации, когда у партнера возникают трудности в профессиональной сфере, он склонен ожидать определенного поведения от партнерши, а также партнер понимает, что не совсем правильно обращается с партнершей, избегая контакта с ней и агрессивно реагируя на ее советы. Также для андрогинных характерно подчеркивать отрицательные эмоции партнерши, вызванные поведением партнера в ситуации с поиском предмета. Для андрогинных более всех других групп характерно считать, что партнер чувствует себя неправым в ситуации мнимой измены и что он обдумывает саму ситуацию, свои дальнейшие действия, а не отношения.

• Для женщин характерно подчеркивать то, что партнерша испытывает неприятные эмоции от того, что партнер не может найти нужный предмет и еще при этом высказывает возмущение, причем женщины часто точно называют эти эмоции; также женщины чаще считают, что партнерше стоит скорректировать поведение партнера в данной ситуации, сделать так, чтобы он повел себя определенным образом (например, поискал предмет более тщательно). Женщины не считают, что партнер может чувствовать свою неправоту в ситуации мнимой измены и что ему следует отстаивать свою правоту в данном случае, но считают, что предотвратить конфликт может изменение поведения партнерши в ситуации, вызвавшей ссору.

• У мужчин (независимо от гендера) могут возникать мысли о негативных переживаниях партнера по отношению к партнерше в ситуации поиска предмета, а также о том, что партнер ожидает от партнерши определенного поведения (например, чтобы она подала ему требуемый предмет сразу).

• Для андрогинных женщин характерно считать, что партнерше следует отстаивать свои права в ситуации мнимой измены, а для андрогинных мужчин, наоборот, что партнеру следует отстаивать свои права в данном случае.

Стоит отметить, что в связи с тем, что феминные субъекты в основном являются женщинами (11 из 13 респондентов), а все маскулинные субъекты являются мужчинами, тенденции проявляющиеся у маскулинных и феминных характеризуют не просто эти гендеры, а именно маскулинных мужчин и феминных женщин.

Важно отметить, что полученные между полами и между гендерами различия сложно выстроить в какие-то четкие закономерности. Возможно, гораздо более явные тенденции удастся получить при анализе групп, отличающихся сразу и по полу, и по гендеру (например, маскулинные мужчины), так как такое разделение будет более полно отражать гендерную идентичность субъекта, а не разбивать ее на отдельные компоненты, которые в сущности же неразрывно связаны.

Данное исследование предполагает масштабные перспективы как дальнейшей научно-теоретической работы, так и выхода на уровень практики. Мы предполагаем собрать более обширную

информацию о существующих различиях в интерпретации коммуникативных ситуаций в любовной паре, задействовав выборки с разнообразным социально-демографическими параметрами. После того, как нам удастся получить объемную базу сведений по указанному вопросу, станет возможной разработка тренинговой программы для развития взаимопонимания партнеров, состоящих в интимных межличностных отношениях. Эта программа, возможно, позволит нам сделать качественный шаг вперед в психологической работе с любовными парами.

Список литературы

1. *Воронцов Д. В.* Гендерная психология общения / Д. В. Воронцов. Ростов н/Д : Изд-во ЮФу, 2008. 208 с.
2. *Ильин Е. П.* Психология общения и межличностных отношений / Е. П. Ильин. СПб. : Питер, 2009. 576 с. (Серия «Мастера психологии»).
3. Конфликтология / под ред. А. С. Кармина. СПб. : Изд-во «Лань», 1999. 448 с.
4. *Лупандин В. И.* Математические методы в психологии : учеб. пособ. 4-е изд., перераб. / В. И. Лупандин. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. 196 с.
5. *Пиз А, Пиз Б.* Язык взаимоотношений: мужчина и женщина / А. Пиз, Б. Пиз. М. : «Эксмо-Пресс», 2007. 400 с.
6. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клециной. СПб. : Питер, 2003. 479 с. (Серия «Практикум по психологии»).

Ю. А. Рущак,

департамент международных отношений ИСПН УрФУ, 2-й курс

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно!
В. Маяковский

Говоря о войне, мы подразумеваем обычно танки, бомбы, жестокие убийства. Это традиционная составляющая войны, однако с развитием информационных технологий все более важное зна-

чение приобретает освещение событий в СМИ. Это предоставляет широкие возможности для манипулирования информацией: от подтасовки фактов до их подделки. Подаваемая информация формирует не только общественное мнение, но в ряде случаев и международную реакцию. Информация в условиях конфликта становится одним из ключевых стратегических объектов контроля и владения. Именно поэтому мы можем говорить о феномене информационной войны как о полноценной войне, которую можно выиграть или проиграть.

Данный термин представляет особый интерес вследствие его неугасающей актуальности. Приемы информационной войны использовали испокон веков, однако особую значимость в политике государств они приобрели именно с развитием информационного общества и технологий. Все чаще в современных конфликтах мы видим разработанную и спланированную стратегию информационного воздействия, и неверная ответная реакция может привести к проигрышу традиционной войны и большим человеческим жертвам. Важно понимать, что информационная война ведется не только в условиях конфликта, но и в мирной обстановке, однако понятие «информационная война» появилось в конце XX в. в среде военнослужащих и означает, прежде всего, жесткую, решительную и опасную деятельность, связанную с реальными боевыми действиями. Появлению нового вида войны предшествовали следующие события. Во-первых, начавшееся с середины XX в. бурное развитие средств вычислительной техники, коммуникаций и связи привело к возрастанию значения информации как одного из основных ресурсов человеческого общества, по своей эффективности намного превосходящего материальные и другие виды ресурсов. Во-вторых, успехи в области изучения мозга и группового поведения людей позволили понять пути и средства психофизического воздействия на людей в «нужных» направлениях, и, наконец, в-третьих, научно-технические достижения позволили разработать новые физико-химические средства, используемые в информационной войне вместо традиционных видов оружия. Оказалось возможным достижение военно-политических целей с помощью формирования общественного мнения. Например, американские

аналитики говорят о медиа-войне, которая создает очень сильный временной прессинг на лиц, принимающих решения, не оставляя времени для консультаций и анализа последствий принимаемых решений. Кроме того, ведение информационной войны не бывает случайным или спонтанным, это всегда хорошо спланированное воздействие на массы, согласованные действия по использованию информации в качестве оружия для достижения определенных целей. Поэтому в качестве наиболее общего определения мы будем рассматривать информационную войну как систематическое психологическое воздействие на гражданское население и (или) военнослужащих другого государства с целью достижения политических, экономических, военных и других целей.

Принцип работы информационных войн исходит из того, что любая система, в том числе, и система государственного управления, допускает ошибки на случайной основе. Задача информационной войны в том, чтобы перевести эти случайные ошибки на системную основу. Характерная черта современного общества – дефицит жизненно необходимой информации для принятия решений. Чтобы избежать неблагоприятных ситуаций, нужно их предвидеть. Чтобы развиваться в условиях ускоряющихся изменений, система и ее члены должны быть дальновидными, адаптивными, самоорганизующимися, должны учитывать последствия принимаемых решений, влияние изменений и случайных факторов. Именно на принципе самообучаемости систем и строится механизм информационных войн, так как обучение имеет прямую зависимость с подаваемой или поступающей информацией.

Для упрощения понимания механизмов, ученые, изучающие теорию информационных войн, вводят некоторые собирательные образы (архетипы), аналоги которым несложно найти в практической жизни. Так, примитивная организация состоит из Ученика, Учителя и Специалиста [1], где очевидна градация по объему имеющейся информации и по ее качественному наполнению. В качестве Специалиста подразумеваются структуры, несущие ответственность за конечный результат, задающие общие тенденции развития. В экономической корпорации это могут быть члены правления, топ-менеджеры, в политике под эту категорию как

нельзя лучше попадают так называемые think tanks, или аналитические центры. Возможные роли Ученика и Учителя меняются в зависимости от ситуации, однако под Учеником часто понимаются широкие слои общества, чье мнение формируется под воздействием Учителя. Подробнее ситуацию можно рассмотреть на примере демократических выборов, где в качестве Ученика выступает избиратель, а в качестве Учителя, например, СМИ. Обучение основано на социализации, что само по себе не может быть краткосрочным процессом и требует специальных знаний как Учителя, так и Эксперта. Смысл социализации в том, чтобы научить Ученика распознавать определенные ситуации и заложить предполагаемый стереотип реакции на эту ситуацию. Для правильного воздействия на Ученика существует несколько методов, работающих при ведении информационных войн как на уровне государств, так и на личностном уровне.

Во-первых, это метод прямого обмана. В рамках этого метода может применяться некорректная логика, ложное доказательство, неполное предоставление информации, прямая фальсификация фактов, преобразование слухов в факты и многое другое. Чаще всего такие способы применяются для воздействия на потребителя через рекламу. Например, использование слова «новый, обновленный» наталкивает на мысль о принципиальных изменениях в продукте, в то время как изменения оказываются незначительными – пример некорректной логики. Ложное доказательство часто используется в рекламе косметики, где обещания сделать ресницы на 30 % длиннее не подкреплены никакими исследованиями. Неполное предоставление информации или освещение события только с одной стороны активно применяется при освещении зон конфликтов. Яркими примерами стали конфликт в Косово и грузино-осетинский конфликт.

Во-вторых, широко распространен метод манипулирования личностью. Основные способы манипулирования тесно переплетены с психологией человека. Среди основных можно выделить способ социального доказательства, основанный на том, что 95 % людей относятся к Ученикам и чаще всего подражают большинству. В рамках этого способа эффективно работают опросы населения,

статистические данные. Также создание авторитета позволяет манипулировать общественным сознанием (идея коммунизма, помимо всех прочих причин, жила в умах людей еще и благодаря авторитету его основателей). Принцип последовательности решений – взяв на себя обязательство, заняв определенную позицию – люди склонны соглашаться с требованиями, соответствующими этой позиции. В случае если изначальная установка неверна, разрушительна, то и последующие действия, как правило, ведут к деструктивному результату. Прием взаимного обмена (формирование чувства долга) также весьма эффективен. Этот прием сводится к формуле «услуга за услугу», что в политике склонны называть сотрудничеством. В коммерческой сфере часто используется прием дефицита. Стоит только вспомнить «соляной бум» 2006 г., когда непроверенная или намеренная информация в СМИ спровоцировала массовые закупки соли населением, что повлекло за собой резкий скачок цен. А в политике особенно активно применятся такой способ манипулирования, как мессианская идея. Адольф Гитлер с маниакальной идеей тысячелетия рейха, лидеры крестовых походов с миссией спасения гроба Господня, коммунисты с броским лозунгом «Земля – крестьянам, заводы – рабочим» и миссией победы в классовой борьбе сплачивали людей на самые разные деяния, манипулировали их сознанием.

Каждый случай информационного воздействия индивидуален, и не все возможно уместить в рамки классификации. Особенно широкий размах информационные войны получают во время освещения конфликтов. Важно отметить, что информационная война начинается еще до реальных военных действий, формируя общественное мнение. Например, перед вторжением в Ирак США распространяли пропагандистские документы и листовки, делающие упор на несправедливом режиме Саддама Хусейна, намерении иракского лидера использовать гражданское население в качестве живого щита для прикрытия военных объектов. Для конкуренции с катарской телекомпанией «Аль-Джазира» создавалась «Ближневосточная телевизионная сеть» (Middle-East Television Network) [2], перед началом трансляции утренних новостей которой пресс-секретарь Белого дома Ари Флейшер должен был проводить по телефону селекторный брифинг. В качестве примера можно также

привести формирование положительного общественного мнения об албанцах перед введением интервенцией НАТО, что было сложной задачей, поэтому основной упор делался на свободолюбивый и независимый характер косовар [3].

Непосредственно во время военных действий нередки случаи подмены кадров для телевизионных трансляций. Типичным примером фальсификации являются известные кадры, запечатлевшие иракцев, с ликованием встречающих американских солдат в Багдаде. Как определили аналитики, на самом деле эти кадры были сняты в иракском Курдистане. Не менее известны случаи фальсификации в осетино-грузинском конфликте. Также может вводиться прямой государственный контроль за журналистами и информацией, поступающей с места событий. Самым двуличным методом является обращение к страдающим от конфликта народам на их родном языке, что должно завоевать их расположение, как это делала, например, госсекретарь США М. Олбрайт во время интервенции войск НАТО в Сербию [3].

Смысл изучения целей ведения информационной войны, ее методов заключается в попытке найти верные способы предотвращения ее воздействия или борьбы с уже ведущейся информационной войной. Исследователи выделяют три основополагающих принципа борьбы [1]:

1. «Теория демократии» гласит, что если избиратели (Ученики) рациональны в своем выборе и Учителя вложили в них полноценный, разносторонний набор классификации и распознавания образов возникающих ситуаций, то демократический механизм подавляет угрозы обществу. То есть образованность населения, политическая грамотность, разносторонность восприятия позволяет подавить информационное воздействие. При выполнении условий теоремы о демократии и прогрессе бессмысленно вести в обществе информационные войны.

2. Прозрачность управления дискредитирует попытки ведения информационной войны. В прозрачной структуре управления бессмысленно вести информационные войны, направленные на подавление государственной власти.

3. Что касается внутригосударственного манипулирования сознанием населения, то здесь большую роль играет конкурен-

ция Экспертов, Специалистов, тех самых аналитический центров, think tanks, которые ответственны за выработку направлений политики и анализ существующей действительности. Именно от вариативности, конкуренции точек зрения Экспертов зависит качество информации, поступающей к Учителям и Ученикам. В споре рождается истина.

Глубинное понимание механизмов, возможных сценариев информационных войн способно изменить наш взгляд на мир, заставить мыслить аналитически, искать стратегию действий. Ни одно упоминание о событии в СМИ не делается без заранее определенной цели. Необходимо лишь верно определить эту цель.

Список литературы

1. *Цыганов В., Бухарин С.* Информационные войны в бизнесе и политике / В. Цыганов, С. Бухарин. М. : Академический проект, 2007. 336 с.

2. *Гриняев С. Н.* Информационная война в ходе агрессии США, Великобритании и их союзников против Ирака // Аналитический доклад. Режим доступа: http://csef.ru/files/csef/articles/766/766.pdf.

3. *Андреев А., Давыдович С.* Об информационном противоборстве в ходе вооруженного конфликта в Косово. Режим доступа: http://psyfactor.org/warkosovo.htm.

Л. Ю. Ятлук,
департамент философии ИСПН УрФУ,
магистратура, 2-й год обучения

ПРОПАДАЮЩИЕ ЦВЕТА, ИЛИ СОЦИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЛАМПОЧЕК

В XX в. повседневность стремительно врывается в социальные и гуманитарные исследования: в одних случаях она принимает причудливые формы приобретаемых схем восприятия, в других проявляется в виде имплицитных правил, форм жизни, а где-то предстает в подробном описании телесных практик. Однако цвет обычно остается незамеченным, будучи всегда тотальным и связанным с пространством и формой, он фиксируется лишь в качестве фона или плазмы. Актуализируя повседневность, мы пытаем-

ся вывести на свет все «скелеты в шкафу», что бережно хранятся социальной сетью. Становясь объектом, фон являет нам свои каждодневные трансформации под влиянием различных участников, а затем и свое влияние на людей и нечеловеков.

Разработка методологии, к которой мы прибегнем в нашем анализе, принадлежит Б. Латуру, который не только излагал теорию, но успешно анализировал с помощью нее отдельные социальные процессы, к примеру в описании пастеризации Франции. Основное свое применение методология находит в Science and Technology studies, позволяя находить интерпретации таким явлениям, которые раньше оставались в тени. Этот способ исследования позволяет работать с объектами-гибридами, с их связями с другими подобными объектами, нередко разделенными во времени и пространстве. STS, как пишет сам Б. Латур, «расширяет ряд социально интерпретируемых, добавляя к ним те, которые прежде выносились за границы социологических дисциплин» [4, с. 20]. В текущем исследовании мы посмотрим, как простая социология лампочек способна превратить незатейливый фон в удивительный элемент социальной действительности.

В первую очередь необходимо прояснить ряд ключевых понятий и теоретических установок акторно-сетевой теории Б. Латура, которые позволят нам структурировать дальнейший анализ. Исходной точкой является снятие различий между субъектом и объектом, обществом и природой в плане возможностей для исследования и обладания «собственным голосом». Латур критикует стремление других исследователей разделить поле объектов на отдельные области, такую работу по сепарированию он называет практиками очищения. «Прослеживая эволюцию или связи какого-то объекта, люди видят в нем либо вещь, либо социальное отношение, либо нарратив, помня о несводимости того, другого и третьего к бытию» – пишет Е. Г. Трубина, комментируя акторно-сетевую теорию Б. Латура [11, с. 152]. В подходе, предлагаемом самим Латуром, объект внешней природы, сущность которого не зависит от человека, существует совместно с репрезентацией объекта, с его экспериментальным образцом, изолированным в лаборатории, и объектом поставленным на поток, многократно воспроизводимым человеком, при этом сущностью его будет являться не

что-то одно из этого, а «траектория, соединяющая все эти позиции» [5, с. 158]. Практики очищения требуют обратного полюса – практик медиации, позволяющие видеть эти смежные, переходные области. Автор тем не менее не выступает против внутреннего мира субъекта, он лишь фиксирует недостаточность этого факта для того, чтобы считать человека социальным агентом. Аналогичная ситуация происходит с объектом исследования, именно поэтому понятия субъекта и объекта Б. Латур заменяет понятием актанта – участника взаимодействия, узла сети. Сам термин происходит из лингвистики, где обозначает активного, значимого участника ситуации, речевую конструкцию, зависимую от предиката высказывания, в противовес сирконстанту – необязательному участнику ситуации [7]. В литературоведении термин получает двойственную природу, которую и схватывает Б. Латур, здесь актантом является персонаж, но взятый не как характер, а как стимул развертывания ситуации [9]. Потому и действие в теории Б. Латура оказывается присущем не человеку, а ассоциации актантов.

Другим существенным понятием для нас будет делегирование – передача алгоритма действий или функций от одного актанта другому, чаще всего Б. Латур говорит о делегировании определенного типа действий человека нечеловекам – дверным ручкам, доводчикам, сигнальным системам и другим. «Фетишизм ли это?» – вопрошает Б. Латур в работе «Об интеробъективности». «Нет, это просто признание того, что наши творения превосходят нас», – отвечает он далее [6, с. 93]. Социальные связи перестают быть ограничены только связями между людьми, они вбирают в себя возможности нечеловеков.

Множество актантов, людей и нечеловеков, образуют сеть, в которой все компоненты объединены симметрично, и эта сеть становится сборкой и ассоциацией элементов. Прочность сети тем выше, чем большее число актантов она вовлекает или делает видимыми и значимыми (так лаборатория Л. Пастера сделала видимой и значимой на социальном уровне бациллу оспы). Сети, претендующие на одну область, конкурируют между собой по стойкости и протяженности. Сети соревнуются за социальное признание и за научный статус, потому и истина трактуется Б. Латуром как честная игра, по аналогии с Дж. Ролзом, у которого аналогичным об-

разом понимается справедливость [12]. На английском используется термин «network», при этом важно отметить, что для Б. Латура значимы обе части слова. Это не просто net, подобная телефонной сети или всемирной паутине Интернета, это и work – работа по установлению связей, расширению и укреплению сети, это сеть, которая существует только в этом действии сети [1]. «Так, сеть является выражением для того, чтобы проверить, сколько энергии, движения и особенностей наших собственных сообщений может быть схвачено. Сеть – это концепт, а не вещь здесь и сейчас. Это инструмент для того чтобы описать то, что сейчас не описывается», – обобщает автор, проясняя методологию своих исследований [1, с. 131]. Понятие фона также оказывается необходимым для Б. Латура, как и других представителей теорий практик: фон или плазма необходимы нам для непроблематичного осуществления повседневных действий, это то, что остается неотформатировано, несоциализовано и немобилизовано. Фон дает возможность быть явленным, подобно тому, как на белой бумаге может быть нарисован любой цветной рисунок, а вода может служить растворителем для множества веществ. Однако здесь фон представляется активно составленным, сконструированным повседневными пользователями или специалистами, в этом проявляется отличие от плазмы – она еще не заметна на фоне, не оформлена, а потому всегда оставляет возможность для трансформации заднего и переднего планов.

Обратимся теперь к возможности анализа современных лампочек и домашнего освещения с помощью методологии Б. Латура, что позволит нам показать, как по-новому можно представить социальные особенности существования цвета.

Вопрос естественного и искусственного освещения в человеческих сообществах интересен буквально с первобытных времен, но мы обратимся к современному нам обществу с его изобилием видов электрических ламп. В России по-прежнему наиболее привычны для домашнего использования лампочки накаливания, хотя после предложения о запрете, сделанного летом 2009 г. президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым, их распространение уменьшилось. На данный момент существует официальное ограничение в 75 Вт для домашнего использования и запрет на закупки для государственных учреждений [8]. Таким образом плани-

руется постепенное снижение оборота ламп накаливания с целью экономии электроэнергии. Все довольно просто, но если бы это было все, то никогда не привлекло бы взгляд социального исследователя. При низком коэффициенте полезного действия и коротком сроке службы, лампа накаливания остается самым привычным для глаз искусственным светом, благодаря непрерывному спектру, близкому к солнечному, с небольшим смещением в красную зону. Актант, всегда дававший привычный цветовой фон, которому мы привыкли делегировать обязанность освещать наше жилище, ныне принудительно вытесняется и заменяется множеством вариантов, некоторые из которых способны значительно изменить сложившуюся сеть.

Натриевые лампы, длинные мерцающие трубки на основе паров натрия, – первые претенденты на замену. Однако они рискуют стать неэффективными спутниками человека, поскольку их спектр ограничен лишь желтым диапазоном. Сейчас эти лампы используются в уличных фонарях, поскольку потребляют небольшое количество энергии и дают интенсивное излучение, но, будучи перенесенными в дом, они не способны заместить прошлые малоэффективные, но приемлемые для жизни лампы, так как не соответствуют нашим предписаниям. «Предписание – это моральное и этическое измерение механизмов», – пишет Б. Латур, перенося привычные измерения людей на нечеловеков [3, с. 206]. Лампы не выполняют наши предписания в том смысле, что они не походят для той роли, на которую претендовали.

Другим новым кандидатом являются светодиодные лампы, основанные на принципе электролюминесценции. Они популярны в карманных фонариках благодаря своей высокой прочности, но, будучи перенесены опять же в несвойственную им область, светодиодные лампы становятся плохими помощниками из-за ряда причин: высокая цена и низкая интенсивность излучения не позволяют использовать их как основной источник освещения, а спектр их излучения, далекий от солнечного (он представляет собой белый свет с провалами спектра), не позволяет сохранять привычный фон. Актанты, перемещенные в новые для них сети, продолжают действовать, но они не исполняют той роли, что предполагается

местом в сети. Отсюда светодиодные лампы в большей степени становятся дополнительной подсветкой в компьютерной технике, сигнальном освещении и в клубном оформлении.

Выбор многих, в том числе и государственных закупок, пал на люминесцентные лампы (КЛЛ), в первую очередь на компактные люминесцентные лампы – изогнутые колбы на парах ртути, которые принято называть энергосберегающими. В этом смысле они действительно оказываются дружелюбными нечеловеками, но здесь вновь возникает проблема с качеством света. КЛЛ излучают линейчатый спектр, давая от двух до девяти полос в зависимости от цены, что возможно легко проверить, направив свет на компакт-диск [2]. В этой ситуации не все цвета оказываются различимы, определенные детали фона просто уходят со сцены взаимодействия, оттенки сливаются, в свете КЛЛ они могут значительно отличаться от тех же оттенков в дневном освещении. В этом смысле простые лампочки оказываются частью структурирования нашего поведения по средствам влияния на наш выбор сочетаемых и несочетаемых цветов. Потому в терминологии Б. Латура лампочки становятся антропоморфными, поскольку в некоторой степени формируют нас, наше мнение о цветах и их категоризацию.

Теперь картина уже не выглядит столь простой, видны риски поспешно принятого решения: привычный актант искусственно вытесняется из своего узла, разрывая при этом цепочку связей, а замены ему не находится. Однако технологии здесь демонстрируют свою гибкость, и находятся способы наилучшим образом заменить отсутствующий элемент – это галогеновые и металлогалогеновые лампы. Первые очень схожи с лампами накаливания по своему сплошному спектру с легким сдвигом в красный диапазон, кроме того они имеют более высокий коэффициент полезного действия. Вторые же, хоть и имеют мелкие провалы в спектре, но в целом близки по освещению к солнечному свету и имеют наибольшую эффективность [10]. Такие лампы не только сохраняют прежнее положения дел, но и расширяют возможности применения: так, галогеновая лампа удобна как дополнительный свет при портретной фотосъемке, что становится актуально при повсеместном распространении недорогих цветовых фотокамер с автоматическими настройками баланса белого.

Посмотрев на фон, мы видим, что на появление и исчезновение цветов, наряду с художниками, режиссерами, химиками-органиками и дизайнерами, влияют инженеры, не без поддержки правительства, получающие некоторую власть над нашим окружением. Меняя узлы сети, они «постоянно переносят своих персонажей в другое место и другое время, изобретая позиции для пользователей-людей и пользователей-нечеловеков» [3, с. 220]. Говоря о цвете, отметим, что инженеры влияют таким образом, что у нас нет возможности выбрать сами цвета (как мы делаем это в случае предпочтений модных тенденций в одежде и интерьере) – мы выбираем лишь способ, каким цвета будут нам явлены, зачастую не осознавая, что этот выбор вообще касается организации цветового окружения. Цвет и свет остается плазмой, а потому пропажа оказывается столь нерефлексируемой, что чаще всего заставляет людей лишь сетовать на плохую работу электросетей и некачественные светильники, и только пристальному взору открывается причудливая сеть людей, вещей и технологий. Разбирая ее существование в контексте принятых законов и особенностей освещения, мы действуем аналогичным образом с Л. Пастером, явившим миру бациллы, которые существовали всегда, но значимы стали лишь в процессе исследования, выявления из общего фона их действий.

Повседневность в нашем случае раскрывается через сложную сеть зависимостей технологий, техник и практик пользования, рекомендаций и директив, привычек и трансформаций восприятия, цвет же впервые являет свою значимость не только в отдельных аспектах символического и маркерного использования, но в самом фоне, в самом своем постоянном присутствии и изменении под влиянием различных факторов. Методология Б. Латура позволяет нам установить не только то, как пропадают цвета, но и как они живут в нашем повседневном окружении.

Список литературы

1. *Latour B.* Reassembling the Social. Introduction to Actor-Network-Theory / B. Latour. Oxford; Oxford University Press, 2005.

2. *Зайдель И.* Светлое будущее. Часть 4 : Здоровье // 3DNews. Режим доступа: http://www.3dnews.ru/offsyanka/629234/print.

3. *Латур Б.* Где недостающая масса? Социология одной двери / Б. Латур // Социология вещей : сб. ст. под ред. В. Вахштайна. М. : Территория будущего, 2006.

4. *Латур Б.* Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «Исследований науки» в общественные науки / Б. Латур // Вестник МГУ. Серия «Философия». 2003. № 3.

5. *Латур Б.* Нового времени не было / Б. Латур. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

6. *Латур Б.* Об интеробъективности / Б. Латур // Социологическое обозрение. 2007. Том 6, № 2.

7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Ярцева В. Н. М. : Советская энциклопедия, 1990.

8. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации от 23 ноября 2009 года № 261-ФЗ // Федеральный закон Российской Федерации. 2009.

9. Постмодернизм : словарь терминов. М. : ИНИОН РАН, 2001.

10. Справочная книга для проектирования электрического освещения / под ред. Г. М. Кнорринг, И. М. Фадин, В. Н. Сидоров. – 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Энергоатомиздат. Санкт-Петербургское отд-ние, 1992.

11. *Трубина Е. Г.* Город в теории. Опыт осмысления пространства / Е. Г. Трубина. М. : НЛО, 2011.

12. *Волков В. В., Хархордин О. В.* Латур: практики и сети / В. В. Волков, О. В. Хархордин // Теория практик. СПб. : Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008.

Секция 1
СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОГО МЫШЛЕНИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Модераторы секции:
доцент Никитин С. А., доцент Новгородцева А. Н.,
доцент Полякова В. В.

ПРЕДИСЛОВИЕ МОДЕРАТОРОВ

В работе секции приняли участие студенты департамента философии и департамента политологии и социологии. Следует отметить, в ходе работы состав аудитории существенно изменялся – если вначале присутствовали только докладчики, то позднее присоединились слушатели из других секций, которые активно участвовали в обсуждении. В результате этого движения численный состав секции менялся от 12 до 22 человек. Всего было представлено 12 докладов. Тематика выступлений, представленных на обсуждение, носила разнообразный характер. Обсуждались традиционные темы, например, теория повседневности, проблемы стереотипов, признания, семьи. Кроме того, были представлены темы, вызвавшие бурную и порой неоднозначную дискуссию, такие как: социология современных лампочек, позитивный сексизм, повседневные практики мигрантов, господство над Вавилонской башней – язык повседневности, деньги в системе жизненных ценностей.

Особо ценным в ходе обсуждения докладов являлся специфический взгляд на одну и ту же проблему, высказанный представителями разных департаментов. Ориентирами выступали одни те же ученые, работы, парадигмы, но для представителей разных специальностей подходы к интерпретации информации были различными. При этом следует отметить, что объединяющим фактором являлся интерес студентов различных направлений подготовки не столько к теоретическим основам обсуждения, сколько к практической направленности исследований. В этой связи поднимался и вопрос о методах исследования и возможности практического их истолкования и использования.

В целом стоит подчеркнуть, что философы и социологи смогли включиться в общую дискуссию, проявили заинтересованность к представленным на обсуждение работам, активно и аргументированно отстаивали свои позиции.

О. Я. Артем,
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, 4-й курс

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: МЕТОДЫ АНАЛИЗА

В современном мире мы часто слышим и сталкиваемся с таким понятием, как повседневность. Каждый по-своему трактует этот термин и по-разному видит применение его в жизни. Кто-то акцентирует внимание на том, что повседневность – это что-то рутинное, постоянно повторяющееся, без изменения жизнь, состояние души человека; для кого-то повседневность выступает чем-то обыденным, ожидаемым и предполагаемым. И, безусловно, так как данный термин часто применяется в нашей жизни, то для представителей различных направлений, а именно социологов, философов, историков, понятие повседневности может выступать предметом множества исследований общества.

Для начала определимся с тем, что мы будем понимать в нашей работе под понятием повседневности. Повседневность – это «целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функционировании общества как „естественное“, самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности. Как специфическая область социальной реальности выступает в качестве объекта ряда наук и междисциплинарных исследований (история, социальная и культурная антропология, социология)» [1, с. 3].

Теперь остановимся подробнее на исследованиях повседневности ряда ученых, представителей различных социально-гуманитарных наук.

«В рамках классических подходов в социальном познании (марксизм, фрейдизм, структурный функционализм) повседневность полагается низшей реальностью, за которой скрывается некая глубина и лежит подлинная реальность» [2, с. 3]. Исследователь в данном случае выступает в качестве абсолютного наблюдателя, для которого живой опыт всего лишь симптом этого более глубокого слоя социальной реальности.

Но со временем «толчок к новому пониманию повседневности был дан Гуссерлем в его трактовке жизненного мира. В феномено-

логической социологии Шюца был осуществлен синтез этих идей и социологических установок Вебера. Шюц сформулировал задачу исследования повседневности в контексте поиска предельных оснований социальной реальности как таковой. Различные варианты такого подхода представлены в современной социологии знания (Бергер), с несколько иных методологических позиций в символическом интеракционизме, этнометодологии и т. п. Центральным вопросом социального познания становится вопрос о соотнесении социального знания с повседневными значениями» [2, с. 3]. То есть возникает необходимость сказать о том, что исследование и рассмотрение повседневности начинает подразумевать не просто получение информации о возможной социальной реальности, повседневных значениях, но и соотнесение их с социальным знанием.

Далее, «в «постклассической парадигме» социального знания «природа исследовательского объекта – повседневной жизни людей – меняет отношение к самой идее познания социального мира. Ряд совершенно различных исследователей (Ю. Хабермас, Т. Лукман, Э. Гидденс, М. Маффесоли, М. де Серто и др.) обосновывают идею необходимости переосмысления социального статуса науки и новой концепции познающего субъекта, возвращения языка науки „домой", в повседневную жизнь» [2, с. 3]. Здесь уже исследователь утрачивает привилегированную позицию абсолютного наблюдателя, как нами было отмечено ранее в рамках классического подхода, а выступает лишь как участник социальной жизни наравне с «другими». То есть исследователь начинает занимать совершенно иную позицию.

Но также «наряду с классическими методами изучения повседневности используются методы, основанные на приближении к нарративности повседневной жизни (case studies, биографический метод, анализ „профанных" текстов). В центре внимания таких исследований оказывается анализ самоочевидностей сознания, типичных, рутинных форм практики. Такая познавательная ситуация сталкивается с проблемой релятивизма, поскольку проблема истины замещается проблемой коммуникации людей и культур. Задача познания сводится к исторически обусловленному „культурному действию", цель которого – выработать новый способ „считывания мира"» [2, с. 3].

Таким образом, мы можем сказать, что понятие повседневности, безусловно, изучается различными науками и является предметом социально-гуманитарных исследований на протяжении долгого времени. Конечно, вопрос повседневности в изучение общества является одним из наиболее важных и незаменимых. В данный термин вкладываются такое содержания, как «естественное» функционирование общества, некая социальная реальность, а также причины, мотивация поведения людей. Как нами отмечалось ранее, с помощью исследования повседневности можно выявить социальную реальность и соотнести ее с имеющимся уже социальным знанием. Также важно отметить, что, поскольку повседневность является предметом социально-гуманитарных исследований, то существует, как нами указывалось выше, различные методы ее анализа. Так применяются наблюдение, case studies, биографический метод, анализ дневниковых записей и писем.

Список литературы

1. Новая философская энциклопедия // Институт философии Российской академии наук. Режим доступа: http://iph.ras.ru/elib/2346.html.

2. *Козлова Н. Н.* Повседневность. Современная западная философия : Словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТОН. Остожье, 1998. С. 318–319. Режим доступа: http://sociologist.nm.ru/articles/kozlova_02.htm.

Г. А. Ведерников,
департамент философии ИСПН УрФУ, 3-й курс

ПОЗИТИВНЫЙ СЕКСИЗМ

Бытие человека – это не бытие человека вообще, абстрактного субъекта, это всегда бытие в его половых и гендерных различиях. Отношения мужчины и женщины в истории человечества в основном складывались под влиянием мужского мироустройства, а именно патриархата, который с древних времен поставил мужчину и женщину на совершенно конкретные позиции. Ф. Энгельс считал, что смена матриархата патриархатом стала всемирно-историческим поражением женского пола, в результате которого женщина превратилась в рабыню мужских желаний,

стала занимать подчиненное положение по отношению к мужчине [4, с. 60–61]. Мужчина – сильный, ловкий, умелый добытчик племени, защищавший и заботящийся о женщине, становится в позицию «над». Женщина, осознавая свою физическую слабость и большую эмоциональность, становится в позицию «под» или скорее «за» мужчиной.

Виднейшие мыслители, политические деятели и ученые мужи придерживались данного общественного мнения и принимали его как неотъемлемую часть социального пространства, в котором они существуют.

«Мужчины должны смотреть на женщину как на предмет обладания, как на собственность, которую следует забирать» [5, с. 74].

«Жена да учится в безмолвии, со всякой покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление…» [Первое послание к Тимофею, 2, 11–14].

Но взгляды людей менялись, и в конце XIX – начале XX в., на волне расцвета движений борющихся за права различных ущемляемых групп общества, расцветает и феминистское движение, отстаивающее равноправие полов. Главным понятием, которым феминистки будут забрасывать своих оппонентов – сторонников дискриминации женщин, является понятие «сексизм».

«Сексизм – индивидуальные предвзятые установки и дискриминирующее поведение по отношению к представителям того или иного пола; институциональная практика (даже если она не мотивирована предрассудком), выражающаяся в том, что представителям того или иного пола навязывается подчиненное положение» [2, с. 24].

Феминистки и сторонники равенства полов, начиная с XX в. и вплоть до наших дней, яростно борются со всеми проявлениями сексизма: от так называемого «стеклянного потолка» в карьерной лестнице женщин, до феномена джентльменства, выражающегося в заранее учтивом обращении, вследствие природной слабости, к представительницам прекрасного пола.

Кроме откровенно негативного отношения к сексизму есть и другой. Например, с точки зрения политологии и теории власти,

сексизм является системообразующим понятием, имеющим и положительные качества.

«Сексизм – практика господства над женщинами. Поддерживается разными способами, имеющими важное значение для социализации ролей, присущих обоим полам, что делает такое господство приемлемым для общества» [6].

Такой взгляд на сексизм многие защитники прав женщин считают шовинистским, заявляя, что он является итогом законодательной деятельности государственных органов, во многих из которых доминируют мужчины.

Но если отвлечься от всех вышеизложенных мнений и взглянуть на сексизм с совершенно иной стороны, то возникает возможность появления понятия «позитивный сексизм».

«Позитивный сексизм» позитивен не относительно членов социума, а относительно того, как тот или иной индивид относится к самому понятию сексизма.

За время общечеловеческого развития, а точнее, с того момента, когда матриархат сменился патриархатом, мужчина как довлеющий субъект, как тот, кому подчинялись и кого видели своим лидером остальные члены общества, окружил мир вокруг себя продуктами рационалистичной деятельности. Стол, стул, ручка, окно – все это имеет свое назначение, практическую цель.

По мнению Е. П. Ильина, типичными характеристиками мужчин являются предприимчивость, независимость, агрессивность, а типично женскими – нежность, доброта, сострадание [3, с. 71–72]. В наше прагматичное время больше ценится то, что ты умеешь добиваться своей цели, идти дальше, невзирая на препятствия. Множество не только мужчин, но и женщин стараются выработать в себе эти качества для более успешного, с их точки зрения, существования. Получается, что женщина уже при рождении попадает в рамки маскулинности, в мир, где ее качества не ценятся и являются второстепенными.

Тогда сексизм, по нашему мнению, обусловлен самим патриархальным обществом, обществом мужчин, обществом логики, обществом, в котором мы живем. Пользуясь дверной ручкой, идя по тротуару, читая книгу, покупая продукты в магазине, женщина уже неосознанно помогает становлению сексизма, ведь сексизм

как основной принцип маскулинного общества заложен в межличностных отношениях, со времен архаики. Живя и взаимодействуя, женщина супротив своей истинной иррациональной сущности вынуждена наращивать и увеличивать общество мужчин, которое с ее помощью занимает позицию все выше и выше «над» ней.

Получается, что для продуктивной борьбы с сексизмом, для искоренения его как феномена мироустройства, необходимо менять весь социум в корне, отвергать весь тот опыт, что накоплен, ломать и выбрасывать. Либо принять сексизм как конституирующий элемент общества, как закономерные последствия принятой ранее парадигмы, как позитивное начало, борьба с которым не имеет смысла.

Список литературы

1. *Азаренко С. А.* Сообщество тела / С. А. Азаренко. М. : Академические проект, 2007.

2. *Берн Ш.* Гендерная психология / Ш. Берн. СПб. : Прайм-Еврознак, 2001.

3. *Ильин Е. П.* Пол и гендер / Е. П. Ильин. СПб. : Питер, 2010.

4. *Маркс К., Энгельс Ф.* 2-е изд. Т. 21. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961.

5. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше. СПб., 1907.

6. Политика. Толковый словарь. М. : «ИНФРА-М», Изд-во «Весь Мир» / Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем, и др. ; под. общ. ред. д. э. н. И. Осадчей. М. 2001.

Е. Д. Глотова,
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, 3-й курс

ПРАЗДНИК КАК ВИД СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Многие ученые отмечают тенденцию, связанную с уменьшением количества свободного времени, проводимого в кругу семьи, а также с ухудшением его качества. Этот факт вызван различными социальными, экономическими и политическими изменениями в обществе. Одним из таких выступает трансформация социальных установок в отношении семейного поведения, происходящая в рамках широкомасштабного процесса распространения ценно-

стей индивидуализма и повышения значимости личностной самореализации [1, с. 2]. Немаловажным изменением, повлиявшим на специфику проведения досуга, является активное развитие Интернет-сетей, онлайн игр, появление разнообразных ток-шоу и сериалов.

Необходимо понимать, что досуговая деятельность является важным элементом любой семьи, ее отсутствие может вызвать нарушение функционирования института семьи в целом. Среди видов досуговой деятельности значительное место занимают те, которые помогают членам семьи не только содержательно отдохнуть (физкультура, туристский поход или выезд на природу), развить свои способности и дарования (чтение, музыка, решение различных головоломок, коллекционирование), но и сформировать семейные традиции и обычаи, таким видом досуга выступает праздник. С понятием праздника связывается не просто свободное от работы время, не просто отдых, а свободное время как важный социально-культурный акт, созидающий общечеловеческие ценности.

В каждой семье складываются свои традиции, связанные с организацией праздников. Традиции сближают и ребенка, и взрослого с домом, делают семью единым, сплоченным коллективом. Это осуществляется благодаря совместной организации и проведению праздника в кругу семьи. В традициях находит свое выражение культура семьи: рыцарство мужчин и нежность женщин, уважение к старшим и любовь к младшим; чувство такта, неизменное даже в самые ожесточенные моменты спора или обсуждения; великодушие, душевная щедрость, снисходительность, уступчивость, то есть все то, без чего не может существовать семья [3, с. 56].

Основная направленность семейных праздников – напоминать о ценности семейного счастья, необходимости проявления уважения, терпения и солидарности по отношению ко всем членам семьи. Праздники, которые празднуются в семье, позволяют выразить любовь, благодарность самым близким и родным людям, укрепить отношения между разными поколениями и поспособствовать культурному и интеллектуальному развитию детей. Вместе с праздником в каждый дом входит история нашей Родины.

Специфика проведения праздника, например, организация различных игр, позволяет решить проблему соревновательности и конкуренции, показывает ребенку, как можно победить за счет своих собственных способностей, умений и навыков. В настоящее время появилась масса развлекательных центров, предоставляющих активный соревновательный отдых, и, таким образом, победа в игре, может компенсировать недостаток авторитета среди сверстников. Семейные праздники предлагают разнообразные возможности для умственного воспитания ребенка, развития всех его дарований посредством проведения викторин и познавательных игр.

В заключение следует отметить, что проблема проведения семейного досуга в современном обществе становится более острой, что может привести к большому количеству негативных последствий, как в кругу семьи, так и на уровне всего общества. Поэтому нужно обратить особое внимание на организацию праздников, на их роль и значение для семьи.

Список литературы

1. *Попова Д. О.* Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход в России: кто в авангарде? [Электронный ресурс] // Демоскоп: сетевой журнал-2010. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2010/0423/analit01.php (дата обращения: 04.11.2012).

2. *Мацковский М. С.* Современная семья и ее проблемы : учеб. пособ. / М. С. Мацковский, А. Г. Харчев. М. : Наука, 1978. 39 с.

3. *Добрынская Е. И.* Свободное время и развитие личности : учеб. пособ. /Е. И. Добрынская. СПб. : Питер, 1993. 56 с.

Д. Л. Данилов,
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, 4-й курс

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОМАНДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Одним из ключевых трендов развития науки и образования в условиях современного российского общества и межкультурных конструктивных диалогов является инновационное развитие вузов.

За последние два года на развитие инновационной инфраструктуры в российских университетах выделено около 5 млрд руб. [1], что позволило создать сеть малых предприятий, центров трансфера и технологий и т. д., которые призваны внедрять продукты интеллектуальной деятельности в производство и сферу услуг. Однако, надо отметить, что половина работников большинства вузов мало того, что остаются вне деятельности данных организационных структур, они даже мало что знают об их деятельности внутри вуза и на благо вуза.

В этом отношении целесообразно ввести понятия «инновационная деятельность» и «инновационный потенциал вуза».

Инновационная деятельность определяется нами как действие, которое в свою очередь складывается из научных, технологических, организационных и коммерческих действий, реально приводящих к осуществлению инноваций или задуманному с этой целью. Это процесс, направленный на практическую реализацию результатов научных исследований и разработок. Другими словами, это деятельность по созданию (разработке), производственному освоению и распространению (реализации) инноваций. В связи с этим осуществление (ведение) и развитие инновационной деятельности предполагает ее организацию, регулирование, поддержку, стимулирование, контроль. Для эффективного осуществления инновационной деятельности важно: наличие необходимых ресурсов (способность) и достаточность уровня развития этих самых ресурсов (готовность). Категории «готовность» и «способность» как раз и определяют потенциал преподавателей вуза в отношении инновационной деятельности.

Инновационный потенциал вуза – способность и готовность субъектов инновационной деятельности вуза осуществлять эту самую деятельность.

Применительно к вузу инновационный потенциал – это совокупность следующих компонентов: организационного, учебно-образовательного, научного и инновационной инфраструктуры, каждый из которых определяет инновационные возможности университета.

В ноябре 2012 г. нами было проведено социологическое исследование в Уральском федеральном университете [3], которое

показало, что в качестве ресурсов, необходимых для эффективного осуществления инновационной деятельности, 55,2 % опрошенных указали интеллектуальные ресурсы, 55,8 % опрошенных – материальные ресурсы, далее следуют финансовые ресурсы – 49,6 %, информационные – 43,2 %, профессиональные – 36,8 % [2].

Наиболее востребованными видами инновационной деятельности, по мнению респондентов, являются научные публикации в периодической печати и научных изданиях (58,2 %), выполнение фундаментальных и прикладных научных исследований (54,9 %) и разработка учебно-методических комплексов (43,4 %).

Так, по мнению опрошенных, фактором, способствующим инновационной активности, является желание постоянно повышать уровень своих знаний и компетенций (58 %), креативный характер мышления (53 %), личная материальная заинтересованность (46 %). Очень значимым является фактор «креативный характер мышления», поскольку инновационная деятельность предполагает разработку и внедрение новшеств в практическую деятельность, а реализовать это, не обладая креативным, нестандартным мышлением, практически невозможно.

Еще одним показателем является наличие качеств, определяющих инновационную активность преподавателей вуза. Так, по мнению респондентов, в достаточной степени преподаватели обладают качеством «потребность в самообразовании», и практически отсутствует у преподавателей такое качество, как «предприимчивость».

Вопросами внедрения инновационных разработок в вузе, по мнению респондентов, должны заниматься кафедры вуза (43 %), специальное подразделение вуза (36 %), специально созданные временные коллективы (36 %), сами сотрудники (22 %). Интерес представляет такой субъект внедрения инновационных разработок как «инноватор» – 12 %.

Инноватор в вузе – в соответствии с самой природой инновации – должен быть связующим звеном между научными исследованиями, проводимыми в вузе, и, по крайней мере, с местным бизнес-сообществом [1].

Несмотря на относительно высокий уровень участия преподавателей вуза в инновационной деятельности (70 %), в основном

инновационная активность сотрудников вуза сводится к научным публикациям. Во многом проблема обусловлена тем, что для реализации разных видов инновационной деятельности существуют барьеры, препятствующие активному применению инновационных технологий в вузе.

Основными барьерами инновационной деятельности в вузе выступают: большая учебная нагрузка (62 %), отсутствие (моральной, материальной) компенсации за инновационную деятельность (58 %), инертность большинства преподавателей (32 %), неразвитость инновационной инфраструктуры вуза (31 %).

Инновационная деятельность в вузе может быть реализована за счет использования разных форм организации этой деятельности (индивидуальной, командной).

Самым важным критерием, влияющим на эффективность командной деятельности сотрудников подразделения, является соизмеримая с обязанностями заработная плата.

Инновационный потенциал заключается также и в наиболее эффективных формах совместной деятельности. Так, по мнению 80 % преподавателей, именно командная форма работы является наиболее эффективной при реализации инновационной деятельности. Целесообразно утверждать, что для того чтобы более полно реализовать инновационный потенциал вуза, необходимо внедрять командные формы деятельности при реализации инновационных форм работы.

Распределение мнений преподавателей о приоритетных формах инновационной деятельности показывает, что подавляющее большинство преподавателей вуза имеют четкие представления в отношении тех форм инновационной деятельности, в реализации и осуществлении которых у них есть опыт: учебно-методические комплексы, публикации, проведение фундаментальных и прикладных научных исследований. Представления об иных формах инновационной деятельности, например, об «осуществление совместной работы по созданию инноваций с инновационными фирмами» (информированы только 6 % опрошенных) являются размытыми.

Инновационный потенциал командной деятельности преподавателей федерального университета как возможности осуществления инновационной деятельности в команде высокий, а реальный

опыт реализации и осуществления инновационной деятельности свидетельствует о том, что на данном этапе развития вуза индивидуальная и командная формы деятельности практически в равных пропорциях используются при осуществлении инновационной деятельности. Вероятно, низкий уровень внедрения командных принципов работы при осуществлении и реализации инновационной деятельности обусловлен низким уровнем удовлетворенности преподавателей заработной платой, поскольку самым важным и напрямую влияющим фактором эффективности командной деятельности сотрудников подразделения является критерий «соизмеримая с обязанностями заработная плата».

Таким образом, инновационный потенциал преподавателей вуза, главным образом, заключается в готовности и способности самих субъектов инновационной деятельности осуществлять эту самую деятельность. Повысить уровень той самой готовности и способности призваны именно командные формы деятельности, поскольку в условиях реорганизации вуза [4] и ограниченности временных ресурсов именно эти формы деятельности способны превратить организацию (федеральный университет) в одного из мировых лидеров образовательной и научной деятельности.

Список литературы

1. *Михайлов В. А.* Проблема измерения инновационного потенциала вуза [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.teoria-practica.ru/-4–2012/philosophy/mikhailov.pdf (дата обращения: 10.12.2012).

2. *Данилов Д. Л.* Аналитический отчет по результатам социологического исследования, посвященного изучению инновационного потенциала командной деятельности преподавателей федерального университета / Д. Л. Данилов // Департамент политологии и социологии, кафедра теории и истории социологии. Екатеринбург, 2012.

В выборку (целевая выборка) вошли 125 преподавателей УрФУ (преподаватели естественно-научных, гуманитарных, технических направлений подготовки).

3. Приказ Министерства образования и науки РФ о реоргани-

зации УрФУ путем присоединения УрГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://urfu.ru/home/documents/sozdanie-urfu (дата обращения: 20.02.2013).

4. *Подушкина И. М.* Мотивационно-ценностные условия обеспечения готовности преподавателя вуза к инновационным вызовам [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scientific-notes.ru/pdf/027–015.pdf (дата обращения: 24.01.2013).

5. *Владыка М. В.* Развитие и реализация инновационного потенциала вуза [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/2010/announcements/economich/27–09/VladykaMV.pdf (дата обращения: 20.01.2013).

Ю. Е. Замирская,
департамент философии ИСПН УрФУ, 4-й курс

ФЕНОМЕН ПОТРЕБЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

«Я потребитель» – на сегодняшний день данное словосочетание не лишено обличающего подтекста. Да, я не могу отказаться от привычки потребления, она захватывает каждого: в процессе социализации данный навык приобретается безусловно, подобно способности поддержать беседу.

Но есть ли потребление лишь объективация отношений купли-продажи, где индивид удовлетворяет свою потребность обладания некой материальной ценностью своего времени? Обратимся к собственному опыту, почему нас так вовлекает процесс приобретения и растраты, разве покупательская потребность являет собой только вредную привычку, закрепленную социальной памятью, потерявшей свое истинное значение на просторах ушедших в историю времен? Неужели человек настолько инертное и примитивное животное, не способное к анализу собственных поступков? Это не так хотя бы потому, что, взглянув на книжные полки нашего времени, мы можем увидеть огромное количество трудов посвященных данной проблеме.

Так, например, французский философ Бодрийяр в своей книге «Система вещей» дает следующее определение данному термину: «Следует с самого начала заявить, что потребление есть активный

модус отношения – не только к вещам, но и к коллективу и ко всему миру, – что в нем осуществляется систематическая деятельность и универсальный отклик на внешние воздействия, что на нем зиждется вся система нашей культуры» [1, с. 164].

В этой же книге он приводит ряд примеров, раскрывающих смысловую нагрузку феномена потребления. Один из этих примеров – популяризация подарков в обществе, символизирующих не только покупательскую способность дарящего, но и некоторую связь между объектом и субъектом дарения. Действительно, сегодня я наблюдаю тенденцию все нарастающей лихорадки дублирования календаря повседневности символическим календарем. Все больше памятных дат и событий выделяется, все настойчивее ожидание закрепления порождений разъевшегося симулякра объектами реального мира, захватывающими свою семиотическую значимость в жаждущем реализовать свои помыслы сознание потребителя.

Другой пример был взят из книги Ж. Перека «Вещи». Описывая интерьер добротно обставленного дома, нам предлагают увидеть не красоту и элегантность предметов, а их функциональность в роли знаков: «...не символизируя собой какое-либо человеческое отношение, все время пребывая вне его, в „отсылочности", они тем самым описывают неизбывную пустоту отношений, когда оба партнера взаимно не существуют друг для друга» [1, с. 168]. Вещи обозначают идею отношения, она в них «потребляется», и тем самым отменяется как реально переживаемое отношение. На мой взгляд, данный аспект феномена потребления опять же лежит на поверхности, жаль только не все его замечают. Если взглянуть на современную нам ситуацию, если выглянуть из окна трамвая, сразу же возникает вопрос: зачем в нашем городе такое количество торговых центров? В позапрошлом году Екатеринбург был признан самым «покупающим» городом России, расчет велся в количестве торговых точек на душу населения, а ведь за два прошедших года выстроили еще целый ряд торговых центров. Мне кажется, данная тенденция к разрастанию торговых сетей весьма печальна, если рассматривать ее с точки зрения, предложенной Бодрийаром. Почему предложение увеличивается? Потому что люди

охвачены жаждой потребления. Но откуда это стремление приобретать все больше и больше вещей? Из-за отсутствия внутренней наполненности, отсутствия реальной действительности желаемого переживания, мы создаем видимость некоторой заполненности при помощи вещей, заменяем отсутствующие звенья в цепи предметами, обозначающими идею этих звеньев.

Стоит отметить и принципиально различный характер возможных к потреблению объектов, помимо вещного пространства материального мира, мы так же находимся в информационном пространстве. Для меня крайне актуальна данная проблема, ведь если для человека и возможно вырваться из бесконечного круга приобретений материального характера, пусть для этого придется напрячь все силы, то преодолеть привычку воспринимать и осмысливать нападающую со всех сторон информацию невозможно, не выйдя за границы социальности. Здесь мы встречаемся с террористической деятельностью различных идеологий, личности навязывается тот или иной взгляд на мир путем предлагаемых репрезентаций прошедшего и настоящего. Наиболее деспотичны данные процедуры в школьном образовании, но, и покидая пределы школы, мы не выходим из пространства подвластного богам информации, конституирующим *правильную на сегодня версию знания.* Конфликт индивидуальной точки зрения и общепринятого конструкта я видела и в собственной школе и впоследствии на просторах мировой истории. Так отбившегося от стада инакомыслящего ученика весьма скоро возвращают в систему путем методичного проставления двоек в журнал. Наивное детское противостояние – простое решение проблемы. «Чуть» более радикальное решение повлекло за собой инакомыслие Джордано Бруно из далекого XVI в., но и тут система вернула себе слаженную целостность.

В заключение мне бы хотелось подчеркнуть принципиальную неспособность члена общества выйти за пределы данной практики потребления, так как она заложена в самом нашем сознании: жаждущем, воспринимающем, обращенном вовне, конструирующем и конституирующем действительность в ее удвоении. Мне кажется, крайне точно выражается характер потребления в следующих строчках Бодрийара: «Таким образом, потребление определяется

как систематическая тотально идеалистическая практика, которая далеко выходит за рамки отношений с вещами и межиндивидуальных отношений, распространяясь на все регистры истории, коммуникации и культуры» [1, с. 168].

Список литературы

1. *Бодрийар Ж.* Система вещей / Ж. Бодрийар. М., 1995.

А. В. Касаткин,
департамент философии ИСПН УрФУ, магистратура,
1-й год обучения

ПОТЕНЦИАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОВСЕДНЕВНОГО МЫШЛЕНИЯ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «РАЦИОНАЛЬНОСТЬ»

Вопросы о том, что такое рациональность, кого и что можно считать рациональным – это весьма актуальная проблема философии. В первую очередь это касается проблематики философии науки, так как научное знание и научный метод обладают рациональностью как своей характерной, субстанциальной чертой. Также рациональность действия важна для этической, политической и правовой философии. Однако попытки эксплицитно определить рациональность нельзя назвать очень успешными. Можно обратиться к анализу, предпринятому Х. Патнэмом в этом направлении [1]. Он показывает, что рациональность в западноевропейском мышлении стала синонимом научности. С XVII в. значимость науки как рационального знания, полученного рациональным методом, стала чрезвычайно высока. И в мышлении европейца сложилось представление о рациональном как о научном. То есть произошел переворот в этом отношении: «научно то, и только то, что рационально», а «рационально то и только то, что научно». В связи с этим характерными стали попытки определения рациональности через критерии научности. Это и неопозитивистская программа верификации, которая оставляла во множестве рациональных (осмысленных) высказываний только те, которые выводятся аналитически или верифицируются опытом. Это и примеры определения рационального через научный метод – попытки

построения индуктивной логики, применение которой влекло бы рациональные суждения. Здесь же можно упомянуть и критерий демаркации Поппера – научно (рационально) то, что фальсифицируемо. Однако все эти определения не удовлетворительны: при внимательном их рассмотрении обнаруживается, что они нуждаются в предварительном представлении о рациональном. Только основываясь на присущей нам заранее рациональности мы можем выбрать теорию, которую будем фальсифицировать; факт, который сможем включить в обобщающую опыт теорию; правильные критерии научности.

Сама Патнэм в итоге приходит к выводу, что рациональность – это, по сути, синоним релевантности, уместности. Рационально то, что уместно. Здесь мы и получаем тот мост, который соединяет рациональность с повседневным мышлением. Понятие релевантности активно исследовалось в работах А. Щюца, посвященных повседневному мышлению [2]. Релевантность предстает здесь как то, что позволяет систематизировать наше динамичное повседневное знание. Это процесс превращения неуместного в уместное, процесс рутинизации нового и необычного, позволяющий нам оперировать с ним, включать его в нашу картину мира. Процесс этот имеет три фазы: тематическая, интерпретативная и мотивационная релевантности. Сначала мы выносим предположения о чем-то новом (что это?); затем, на втором этапе, соотносим эту интерпретацию с имеющимися знаниями об этом объекте; после чего решаем вопрос, почему или зачем это могло оказаться здесь и сейчас. Если какая-то интерпретация успешно прошла все три этапа (не нашлось противоречий с имеющимися знаниями и нашлась правдоподобная мотивация), то новый объект рутинизирован, включен в нашу картину мира, стал понятным и привычным (а не новым, неожиданным, уникальным и т. д.). Релевантный (предмет, поступок) – значит понятный, согласующийся с повседневным мышлением, или лучше сказать – здравым смыслом.

Называть повседневное мышление «здравым смыслом» – это не наше нововведение [3]. И это показывает его родство с понятием рациональности – ведь это практически синоним здравомыслия. Итак, рациональность может быть описана как оповседневнивание – превращение в ясное и понятное с точки зрения здравого

смысла. Рациональное знание – знание, согласующееся с другими нашими знаниями; рациональное действие – действие понятной мотивации, согласующейся со здравым смыслом (нашим набором знаний и оценок). Научная рациональность, зачастую противопоставляемая обыденному мышлению, на наш взгляд, является лишь более усовершенствованной системой рутинизации: там более точны процедуры доказательства, более формализовано и точно изначальное знание. Но по сути это то же самое – объяснение новых фактов общей теорией, включение их в научную картину мира.

Обратим внимание, что для Щюца и других теоретиков повседневности здравый смысл, обыденное знание и рутинизация – термины скорее социологические, чем психологические. Здравый смысл не в голове индивида, но в обществе. Отсюда выводится еще одно свойство рациональности – она общая для всех (как минимум в рамках одного сообщества), она не индивидуальна. На индивидуальную рациональность, пожалуй, не согласился бы ни один теоретик. Здесь уместно будет вспомнить понятия фреймов восприятия [4] или индексных выражений [5] – идея в том, что члены общества во взаимодействии опираются на какие-то общие знания и представления, которые и составляют обыденное сознание, а следовательно, и рациональность. Однако стоит отметить, что, несмотря на культурный релятивизм и историческую изменчивость, мы не считаем рациональность принадлежностью определенной культуры. Более конкретные вещи – непосредственно способ объяснения, имеющиеся изначальные знания – подвержены изменению. Но рациональность как рутинизация, оповседневнивание – это более общее понятие, которое охватывает любое человеческое общество.

Список литературы

1. *Патнэм Х.* Разум, истина и история / Х. Патнэм. М. : Праксис, 2002.

2. *Щюц А.* Размышления о проблеме релевантности // А. Щюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004. С. 235–400.

3. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти. М. : Русское феноменологическое общество, 1996.

4. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. М. : Институт социологии РАН, 2003.

5. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. СПб. : Питер, 2007.

К. В. Кондакова,
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ,
магистратура, 1-й год обучения

СТУДЕНТ КАК РАБОЧАЯ СИЛА В ПОВСЕДНЕВНОСТИ РАБОТОДАТЕЛЯ

В рамках представленного материала предлагается анализ того, как феномен вторичной занятости студентов встроен в повседневность одного работодателя. Анализ построен на основе эмпирического материала полученного методом полуформализованного интервью. Информантом выступает работодатель-собственник среднего бизнеса. В интервью с этим информантом мы получили специфические данные, отличные от прочих и тем самым заслуживающие особого внимания, поскольку они выходят на более широкие проблемы, связанные с системой образования. В ходе интервью он рефлексирует, рассуждает над связкой образования и бизнеса, которая, несмотря на попытки ее создания, до сих пор отсутствует в России, в этом заключается ценность этого информанта. Как представитель малого и среднего предпринимательства, он декларирует о «непригодности» выпускников вузов для бизнеса в силу того, что учащиеся вузов не получают необходимые для бизнеса компетенции.

На момент участия в исследовании в данной компании работало два студента-очника, но, по словам информанта, это было исключением из правил, поскольку он сознательно не трудоустраивает студентов, работающие в компании студенты были приняты благодаря рекомендациям сотрудников фирмы:

«...если человек приходит на открытую вакансию, приходит, заявляет: „Я хочу работать у вас", то если он студент ээ... очник, то с ним даже разговаривать никто не будет! (...) То есть их взяли исключительно благодаря тому, что эти люди с хорошими рекомендациями изнутри компании» (Здесь и далее курсивом при-

водятся цитаты из интервью. Лексика информанта сохранена.)

По мнению опрашиваемого работодателя, студенты являются плохими работниками, и в большинстве случаев их трудоустройство не принесет ощутимой пользы бизнесу. В качестве характеристик студентов информант назвал следующее:

– не имеют опыта работы;

– отвлекаются на учебу во время работы;

– не умеют работать в команде;

– не обладают профессиональными знаниями, необходимыми в работе.

«Это так, не потому что они тупые, а потому что они неопытные, и они отвлекаются от работы, потому что он на работе вместо того, чтобы работать, нарушает трудовую дисциплину, думая, как ему курсовую по логистике защитить!»

Респондент утверждает, что в малом бизнесе работодателей не интересует образование кандидатов, важным является лишь опыт работы и профессиональные компетенции, которые формируются непосредственно на практике, так как высшее образование не дает людям актуальных для бизнеса знаний. В этом и заключается причина НЕ сотрудничества со студентами: они не имеют опыта работы и не имеют каких-либо профессиональных знаний, необходимых для работы, то есть они не в состоянии приносить пользу бизнесу:

«...у меня коммерческий директор – повар, но он хоть и повар, но зато у него есть знания по управлению рисками, управлению проектами, у него есть те специфические знания, по которым лекции ни в одном институте не читают».

Студентов и выпускников не рассматривают как профессионалов – этой проблеме информант уделяет особое внимание, описывая причины этого явления. Причины мы поделили на две группы:

– отношение студентов к процессу получения образования;

– проблемы системы образования в России.

Отношение студентов к образованию, которое ведет к депрофессионализации, заключается в следующем:

– неосознанность поступления в вуз. По мнению информанта, большинство абитуриентов приходят в вузы по настоянию родителей и не понимают для чего получают образование;

– нежелание получать знания, немотивированность студентов к обучению:

«...бросил преподавательскую деятельность, знаешь почему? Потому что студенты тупые, потому что они пришли на лекции, потому что их пригнали сюда на лекции... ээ... я отказался от этого, потому что мне надоело».

Проблемы российской системы образования:

– информант указывает на доступность высшего образования, вследствие чего происходит его массовизация:

«...вот если бы у нас высшее образование было платным, как в любой нормальной, цивилизованной стране, то у нас бы люди поступали не просто так, лишь бы поступить, они бы думали: куда им поступить, зачем им туда поступить, если бы это стоило очень больших денег, которые нужно было бы заплатить сейчас, либо кредиты были бы»;

– перекос спроса на высшее образование в сторону гуманитарных, социально-экономических специальностей:

«Идет перекос, все хотят быть юристами или менеджерами по специальности „менеджмент", при этом ни кто не хочет учиться на технических специальностях, причем очень важные, там инженеры-проектировщики...»;

– содержание высшего образования представляет собой теорию, оторванную от практики, неактуальность преподаваемых дисциплин для профессиональной деятельности:

«Потом, когда они (выпускники) *начинают работать, они понимают, что наше высшее образование не дает вообще ничего! Что это абсолютно голая теория, которая далека от практики».*

Итак, можно сделать вывод, что студенты, нуждающиеся в работе, не вписываются в структуру повседневности данного работодателя. В данном случае информант сконструировал объект «студенты», приписал ему конкретные свойства и отказался от сотрудничества с ним как с категорией потенциальных работников. Он не рассматривает их как будущих носителей профессии, и причины этого кроются в системе образования, которая в социальной реальности информанта абсолютна не эффективна и «вырождена».

О. А. Мелихова,
департамент психологии ИСПН УрФУ, 3-й курс

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Повседневность как отдельная область изучения в социологии утвердилась довольно поздно, в первой половине 1970-х гг., в основном в США и Западной Европе. Через несколько лет появились последователи и в странах Восточной Европы, прежде всего в Польше. Их главная теоретическая посылка была в том, чтобы занять такую позицию исследователя, когда его преимущества «обученого» специалиста были бы минимальны перед обычным обывателем, обладающим «здравым смыслом». Таким образом, было бы снято влияние стереотипов профессионального знания, закрывающих реальные смыслы, которые обычные люди вкладывают в свое поведение. Однако это направление (иногда его называли «этнометодологическим») было раскритиковано и в целом отвергнуто социологами [1, с. 55].

Повседневность не стала источником смыслов или объяснения актуальных значений для современных формальных институтов, а даже наоборот: во многих случаях обычное, повседневное существование оказывается непонятным без учета смыслового контекста функционирования формальных социальных институтов [2, с 385]. Иначе говоря, повседневность также зависит от институциональной системы разных обществ, как и нормы институционального поведения от повседневности.

При всей очевидности умозаключения, что постсоветская повседневность – это не то же самое, что повседневность британская, японская или израильская, это вывод мало кем делается, так как для того, чтобы его сделать, надо принять во внимание особенности институциональной системы, а это подрывает изначальные принципиальные посылки этнометодологии. Поэтому здесь различия в характере повседневности принимаются как некий само собой разумеющийся факт, не подлежащий специальному анализу. То есть не имеют значения обстоятельства повседневности, которые в разных странах и даже городах могут отличаться – где-то собственная вилла, где-то двухкомнатная квартира в хрущевке –

это не меняет принципиальной структуры «повседневности». Подобные методологические установки представляются весьма сомнительными [1, с. 56]. Они оборачиваются таким же догматизмом интерпретаций, что и абстрактность теорий академической социологии, которую так критиковали этнометодологи. Защищая «качественную» социологию повседневности, они теряют конститутивную для социологии позицию: рассмотрение социальных фактов любых уровней сложности и обобщенности как структур взаимодействия.

Таким образом, мы можем условно определить «повседневность» как рутинные действия людей, смысл которых задан таким множеством различных источников, что его возникновение лежит вне контроля и возможностей рефлексии (поэтому этот смысл и осознается как возникший из ниоткуда, «самоочевидный»). Но этот факт требует не отказа от накопленного понятийного аппарата теоретической социологии, а напротив, резкого расширения средств интерпретации, то есть усиленного внимания к проблематике социокультурной репродукции.

Список литературы

1. *Гудков Л.* Российская повседневность / Л. Гудков // Вестник общественного мнения. 2007. № 2 (88). Март-апрель.

2. *Левада Ю.* Игровые структуры в системах социального действия // Памяти Юрия Александровича Левады ; сост. Т. В. Левада. М., 2011. 475 с.

Д. К. Сатыбалдина,
департамент философии ИСПН УрФУ, 3-й курс

СТЕРЕОТИП КАК КОНСТАНТНАЯ ФОРМА КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Обсуждая вопрос конструирования социальной реальности, и в особенности ее повседневного облика, в первую очередь хочется остановить свою внимание на стереотипах. Мы будем рассматривать стереотипы как «формы, в которых действия и мысли людей сводятся к простейшим схемам и реакциям. Стереотипы закрепляют в людях элементарные связи поведенческих и мыслительных актов, сохраняют устойчивость этих связей в меняю-

щихся ситуациях. В широком смысле стереотипы – это формы, определяющие поведение не только отдельных людей, но и групп, субкультур, этносов, обществ. В этом плане стереотипы – элементы социальных связей, закрепляющие в психике людей определенные общественные формы и таким образом поддерживающие структурность социальных взаимодействий» [1, с. 861]. Таким образом, мы можем проследить, как стереотип вплетался в структуру повседневности в разное время.

В традиционном обществе стереотип был основой жизни и практически воплощал в себе существующие и постоянно воспроизводимые социальные нормы, ценности, традиции. Так Э. Кассирер указывает, что «даже самые примитивные формы социальной жизни обнаруживают наличие ясной и жестокой организации. Это справедливо даже относительно самых аристократических – тотемистических племен, которые нам известны <…> американских аборигенов и племен Северной и Центральной Австралии, которые были детально изучены Спенсером и Гилленом. В этих тотемистических сообществах мы не найдем сложной и разработанной мифологии, сравнимой с мифологией греков, индийцев или египтян, мы не обнаружим там веры в конкретных богов или в персонифицированные силы природы. Но эти общества спаяны иной, более мощной силой – силой ритуала, основанного на мифологической вере в животных-первопредков. Каждый член группы принадлежит здесь к тотемному клану, и, таким образом, он оказывается скованным цепью жестких традиций» [2, с. 579].

Впоследствии культура долгое время претендовала на уникальность, пыталась развиваться в рамках противоположности «традиция – новаторство». Это новаторство зачастую создавалось отчужденными от большей части социума творцами. Не отрицая наличия стереотипов в целом (абсолютная монархия эпохи классицизма, закрепление новых форм производства в индустриальную эпоху), заметим, что творчество XVI–XIX вв. не претендовало на утверждение стереотипных форм, чего нельзя сказать о XX в. с его поп-артом и тоталитарными системами.

В итоге в XX в. власть стереотипов практически сравнима с их властью в традиционном обществе. Важнейшим, на мой взгляд,

отличием является разнообразие и полисубъектность стереотипов в современности. Одновременно могут существовать абсолютно дихотомичные стереотипы, что невозможно представить в традиционном обществе. Также следует отметить их субъективно-конструктивный характер: в наши дни каждый человек не просто в состоянии сконструировать стереотип, он обладает достаточными средствами социальной коммуникации для того, чтобы стать актором. Массовая культура, политика, СМИ и Интернет неуклонно расширяет сферу действия стереотипов, что приводит к недостаточности поля повседневности. В наши дни стереотипы переходят в область праздничного, творческого, тем самым размывая их границу с повседневностью.

Список литературы

1. Современный философский словарь под общ. ред. док. филос. наук Кемерова В. Е., 1998 Лондон, Франкфурт-на-Майне – Париж, Люксембург – Москва – Минск. 1998. С. 859–860.

2. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Политология : хрестоматия / сост. проф. М. А. Василик, доц. М. С. Вершинин. М. : Гардарики, 2000. С. 577–586.

О. И. Соболева,
департамент философии ИСПН УрФУ, 4-й курс

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В последнее время мы можем наблюдать повышенный интерес исследователей к проблемному полю социальной реальности. Феномен повседневности является неотъемлемой частью этой сферы. Ведутся острые дискуссии и рассуждения, которые пока не могут предоставить наглядной результативности по данному вопросу. Казалось бы, понятие «повседневность» не может нести особой проблематичности в своей трактовке, однако с каждым новым исследованием мы убеждаемся в обратном.

Первым, кто обратил свое внимание на проблему «повседневности», был Э. Гуссерль. Его интересовало философское осмысление не только высоких абстракций, но и «сферы человеческой обы-

денности», называемую им «жизненным миром». Он обращается к категории «повседневность» в связи с кризисом, который проник в сферу рациональности и европейскую науку, захватив общество в целом. В работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» понятие жизненного мира рассматривается им как основа, которая должна стать фундаментальной для науки. Причины кризиса науки Гуссерль видит именно в ее утрате взаимосвязи с жизненной основой общества. Следовательно, нужно вновь обратить свое внимание на эти основы, поскольку без них наука не имеет никакой смысловой наполненности. В этой концепции повседневность выступает в роли наиболее приближенной, даже очевидной ситуации существования человеческого общества. Для Гуссерля она является критерием истинности, так как дается непосредственно. Как отмечает отечественный исследователь Б. В. Марков, «представляется разумным обращение к повседневным практикам жизни, в которых разнородное уживается вопреки теоретическим, моральным, политическим и т. п. дилеммам и оппозициям. Порядок истории и человеческих действий не определяется однозначно рациональными структурами, а реализуется в форме уклада повседневности, характеризующейся собственными масштабами и ритмами» [2, с. 244].

XX в. нес в себе символ расширения границ, что подразумевало многоплановое рассмотрение научных аспектов, не получивших особой гласности ранее. Повседневность была одним из таких аспектов, этим объясняется повышенное внимание к данной проблеме. К тому же идейное наследие Гуссерля приобрело немало последователей. В связи с этим проблема повседневности обретает всесторонний анализ не только в философских, но и в социологических и исторических трудах, получает глубокое и систематичное рассмотрение.

Австро-американский философ А. Шюц, вдохновленный идеями Э. Гуссерля, рассматривал категорию «повседневности» в рамках концепции «понимающей социологии». Повседневность он видит в качестве мира непосредственной человеческой жизнедеятельности: «Повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны ин-

терпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним. Однако эта совокупность значений – и в этом отличие царства культуры от царства природы – возникла и продолжает формироваться в человеческих действиях: наших собственных и других людей, современников и предшественников» [3, с. 132]. С помощью анализа «конечных областей значения», которые являются специфическими сферами человеческого опыта, он находит понятие когнитивного стиля, которое определяет эти области. Когнитивный стиль, как уникальный шифр, складывается из следующих элементов: специфического решения проблемы существования данных в опыте объектов и явлений, особой формы активности и социальности, особого переживания времени, специфической формы личной вовлеченности. Именно повседневность, согласно А. Шюцу, обеспечивает наиболее плотное сосуществование этих элементов, и, следовательно, является надежной базой для построения научных теорий. Таким образом, соглашаясь с Гуссерлем, Шюц призывает к пересмотру всей теоретической практики, принимая во внимание жизненный мир человека и его особенности. Важным будет также отметить роль типизации в теории повседневности А. Шюца. Он говорит о том, что повседневности свойственна стандартизированность поведения и его мотивов: «Конкретный реальный объект обнаруживает свои индивидуальные характеристики, выступающие тем не менее в форме типичности» [3, с. 129]. Избегание или уход от типов иногда расценивается как некий вызов повседневности, ибо типы по своей характеристике априорны.

Развитие феноменологической социологии обеспечило дальнейшую попытку нахождения верной интерпретации понятия повседневность. Наиболее яркий тому пример – работы социологов Т. Лукмана и П. Бергера. Они выявили взаимовлияние социальной реальности и индивидов: последние непрерывно формируют социальную реальность, одновременно испытывая ее непрерывное становление на себе. Следовательно, повседневность выступает в качестве основания для отношений между человеком и окружающим миром, что ведет к необходимости более глубокого и системного ее изучения. Т. Лукман и П. Бергер говорят об уже упо-

мянутом выше кризисе рациональности, указывая на то, что он присущ не только одной лишь науке, культуре, но и обществу в целом. Концепция повседневности, в их труде, предстает в тесной связи с проблемой самоидентификации: «Растет общее сознание релятивности миров, включая и свой собственный, который теперь осознается, скорее как один из миров, а не как Мир. Вследствие этого собственное институциональное поведение понимается как „роль", от которой можно отдалиться в своем сознании и которую можно „разыгрывать" под манипулятивным контролем» [1, с. 278].

Подводя итоги, можно сказать, что рассмотренные концепции логичным образом дополняют друг друга в рассмотрении проблемы повседневности. Они оказали влияние не только на философию и социологию, но и на культурно-историческое знание в целом. Несмотря на это, не стоит забывать, что подобные исследования лишь часть общей картины знания, и они подлежат совокупному рассмотрению.

Список литературы

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. М.,1995.

2. *Марков Б. В.* Философская антропология. Очерки истории и теории / Б. В. Марков. – СПб, 1997.

3. *Шюц А.* Структура повседневного мышления /А. Шюц // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

Д. В. Сурков,
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ,
магистратура, 1-й год обучения

СОЦИОЛОГ И ОБЩЕСТВО – «ЛИЦОМ К ЛИЦУ»: ДОВЕРИЕ К РЕЗУЛЬТАТАМ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Скажите, вы можете представить современного успешного и развивающегося человека, который бы не следил за новостями? Человека, который не смотрит телевизионные аналитические передачи и сводки новостей, не слушает информацию о котировках валют или различных политических изменениях? Нам кажется, что

не смогли бы, ведь информация в современном мире, а точнее владение ею, является главнейшим конкурентным преимуществом. Помимо того что человек получает возможность максимально рационализировать свои действия за счет знания происходящих процессов и изменений, получение такой информации развивает навыки аналитического и критического мышления, способность фильтровать информационные потоки и формулировать личностную позицию в рамках определенной проблемы. Можно сказать, что современное медиапространство не только выполняет информационную функцию, но и развивает личностные качества и способности человека. Несомненно, данный процесс связан как раз с развитием масс-медиа. Однако данные изменения повлекли за собой множество проблем, одной из которых является проблема фильтрации информационных потоков и достоверности тех или иных информационных посланий.

Если проанализировать современные телевизионные аналитические передачи, практически в каждой из них мы сможем увидеть представителей научного сообщества. Социологи, политологи, психологии и представители многих других дисциплин регулярно делятся результатами исследований, высказывают свои точки зрения в рамках тех или иных проблем, строят прогнозы и дают рекомендации. В печатных изданиях постоянно публикуются результаты всевозможных опросов и статистика по различным показателям. Одним словом, мы можем утверждать, что современная наука все больше и больше взаимодействует с масс-медиа. Данная тенденция, безусловно, несет за собой положительное влияние на жизнь общества. Люди получают возможность узнать экспертное мнение и на его основании вносить корректировки в свою жизненную стратегию. Но, помимо положительного влияния, данные преобразования влекут за собой ряд проблем. На наш взгляд, главной сложностью является проблема отбора информации, преподносимой для широкой публики. Представим, что на популярную телевизионную передачу приходит представитель научного сообщества, не обладающий необходимым уровнем компетенций для рассмотрения определенной проблемы. В ходе эфира ученый делится своими размышлениями, строит прогнозы и представля-

ет результаты исследований, которые не соответствуют заданной проблематике или же не отображают специфику проблемы. Зрители начинают сомневаться в словах ученых, и вследствие этого задаются вопросом легитимности научного знания как такового. Возникающая проблема в рамках данного взаимодействия куда более серьезная, чем потеря авторитета определенного ученого, ведь в публичном пространстве ученый позиционирует себя не как отдельная личность, а как представитель научного сообщества.

Проблема доверия к науке и ее представителям не обошла стороной социологию. Анализируя архивы СМИ, мы можем обнаружить многочисленные материалы и видео репортажи, в которых социологов обвиняют в фальсификации исследований и манипуляцией общественным мнением. Довольно часто мы можем наблюдать обвинения в адрес социологов базирующихся на предположении о том, что публикуемые ими результаты исследования являются заказами определенных заинтересованных лиц и не достоверны: «Социологи сказали: „Надо!“. Фальсификаторы ответили „Есть!“» [1]. Несомненно, усиление частоты данных публикаций возникает в период проведения глобальных общественных процессов, таких как выборы президента. Это напрямую связанно с тем, что в ходе выборов кандидаты активно используют результаты опросов общественно мнения и презентуют их общественности в качестве подтверждения тех или иных прогнозов на результаты выборов. Нарекания получают как представители научного исследовательского сообщества, так и работники Центрального избирательного комитета: «Накануне мартовских региональных выборов 2010 г. ФОМ опубликовал результаты опросов, согласно которым „Единая Россия“ должна одержать оглушительную победу. Избиркомы с поставленной социологами задачей успешно справились!» [2]. Зачастую оглашаемые кандидатами данные могут являться сфальсифицированными в связи с тем, что представление результатов общественного мнения влияет на формирование предпочтения избирателем того или иного кандидата и используются с целью привлечения электората. В случае обнаружения фальсификаций тень недоверия падает не только на определенного кандидата, но и на социологов, проводивших исследование. И здесь основной слож-

ностью является то, что результаты проведенного исследования редко позиционируются как деятельность определенного круга лица, а чаще как результат деятельности всего научного сообщества. В большинстве случаев кандидаты используют выражения «Нами было проведено исследование общественного мнения», а исследования общественного мнения входит в деятельностные компетенции социологов, и в случае недостоверности представленных результатов или же установления фальсификации, негативное отношение распространяется на все социологическое научное сообщество. В свою очередь, социологи оппонируют сложностью исследовательской процедуры и возможной лживостью самих ответов респондентов: «Неясно, насколько соответствуют данные, полученные от респондентов, реальному процессу волеизъявления» [3]. Исследования других социальных процессов в меньшей степени подвержены фальсификации и последующей критике, поскольку представляют меньшую значимость и в меньшей степени оглашаются в медиапространстве, но и среди них есть те, которые бросают тень на деятельность научного сообщества.

Развитие медиапространства позволило создать уникальную систему взаимодействия между научным сообществом и обществом в целом. Смело можно сказать, что в определенной степени наука стала ближе к людям. Данный процесс, несомненно, крайне значим для общества в целом, но и одновременно с этим имеет ряд проблем, которые требуют скорейшего решения. С нашей точки зрения, на данный момент мы стоим на грани между доверием общества к науке и деятельностью исследователей и недоверием, порожденным недостоверными, ангажированными и сфабрикованными данными.

Список литературы

1. *Орешкин Д. Б.* Социологи сказали: «Надо!». Фальсификаторы ответили «Есть!» URL: http://www.izbrannoe.ru/27293.html.

2. *Каменщик А.* Социолог тоже хочет есть // Газета «К барьеру». URL: (http://www.kbarieru.info/201013/?13_3_1.

3. *Захаров М.* Наука против фальсификаторов. 19 марта 2012. URL: http://www.polit.ru/article/2012/03/19/nauka_vs_fals/.

С. А. Таюрская,
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, 4-й курс

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК СИТУАЦИЯ «ЛИЦОМ К ЛИЦУ»: МОТИВАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ ЛЮДЕЙ В ПОВСЕДНЕВНЫХ СИТУАЦИЯХ

Мы часто слышим понятие «повседневность». Сегодня оно достаточно прочно вошло в нашу жизнь. Для многих это то, что нас окружает, это обыденность, ожидаемая и предсказуемая. Мир повседневности как область с собственными правилами игры всегда вызывал особый интерес у философов, историков и социологов. Однако в качестве предмета анализа она стала изучаться сравнительно недавно. Статус философской категории повседневность обретает в трудах представителей феноменологии, прежде всего в работах Э. Гуссерля и А. Шюца.

Если говорить о значении данной категории, то ни в зарубежной, ни в отечественной философии не выработано четкого определения «повседневности». У каждого ученого свое понимание данного понятия, его характеристик и структуры. Так, в энциклопедии «Культурология XX век» повседневная жизнь – процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий. Социальные взаимодействия в контексте повседневности зиждутся на предпосылке единообразия восприятия ситуаций взаимодействия всеми его участниками [2].

А. Шюц определял повседневность как сферу человеческого опыта, характеризующуюся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающую на основе трудовой деятельности, обладающую рядом характеристик, среди которых – уверенность в объективности и самоочевидности мира и социальных взаимодействий. Главной ее чертой было бодрствующее внимание [1].

Примечательно, что основное условие существования повседневной реальности, по П. Бергеру и Т. Лукману, – это взаимодействие людей, а ее прототип – ситуация восприятия другого «лицом к лицу». Все другие случаи – отклонения от нее.

Итак, А. Шюц пишет по этому поводу следующее: «Я переживаю своего спутника непосредственно, если и когда он разделя-

ет со мной общий сектор времени и пространства. Общий сектор времени подразумевает одновременность наших потоков сознания: мой спутник и я растем (стареем) вместе. Общий сектор пространства подразумевает, что мой спутник является мне в качестве самого себя, а не кого-то другого. <…> Эти непосредственности, временная и пространственная, являются существенными характеристиками ситуации лицом-к-лицу» [3]. Автор подчеркивает, что ситуация восприятия другого «лицом к лицу» констатируется за счет ты-ориентации, когда для осознания такой ситуации необходимо направить внимание на своего спутника, находящегося перед тобой. Если ты-ориентация взаимная, то оба индивида ориентированы друг на друга. Это есть мы-отношение.

Итак, в ситуации лицом-к-лицу индивид переживает своего спутника непосредственно. Но когда он встречается с ним, он привносит в каждую конкретную ситуацию сеть типизации человеческих индивидов вообще, типических человеческих мотиваций, целей и образцов действия. В текущих переживаниях мы-отношения он проверяет и пересматривает прежнее знание о партнере и накапливает новое знание о нем. Другими словами, ситуация лицом-к-лицу позволяет индивиду наблюдать замыслы партнера и их осуществление или крушение в ходе его действий. Вне текущего мы-отношения индивид может просчитать объективные шансы на успех тех целей, которые сформулировал партнер. Но только в мы-отношении он может непосредственно видеть результат планов партнера, наблюдая ход его действий.

Авторы трактата по социологии знания П. Бергер и Т. Лукман пишут о том, что во взаимодействии лицом-к-лицу «партнер доступен мне таким, „каков он есть“. С другой стороны, то, „каков я есть“, не столь понятно» [4]. То есть знание самого себя требует рефлексии. Такая рефлексия относительно себя самого обычно бывает вызвана тем или иным отношением к индивиду другого человека. Она, как правило, является «зеркальной» реакцией на отношение к нему другого. Другими словами, данный тип взаимодействия дает возможность понять себя через восприятие тебя другим.

Восприятие другого в ситуации лицом-к-лицу достигается за счет схем типизации, несмотря на то, что в таких ситуациях слож-

но применять жесткие образцы. На языке таких схем возможно понимание других и общение с ними. Для описания степени близости взаимодействия людей ученые также вводят понятие анонимности. «Социальную реальность повседневной жизни можно понять в континууме типизаций, анонимность которых возрастает по мере их удаления от „здесь-и-сейчас" ситуации лицом-к-лицу. На одном полюсе континуума находятся те другие, с которыми я часто и интенсивно взаимодействую в ситуациях лицом-к-лицу. Это, так сказать, „мой круг". На другом полюсе – крайне анонимные абстракции, которые по самой своей природе никогда не могут стать доступными взаимодействию лицом-к-лицу» [4]. То есть в повседневной жизни у каждого человека есть свой круг общения, с которым он наиболее часто вступает во взаимодействие, в частности лицом-к-лицу. В таких ситуациях индивид наиболее мотивирован к общению, чем в случае анонимного абстрактного другого.

Таким образом, в повседневных ситуациях во взаимодействиях лицом-к-лицу индивиды могут преследовать разные цели, что определяет их мотивацию. Взаимодействие в ситуации лицом-к-лицу позволяет получить новое знание об индивиде, пронаблюдать ход его действий и оценить результаты его планов. Кроме того, в данном взаимодействии можно понять самого себя, опираясь на восприятие другого.

Для общения лицом-к-лицу индивид всегда тяготеет к ближайшему окружению (семье, друзьям, коллегам), воспринимая партнеров как тип в типичной ситуации. Все это и формирует повседневность, обеспечивая стабильность в обществе и трансляцию социокультурного опыта.

Список литературы

1. *Борсяков Ю. И.* Феноменология повседневности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: vspu.ac.ru/download/povsednevnost/2011/Borsjakov.doc (дата обращения: 27.04.2013).

2. *Мойсеева Т. Б.*. Повседневность: философского-антропологический аспект – 2008 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hses-online.ru/2008/02/09_00_13/05.pdf (дата обращения: 27.04.2013).

3. *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира. Очер-

ки по феноменологической социологии. М. : Институт Фонда «Общественное мнение»-2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5584/5589 (дата обращения: 27.04.2013).

4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания // Основы знания повседневной жизни. Социальное взаимодействие в повседневной жизни. М. : «Медиум», 1995. С. 23. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4783/4786 (дата обращения: 27.04.2013).

А. А. Шалякина,
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, 4-й курс

ОНИОМАНИЯ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Обратимся к одной из современных проблем повседневной жизни – проблеме девиантного поведения. В последние годы она получила широкое распространение в России. Активно развиваются новые формы девиаций, одной из которых является ониомания.

Ониомания – навязчивое влечение делать покупки, не сообразуясь с необходимостью и последствиями, в неимоверных количествах [1]. По мнению психологов, ониомания – это заболевание не менее серьезное, чем алкоголизм, наркомания и другие порочные зависимости. Характерно, что «навязчивой магазинной зависимостью» страдает более 20 % жителей развитых стран, и с каждым годом эта цифра увеличивается [2].

В современной научной литературе принято использовать не только понятие ониомании, но и понятия шопоголизм, шопомания, магазинная зависимость, определяемые как непреодолимое желание покупать. В нашей работе мы будем рассматривать все эти понятия как тождественные.

У обычного человека чаще всего покупки обусловлены необходимостью тех вещей, которые они приобретают, а шопоголик не обращает внимание на функциональность и необходимость купленного. Процесс шопинга для него становится важнее результата и приобретает отдельный самостоятельный смысл.

Ониомания – это проблема современного общества потребления, в котором огромное количество торговых центров, интернет-

магазинов и бутиков с привлекательной рекламой и ежедневными специальными предложениями. Даже не предрасположенный к зависимостям человек может поддаться соблазну. Помимо этого, часто к необдуманным покупкам могут подтолкнуть кредитные карты, которые сейчас пользуются огромной популярностью. Особенно активизируется желание покупать в стрессовой ситуации – хочется успокоиться, сделать себе приятно, и покупка ненужной вещи является мнимой панацеей. Вышеперечисленные факторы объединяются между собой и создают прекрасную почву для появления «магазинной зависимости». Необдуманные траты и импульсивные покупки приводят к тяжелым последствиям, таким как формирование долгов, семейные конфликты, совершение преступлений с целью решить финансовые проблемы.

Среди симптомов ониомании выделяются: навязчивое желание совершить как можно больше покупок, плохое настроение и агрессивный настрой, в случае невозможности купить желаемую вещь, ощущение временного прилива сил от новых приобретений. Ониомании могут быть подвержены как мужчины, так и женщины, но для женщин это явление более типично из-за их высокой эмоциональности.

Для выявления основных установок и предпочтений женщин-шопоголиков мы провели исследование в городе Екатеринбурге. Объектом выступили женщины от 18 до 50 лет, совершающие покупки в непродовольственных магазинах с частотой не менее одного раза в неделю (в том числе и в интернет-магазинах). Всего опрошено 100 человек методом стандартизированного интервью. Кроме этого, в дополнение к основному методу мы провели анализ сообщений на форуме одного из популярных екатеринбургских сайтов для женщин, темой обсуждения, которого так же является шопоголизм.

Мы пытались выявить, как ближайшее окружение опрошенных женщин относится к тому, что они достаточно часто посещают магазины и совершают покупки. Чуть меньше половины опрошенных (40 %) отметило, что их близкие демонстрируют нейтральное отношение к их покупательской деятельности. 38 % говорят о том, что близкие люди относятся к их увлечению положительно, и даже готовы составить им компанию. Соответственно, большинство

опрошенных женщин (88 %) отметило, что их частые покупки не являются причиной для конфликта с близкими. Вероятнее всего, потому что сумма, которую тратят опрошенные женщины каждый месяц, в среднем не превышает 4 000 рублей.

Если говорить о товарах, приобретаемых женщинами, то предпочтение отдается одежде и обуви (56 %). Косметика, парфюмерия и товары для дома выбирают в равной степени 22 % опрошенных женщин. Среди основных причин, по которым респонденты покупают те или иные товары выступают необходимость приобретения той или иной вещи и выгодные предложения, от которых нельзя было отказаться.

Чаще всего покупки совершают женщины со средним уровнем образования, состоящие в браке, не имеющие детей. Женщины, которые состоят в браке, могут пользоваться доходом мужа и имеют больше возможностей для совершения покупок. Отсутствие детей предполагает наличие достаточного количества свободного времени для совершения покупок. В свою очередь, женщины, которые имеют детей, часто приобретают товары в интернет-магазинах по причине отсутствия свободного времени, которое можно потратить на посещение торговых центров или бутиков.

Вместе с тем анализ сообщений на форуме убедительно демонстрирует, что проблема ониомании становится все более актуальной [3]. Участники форумов отмечают негативное отношение со стороны ближайшего окружения: «*Муж ... все время ворчит и говорит, что меня надо лечить от шопоголизма*», «*... супруг „промыл" мозги: „Или я, или магазины"*», «*Муж вообще каждый раз ... грозит разводом ...*».

В целом мы считаем, что при дальнейшем активном развитии сферы потребления проблема ониомании будет приобретать все большую актуальность, поэтому уже сейчас необходимы какие-то шаги в данном направлении для того, чтобы снять негативные последствия заявленной проблемы.

Список литературы

1. *Кукк В. В.* Ониомания: страсть покупать [Электронный ресурс] // Growth: Growth — Growth

2. *Чаусовский Г. А.* Психология нейтрализации «навязчивой магазинной зависимости» (ониомании, шопингомании). [Электронный ресурс] // «ПСИ-ФАКТОР» информационный ресурсный центр по научной и практической психологии. Режим доступа: http://psyfactor.org/lib/psychotron48.htm (дата обращения: 14.03.2013).

3. Все о беременности и воспитании ребенка в Екатеринбурге. Сайт уральских родителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.u-mama.ru/forum/messages.php?id=10390507&page=1 (дата обращения: 14 марта 2013 года).

Т. С. Швецова,
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, 3-й курс

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В СЕМЕЙНОЙ СФЕРЕ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Семья как социальное явление исследуется в рамках социологии семьи с различных точек зрения: как социальный институт в рамках структурно-функционального подхода, как малая группа с точки зрения психологических теорий, с позиций личностно-ориентированных подходов – как особая сфера жизнедеятельности индивида. При всем этом мир семейной повседневности в рамках этих подходов не рассматривается как самоценный объект исследования. В связи с этим мы хотим обратиться к феноменологическому подходу для изучения специфики современной семьи.

Феноменология как отрасль философского знания была представлена Э. Гуссерлем, и свое развитие эта теория получила во многих науках – в этике, в психологии и психиатрии, в праве, в философии религии и т. д. Особое значение в контексте данной работы имеет развитие феноменологии в социологии и творчество основоположника этого подхода – А. Шюца.

Прежде всего, необходимо обозначить, что предмет феноменологической социологии – повседневная реальность и жизненный мир индивида. В своих работах А. Щюц подчеркивает, что человек живет одновременно в нескольких мирах – в мире повседневности, творчества, болезни и т. д. (некоторые из которых являются

конечными смысловыми сферами, куда можно уйти лишь ненадолго). Повседневность он приравнивает к интерсубъективному миру естественных установок – это мир, где каждый индивид обладает сходным с другим интерпретацией этого мира.

Каждый из нас рождается и социализируется в семье. Даже те, кто провел детство в детских домах, могли ощутить распределение ролей в этом заведении: директор – отец, воспитательница – мать, а воспитанники – сыновья и дочери. По своей сути, мир семьи является одним из миров повседневности. Человек рождается в семье, принимает законы, правила и традиции этой семьи безоговорочно и даже интуитивно. Также и индивид в концепции феноменологической социологии, попадая в мир повседневности, полностью принимает все правила игры, не осознавая их и без возможности рефлексии. В связи с этим А. Щюц пишет, что «каждый член, рожденный или воспитанный в группе, принимает заранее готовую стандартизированную схему культурного образца, вручаемую ему предками, учителями и авторитетами, как не подвергаемое и не подлежащее сомнению руководство для всех ситуаций, обычно возникающих в социальном мире» [1, с. 192]. Так же семья имеет свой набор обязательных символов – различных элементов этой повседневности, без которых семья не будет определенной первичной «Мы-группой». В рамках данного подхода семью можно определить как разновидность «домашней группы», где человек принимает первичную социализацию, где он учится конструировать мир своего окружения по примеру этой группы.

Результаты проведенного нами в апреле 2013 г. пилотажного исследования [2] позволяют проследить продолжающееся развитие «классических» тенденции в сфере брачно-семейных отношений, характерных именно для российского общества. Средний возраст вступления в брак в России остается достаточно ранним – 20–21 год. При этом тенденция, связанная с тем, что женщины выбирают в мужья чуть старших по возрасту партнеров, также сохраняется, несмотря на изменение тех внешних условий, которые были описаны выше.

В русле феноменологической социологии можно также обрисовать и другие важные аспекты изучения семейной повседневности. Например, брак можно определить как повторяющиеся соци-

альные отношения ближайшего окружения, отличающиеся особой близостью переживаний. Брак – ситуация, в которой люди будут действовать в соответствии с общей структурой типизации релевантностей в мире семьи с учетом данной социокультурной среды. Также можно говорить о том, что в феноменолоническом подходе брак означает преодоление каждым из будущих супругов роли «чужака» в семье своего избранника, а это быстрее можно сделать, если партнеры сами хорошо знают друг друга. В этом случае нам как социологам интересны места знакомств будущей пары.

Женщина будет больше доверять тем потенциальным мужьям, с которыми она познакомилась в одном коллективе, чем тем, с которыми познакомилась случайно (так как существует референтная группа, где можно навести справки о будущем супруге). Проведенное исследование также показывает сохранение этой тенденции. 56,7 % опрошенных познакомились с будущим супругом именно в таких референтных группах – на работе/учебе или у друзей/приятелей. Около 40 % опрошенных знакомились случайно: «на отдыхе», «в Интернете», «случайно, на улице», «в клубе» и так далее.

Рассматривая общепринятое определение семьи как триединство супружество-родительство-родство [3, с. 182], мы видим важные элементы семейной структуры, которые также можно подвергнуть анализу в русле феноменологического подхода. Супружество мы определим как неотделимую часть брачной жизни, как особые отношения понимания и схожих интерпретаций двух индивидов, сопровождающиеся в отдельной культуре разными символами (например, свадьба, обручальные кольца, совместное проживание). Хотелось бы отметить, что данный подход улавливает все изменения семьи и общества в целом. Если приверженцы структурно-функционального подхода не воспринимают «гражданский брак», или другими словами, сожительство, как полноценную семью, то феноменология, учитывая именно символику таких отношений (совместное решение проблем, общий бюджет, общие дети, властная и ролевая структура, эмоциональные аспекты, сексуальные отношения), может признать состоятельность и важность такой семьи. Изменение общественного сознания в современном мире влечет за собой придание новых смыслов существующим явлениям в брачно-семейных отношениях – сожительству, одно-

полым союзам, «клубу друзей», – которые вновь актуализировались в обществе. Как нельзя актуально в этой связи заметить, что, по материалам книги «Молодежь России: социологический портрет», «к добрачным связям 91,7 % молодые женщины (девушки) в возрасте 17–30 лет относятся толерантно: в том числе 22,7 % – положительно, „так как это позволит избегать сексуальной несовместимости с супругом в будущем“, 69 % в добрачных связях „ничего плохого не видят“» [4, с. 570]. Проведенное исследование поддерживает эту тенденцию: 83,3 % опрошенных проживали в гражданском браке до заключения официальных отношений. Эта тенденция указывает на то, что важный критерий для женщины в современном мире – сексуальная и бытовая совместимость партнеров. А совместное проживание до брака видится как один из эффективных способов проверки, и поэтому уже не является чем-то аморальным и не осуждается обществом.

Родительство мы определим как особые отношения в «домашней группе», которые связывают супружескую пару и их ребенка, характеризующиеся направлением на социализацию последнего и успешное создание им впоследствии своей группы. Именно этот опыт и понимание этого опыта влияет на взаимодействие индивида с обществом. Отношения родительства могут проникать и в те сферы, которые должны быть закрыты для этого: бизнес, наука, медицина, образование и т. д.

Родство в формате феноменологического подхода мы рассматриваем как особые отношения в «домашней» группе, связывающие всю эту группу, характеризующиеся символикой семьи (клана). Отношения родства также влияют на все взаимодействия индивида с миром. Очень часто мы подсознательно переносим семейное взаимодействие (отношения «дети-родители», «братья-сестры») на иные агенты нашей жизни: с почтением относимся к старшим коллегам, если приучены уважать родителей, стремимся помочь тем, кто с нами одного возраста, транслируя на них опыт братских и сестринских отношений.

В заключение можно отметить, что феноменологический подход является основным для изучения повседневности, в том числе и семейных отношений, и мы надеемся, что данный подход будет развиваться в социологии семьи в частности.

Список литературы

1. *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой ; науч. ред. перевода Г. С. Батыгин. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

2. Пилотажное исследование проходило в апреле 2013 г., методом личного интервью были опрошены замужние женщины в возрасте от 20 до 25 лет, на момент исследования состоящие в браке от 1 года до 4 лет.

3. *Антонов А. И.* Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов) / А. И. Антонов : учеб. пособ. для вузов. М. : Издательский Дом «Nota Bene», 1998. 360 с.

4. *Горшков М. К.* Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. М. : ЦСПиМ, 2010. 592 с.

М. П. Ширяева,
департамент философии ИСПН УрФУ, 4-й курс

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В РАМКАХ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЦЕННОСТНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Понимание человеком себя самого как личности, осознание своего места в обществе, определение собственных особенностей и отличий от других является целью самоидентификации. Поиск идентичности человека – одна из самых актуальных философских проблем, поскольку от того, каким образом человек себя идентифицирует, к каким социальным, национальным, религиозным, языковым, расовым группам он себя причисляет, зависит его поведение, мышление и образ жизни. В современной философии мыслители рассуждают о кризисе идентичности и проблемах самоопределения, которые связаны с проблемами цивилизованного общества.

З. Бауман в работе «Индивидуализированное общество» утверждает, что «идентичность становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни» [1, с. 176], например, один из наиболее обсуждаемых вопросов в области юриспруденции и политики – про-

блема прав человека, то есть прав на собственную идентичность. Человеческая природа, лишенная прежней религиозной основы, большей не рассматривается как данность, она является проблемой выбора. Представления об идентичности трансформировались в ходе исторического развития. В Средневековье господствовало представление о предопределении, социальные роли зависели от происхождения, а не от выбора и были твердо закреплены, поэтому самоидентификация не представляла собой проблемы в современном смысле. В эпоху Возрождения на взлете волюнтаризма человек освободился от предопределенности социальной роли, поэтому человеческая идентичность преобразовалась из данности в задачу. Сословная принадлежность сменилась классовой, принадлежность к которой требует от индивида определенных усилий. Но принадлежность к классу после ее достижения также была прочной, поэтому могла служить конкретной целью. В современном мире принадлежность к классу не может быть целью, поскольку социальные позиции, которых можно достичь не являются чем-то надежным, они быстро трансформируются. Положение индивидов в обществе постоянно меняется, человек беспрестанно переходит из одного социального статуса в другой. Состояние неопределенности и передвижения становится стационарным, из-за чего и происходит кризис идентичности. Чтобы не упустить новые возможности человеку необходимо быть как можно более мобильным и для этого находиться в таком состоянии, в котором как можно больше возможностей выбора являются открытыми. Из-за этого человек не стремится надежно укорениться на каком-то одном месте, в конкретной социальной роли, профессии, не держится за принадлежность к группе – он постоянно в пути и постоянно готов к новому старту. З. Бауман пишет о недостатках такого кризиса идентичности: о потере целостности и преемственности. Единение людей исчезает, поскольку в этом бесконечном движении каждый человек решает свои проблемы индивидуально, каждый отстраняется от остальных. Преемственность же исчезает из-за зыбкости всех возможных положений в социуме из-за того, что нет четкой самоидентификации, а следовательно, и убеждений и принципов, которые индивид мог бы передать потомкам.

С этой точки зрения человек обречен на вечную дорогу без пристанища, в которой нет четких ориентиров, и не на что опереться в поиске ответа на вопрос «кто я?». Но ведь личность человека определяется не только и не столько его социальной ролью, сколько его неповторимыми качествами, которые частью заложены генетически, но в большей степени его идентичность складывается под влиянием узкого круга людей, которые становятся «значимыми другими». В первую очередь человек осознает себя не как часть общности, а как отдельную сущность. Первая ступень идентификации – это «чувство я», ощущение присвоения, которое можно считать инстинктивным: «нельзя никак иначе удостовериться в существовании я, как только ощутив его; именно к нему мы относимся как к чему-то «моему» [2, с. 128]. Согласно Ч. Х. Кули, слово «Я» изначально обозначает не предмет, не тело, а особое чувство, которое может относиться к разным предметам и явлениям, воспринимаемым как что-то «мое». «Чувство я» ярче всего проявляется в ситуации конфликта, когда кто-то другой посягает на что-то «мое», будь то попытка отобрать вещь или насмешка над именем. Из явлений, которые воспринимаются индивидом как «мои», составляется его собственный образ – сюда входит его физическое тело, его имя, мысли и надежды, его близкие люди, плоды его трудов, одежда, дом и многое другое. Предметы и явления, воспринимаемые человеком как его собственные, находятся не в изолированном пространстве, а в области совместной жизни с другими людьми, таким образом, «социальное я – это система представлений, почерпнутая из общения с другими людьми, которые сознание воспринимает как свои собственные» [2, с. 132].

Таким образом, «социальное я» определяется прежде всего не классом в целом, к которому принадлежит человек, а более узкой социальной группой, которой в идеале должна являться семья. К образу Я относятся не только материальные вещи, но и ценности и мировоззренческие установки, которые человек усваивает в детстве и которые становятся неотъемлемой частью его личности. Самоидентификация, включающая в себя мировоззренческий «стержень», и становится ориентиром личности в его действиях и социальных передвижениях. Общественное положение человека

может меняться сколько угодно, в повседневной жизни он может менять разные социальные роли, но его внутреннее самосознание, включающее ценностные установки, остается неизменной опорой и ориентиром в преодолении кризиса идентичности.

Список литературы

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман. М. : Логос, 2005. 390 с.

2. *Кули Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Х. Кули. М. : Идея-Пресс, 2000. 320 с.

М. В. Шманцарь,
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, 4-й курс

ДОСУГОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ЛИЧНОСТИ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Потребности определяют поведение человека, являются движущей силой его физической и социальной активности. Досуг – одна из наиболее значимых для современного человека сфера жизнедеятельности, поэтому необходимо уделить внимание рассмотрению характеристик потребностей индивида, связанных с проведением досуга. Прежде чем перейти непосредственно к этим характеристикам, необходимо разобраться с понятием «потребность».

В научной литературе можно встретить множество определений этого понятия. Мы склонны согласиться с позицией, что потребность – это состояние человека, складывающееся на основе противоречия между имеющимся и необходимым и побуждающее его к деятельности, которая позволит удовлетворить возникшую необходимость. Потребность сочетает в себе объективный компонент в виде различных нужд и субъективный компонент в виде желаний, стремлений и прихотей: нужда носит неотлагательный и повелительный характер; желание – это внешнее выражение потребности, возникающее после того, как она осознана индивидом [2, с. 9]. В связи с вышесказанным мы можем вывести определение досуговых потребностей: под этим понятием мы будем понимать такое состояние человека, при котором он испытывает необходимость проводить свой досуг тем или иным способом (причем эта

необходимость является осознанной и соотносится с интересами и ценностями) и направляет свои действия на удовлетворение этой необходимости. Далее важно определить, к какой категории потребностей личности следует относить потребности, связанные с досуговой деятельностью.

В самом общем виде все потребности делятся на первичные и вторичные: потребности, без удовлетворения которых (хотя бы частично) существование человека вообще невозможно, называют первичными, или насущными. Без удовлетворения вторичных потребностей человек не погибнет, но может понести серьезные лишения [2, с. 12]. Другая известная классификация – разделение потребностей на материальные и духовные. Материальные потребности – это потребности человека в обеспечении своего материального существования (потребности в пище, одежде, жилище, продолжении рода, труде, здоровье, безопасности и др.). Духовные потребности – это потребности в знаниях, переживаниях, впечатлениях. К духовным можно отнести потребности в воспитании, образовании, познании, смысле жизни [2, с. 84–86]. На наш взгляд, досуговые потребности относятся к разряду вторичных, духовных потребностей личности, так как они в большей степени связаны с когнитивными процессами, самореализацией индивидов, творческой деятельностью. В узком смысле можно причислить досуговые потребности к разряду культурных потребностей. Сюда относится целая группа высших потребностей человека – в развитии, самореализации и самоутверждении, в творчестве собственной жизни, поисках ее цели и смысла. Именно эти потребности характеризуют уровень культуры, духовности человека [1, с. 11]. Основополагающим свойством досуговых потребностей является системность. Мы можем говорить о них в таком ключе, поскольку досуговые потребности обладают всеми свойствами систем: объектность (наличие элементов), структура (взаимоотношения, связи между элементами), саморегуляция (при отсутствии или ущербности какого-либо элемента, другие его компенсируют), целостность (единство элементов в процессе их функционирования). Таким образом, мы разобрались с сущностью досуговых потребностей, далее рассмотрим их содержание.

В современном российском обществе, которое приближается к информационному этапу своего развития, формы проведения досуга очень разнообразны, но мы можем разделить их на три группы, которые составляют содержание досуговых потребностей: деятельность, направленная на развлечение; деятельность, связанная с культурным просвещением и духовным саморазвитием; деятельность, направленная на развитие физических сил индивида. Указанные элементы не изолированы друг от друга: они не просто сосуществуют, но и взаимодействуют, оказывают взаимное влияние. С точки зрения психологии и педагогики, у гармоничной личности эти элементы должны быть представлены примерно в равной степени, однако такое встречается редко. Наиболее распространенным является распределение, при котором доминирует один элемент, а другие находятся в «спящем режиме» и активизируются лишь в некоторых случаях. Тем не менее, при изучении досуговых потребностей, нельзя игнорировать эти латентные элементы, так как они оказывают существенное влияние на функционирование всей системы.

Список литературы

1. *Коган Л. Н.* Социология культуры : учеб. пособ. / Л. Н. Коган. Екатеринбург: УрГУ, 1992. 120 с.

2. *Орлов С. В.* Человек и его потребности : учеб. пособ. / С. В. Орлов, Н. А. Дмитренко. СПб. : Питер, 2007. 160 с.

М. В. Щербакова,
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, 4-й курс

БРАЧНЫЙ ВЫБОР СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОСОБЕННОСТИ, ИНСТРУМЕНТЫ, МОТИВАЦИЯ

Брачный выбор – один из ключевых элементов системы брачного поведения, под которым понимается такое поведение, которое имеет целью удовлетворение потребности в браке. Чаще всего потребность в браке предполагает удовлетворение потребности в эмоциональной привязанности, потребности в продолжении рода, организации семейного досуга и быта, а кроме того, в эмоциональной и моральной поддержке. Поэтому при выборе брач-

ного партнера нужно обладать некой информационной базой, которая включает в себя социальные и индивидуально-личностные особенности потенциального супруга, для того чтобы вероятность разочарования в избранном партнере была минимальна. Если молодые люди внимательно отнесутся к выбору супруга, совместная жизнь будет более счастливой и гармоничной.

Нам было интересно узнать, каким образом представляет себе студенческая молодежь свой брачный выбор. Исследование было проведено в октябре 2012 г. Целью нашего исследования стал анализ факторов брачного выбора студенческой молодежи. Объектом которого стали девушки и юноши – студенты очного отделения Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (N = 200). В исследовании приняло участие 56 % девушек и 44 % юношей.

В исследовании рассматривались основные мотивы вступления в брак, представления молодежи о будущей семье, образ потенциального партнера, субъективные и объективные факторы выбора партнера по браку.

В ходе исследования мы предложили студентам выделить субъективные факторы, влияние которых на брачный выбор будет первостепенным. Оказалось, что наиболее значимыми являются следующие факторы: личностные качества, прежде всего, морально-нравственные: доброта, искренность, честность – это мнение 88 % опрошенных, также физическая привлекательность партнера – 40 % респондентов определили этот фактор значимым.

Кроме того, мы предложили определить значимость объективных факторов брачного выбора. Данные показали, что объективными факторами, оказывающими первостепенное влияние, стали территориальная близость проживания партнера, а также уровень его образования. Возможно, это связано с тем, что молодые люди чаще всего стараются выбирать себе партнера из своего окружения, то есть тех, кто проживает с ними в одном районе, на одной улице, или, например, обучается в одном университете. Значимость уровня образования будущего супруга объясняется тем, что молодые люди (студенты УрФУ) желают видеть в браке партнера, имеющего примерно такой же уровень образования, что и их собственный.

Материальное положение брачного партнера, наличие собственного жилья имеют для большинства опрошенных студентов второстепенное значение. Возможно, молодежь, в силу своего возраста, еще не очень серьезно задумывается о материальных ценностях и не придает им большого значения.

Факторами, которые опрошенные определили как «незначимые» при выборе брачного партнера, являются: социальный статус родителей партнера, расовые и религиозные различия, а также сверстники, которые уже вступили в брак. Социальный статус родителей, скорее всего, не является важным при выборе, так как молодые люди выбирают партнера из своего социального окружения, и, вероятно, что социальные статусы родителей близкие. Сверстники, получившие статус мужа/жены, не являются «образцом для подражания» – это говорит о том, что снижается влияние на социальные действия и поведение референтной группы. Расовые различия не являются актуальной проблемой в брачном выборе, поскольку большая часть населения России – это представители европеоидной расы. Что касается религиозных различий, то можно говорить о высокой эффективности процесса формирования толерантности, которая и свидетельствует о незначимости данного фактора при выборе брачного партнера.

Лидирующим мотивом вступления в брак студентов выступает наличие взаимной любви у партнеров (81 %). На наш взгляд, выбор данного мотива детерминирован возрастными особенностями опрошенных – 18–20 лет. Максимализм, иллюзорность и еще подростковый тип мышления свидетельствуют о доминировании мотива любви, что собственно не выступает столь уж негативной тенденцией, но и не свидетельствует о рациональности с позиций традиционного ее понимания.

Как показало исследование, большинство молодых людей уже имеют четкое представление о своей будущей семейной жизни и о своем потенциальном брачном партнере. Однако, на наш взгляд, представления студентов немного идеализированы, скорее всего, это связано с их возрастом и отсутствием опыта. Брак для них – счастье, любовь, доверие. Партнер – красивый, добрый и понимающий. Конечно, это не является негативной тенденции, скорее, это говорит об отсутствии рациональности в выборе.

А. О. Юрьева,
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, 4-й курс

ДЕНЬГИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ КАК КОНСТРУКТОР СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Конструирование социальной реальности – теория, которая рассматривает взаимосвязь индивида и общества, общество в которой понимается как процесс непрерывного конструирования символов и значений, лежащих в основе человеческой деятельности, а также обыденного и научного знания [1, с. 39].

Среди множества реальностей, существует наиболее существенная – это реальность повседневной жизни. Сегодняшнюю повседневную реальность формируют деньги. Деньги занимают прочное место в быту отдельной личности и семьи, став мощным источником формирования обыденного сознания, а следовательно, социального поведения и особой социальной реальности.

Влияние денег на человека не исчерпывается сферой экономики, они оказывают существенное влияние на формирование морали, иерархии ценностей, обладают психологическим и мировоззренческим воздействием на отдельного человека и общество.

В современных условиях взаимодействия культур, приобретает особую значимость изучение ценностей, в особенности ценностей студенческой молодежи. Влияние глобализации выражается прежде всего в тиражировании идеалов западного мира и присущей им системы ценностей. Результатом этого процесса является формирование новой системы ценностей. Свое отражение такая система ценностей находит в так называемом «экономическом человеке» с присущим ему рациональным складом ума и прагматизмом.

Между тем студенчество представляет собой авангард общества, который в ближайшем будущем займет место основной производительной силы, а это значит, что ценности современного студенчества будут во многом определять ценности всего общества.

В ноябре 2012 г. нами было проведено исследование, посвященное изучению системы ценностей и места денег в ней. В опросе приняли участие студенты 1–5 курсов различных институтов и департаментов Уральского федерального университета.

Современные студенты Уральского федерального университета, исходя из результатов исследования, ориентированы прежде всего на самореализацию, индивидуализм, состоятельность в жизни и материальное благополучие.

Несмотря на то, что нами была выявлена приверженность в сознании студентов к ценностям семьи, любви, здоровья, на практике эти ценности все-таки уступают место экономическим ценностям. Под «хорошей жизнью» студентом, в первую очередь, понимается материальная обеспеченность и только затем – любовь, здоровье, дружба и семья. В этом заключается противоречие в системе ценностей современной студенческой молодежи.

Лишь для 10 % студентов деньги не имеют никакого значения, остальные студенты в разной степени признались, что деньги для них имеют одно из первостепенных значений в жизни.

Многие студенты считают, что в современных условиях вполне допустимо использовать незаконные способы получения денег, такие как взяточничество, азартные игры, финансовые пирамиды и обман в случае нехватки денежных средств и для того, чтобы повысить свой материальный статус в обществе. В этом явно проявляется установка студентов на достижение успеха любой ценой.

По мнению студентов, деньги нужны для того, чтобы удовлетворять потребности и желания; чтобы сбывались материальные мечты; чтобы не думать о завтрашнем дне. Деньги в понимании студентов – это инстумент благополучия. При всем при этом лишь незначительный процент студентов считают, что деньги нужны для того, чтобы помогать другим людям.

Однако современные студенты соглашаются с традиционными для российской культуры пословицами и поговорками. Студенты считают, что «не в деньгах счатье» и «не имей сто рублей, а имей сто друзей». За деньги не купить дружбу, талант, счастье и любовь. Но, с другой стороны, на деле, как мы выяснили, счастье оказывается именно в деньгах, деньги, хоть и дело наживное, но их отсутствие может резко ухудшить нашу жизнь. В данном случае мы наблюдаем разрыв слова и дела.

Таким образом, мы с уверенностью можем сказать, что экономические ценности являются для современных студентов двигателем и причиной их деятельности. Стремление к обогащению,

материальной независимости, карьерному росту – вот характеристики, присущие студентам. Несомненно, что такие установки на успех и материальное благополучие продиктованы современными условиями, в которых студенты выросли, живут сейчас и будут продалжать свой путь по жизни. В условиях рыночной экономики, процесса глобализации и демонстрации ценностей западного образца, установках на прибыль, практицизм, несомненно формируется особый тип взаимодействия с окружающей средой. Поведение индивида впредь оценивается с рациональной точки зрения – с точки зрения возможности достижения поставленных целей.

Подобное раздвоение в сознании студентов – индикатор, по которому мы можем судить об изменнениях в системе ценностей современной студенческой молодежи. Такие изменения являются тем самым тревожным звоночком, который информирует нас о системных изменениях в обществе в целом.

Список литературы

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.

Секция 2

ТЕРРОРИЗМ, ВОЙНА, НАСИЛИЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ЗЕРКАЛЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

Модераторы секции:
доцент Бурнасов А. С., доцент Мухаметов Р. С.

ПРЕДИСЛОВИЕ МОДЕРАТОРОВ

В нашей секции «Терроризм, война, насилие: глобальные и локальные угрозы современности в зеркале повседневных практик», несмотря на ее название, обсуждение прошло в дружеской атмосфере на открытом воздухе. Заявились и выступили представители департаментов международных отношений и философии Института социальных и политических наук.

Большинство озвученных тем докладов были связаны с явлением терроризма в современном мире. Участники секции продемонстрировали всесторонние подходы к анализу терроризма с точки зрения глобальных и локальных вызовов. Отдельное внимание было уделено рассмотрению мотивов террористов и причин совершения террористических актов.

Кроме того были обсуждены вопросы сепаратизма регионов в современном мире, вопросы создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке, принципы ведения информационных войн, а также вопросы взаимодействия различных культур, роль и место женщин в политике.

Стоит отметить проявленный взаимный интерес участников от различных департаментов института, что позволило по новому взглянуть на заявленные в тематике секции проблемы и оценить применение методов других наук к исследованию поставленных проблем.

Е. К. Владимирова,
департамент философии ИСПН УрФУ, магистратура,
1-й год обучения

КОНЦЕПЦИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

«Мультикультурализм», выражаясь словами американского мыслителя Ричарда Бернстайна, «определенно – понятие неопределенное» [7, с. 4]. Многие исследователи используют это понятие в различных значениях и придают ему соответствующие особые коннотации. Видный американский этнополитолог, пионер в изучении мультикультурализма в его североамериканском варианте, Натан Глэйзер определил «мультикультурализм» как «комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес единой национальной культуре» [2, с. 8]. Это наиболее широкая трактовка мультикультурализма. С ней в целом солидарен и Р. Бернстайн [2, с. 8].

Термин «мультикультурализм» появился в Канаде в 60-х гг. XX в. для обозначения состояния этнокультурного, расового, религиозного разнообразия населения страны. Официально он был признан в 1971 г. [4, с. 189].

Модель мультикультурализма выражается в формуле «интеграция без ассимиляции» и предполагает легитимацию различных форм культурной инаковости. Это подразумевает, что в границах одного государства могут сосуществовать различные этнокультурные, конфессиональные и прочие образования, имеющие право на публичную репрезентацию и сохранение своих особенных черт, образа жизни, продиктованного культурной спецификой. Но, по словам В. А. Мамонова, «мультикультурализм – это также способ контроля и регуляции мультикультурной мозаики посредством социальных механизмов» [5]. С. Бенхабиб обозначила ситуацию культурного плюрализма термином радикальный, или мозаичный мультикультурализм, понимая под последним наличие в пределах одного политического образования четко дифференцированных общностей, сохраняющих свою идентичность и границы, подобно элементам, составляющим мозаику. Мозаичный мультикультурализм предполагает определенный набор механизмов, обе-

спечивающих его долгосрочное функционирование: эгалитарная взаимность, добровольное самопричисление, свобода выхода и ассоциации. По мнению С. Бенхабиб, вышеперечисленные социальные регуляторы обеспечивают жизнеспособность данной модели культуры в ее реальном измерении с учетом того обстоятельства, что сами культуры и субкультуры, образующие мозаичное поле, не являются застывшими, статичными образованиями, но содержат программу роста и изменений [1, с. 9].

В России интерес к исследованию мультикультурализма возник после событий 90-х гг., «повлекшими за собой всплеск этнического самосознания, заметно поколебавшими монолит советской идентичности» [5]. В. А. Тишков акцентировал внимание на том, что мультикультурализм – это не только момент фиксации и признания в обществе или государстве наличия культурных различий, но и «концептуальная позиция в сфере политической философии и этики», находящая свое выражение в правовых нормах, общественных институтах, повседневной жизни людей [6, с. 335].

Согласно предположению А. А. Борисова, мультикультурализм следует понимать как идеологию и политику, надстраивающую над этническими ценностями общенациональные – во-первых; во-вторых, как феномен этнокультурной фрагментации социума, который синонимичен «многокультурности» и выступает, таким образом, против культуры как общенационального движения [2, с. 9]. Отсюда явно прослеживается различие между пониманием мультикультаризма как идеологии или политики или мультикультурализма как культурной многосоставности общества, «актуализирующей в социуме горизонтальные, ризоматические связи» [5] (когда мультикультурализм понимается как живая реальность).

Мамонов отмечает, что некоторые коррективы в прочтении термина и трактовки самого культурного явления внес А. И. Куропятник, который отметил три уровня понимания мультикультурализма, на настоящий момент закрепившихся в социальных науках: а) демографический, суть которого заключается в описании изменений демографических, этнокультурных параметров национальных обществ под влиянием эндогенных (миграция) и экзогенных (иммиграция) факторов; мультикультурализм в этом случае по-

нимается как политика интеграции иммигрантов в принимающее общество; б) идеологический, в рамках которого обсуждаются концепции национальных идеологий; в) политический, ориентированный на практическое применение принципов мультикультурализма как идеологии, политики, рассматривающей права культурных, национальных и т. д. меньшинств, реализующей программы их социальной поддержки; в данном случае мультикультурализм – это политическая программа, направленная на гармонизацию отношений между государством и этническими, культурными меньшинствами его составляющими, а также на урегулирование отношений внутри этих меньшинств [3, с. 8].

Список литературы

1. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. М. : Логос, 2003.

2. *Борисов А. А.* Мультикультурализм: Американский опыт и Россия / А. А. Борисов // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. М. : Изд-во Аспект-пресс, 2003.

3. *Куропятник А. И.* Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ / А. И. Куропятник. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000.

4. *Мальковская И. А.* Многоликий Янус открытого общества: опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации / И. А. Мальковская. М. : КомКнига, 2005.

5. *Мамонов В. А.* Мультикультурализм: разнообразие и множество // Журнальный клуб Интелрос. Credo New No.2 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/07/06/vamamonova_multikulturalizm_raznoobrazie_i_mnozhestvo.html (дата обращения: 24.03.2013).

6. *Тишков В. А.* Теория и практика мультикультурализма / В. А. Тишков // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ ; под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М., 2002.

7. *Bernstein R.* Dictatorship of Virtue. Multiculturalism and The Battle for America is Future / R. Bernstein. NY, 1994.

В. Э. Гладкая,
департамент международных отношений ИСПН УрФУ, 2-й курс

ИСЛАМИСТСКИЙ ТЕРРОРИЗМ: ХАРАКТЕР И ПРИЧИНЫ

События 11 сентября 2001 г. продемонстрировали возникновение новой угрозы в мире – транснационального терроризма. Приблизительно через месяц после событий 11 сентября США создали Международную антитеррористическую коалицию, к которой присоединилось почти все мировое сообщество. Президент Америки Дж. Буш-младший официально провозгласил начало масштабной войны с терроризмом.

Сосредоточение контртеррористических усилий на преследование «Аль-Каиды» и движения «Талибан» долго объяснялось тем, что именно эти организации являются источниками и «идейными вдохновителями» современного терроризма. Однако если десять лет назад терроризм был лишь зарождавшейся угрозой для человечества, то сегодня он является укоренившимся и воздействующим на многие страны фактором. Мощные удары не смогли даже уменьшить активность терроризма, более того, они сделали его сильнее, развив его способность к выживанию в условиях жесткого преследования, а также умение находить «слабые места» противника. На нынешнем этапе он продолжает находиться на подъеме, однако его характер претерпел изменения. Продолжают возникать мелкие исламистские террористические ячейки. В настоящий момент исламистский терроризм вошел в фазу «джихад без руководства» по определению американского исследователя и бывшего сотрудника ЦРУ М. Сейджмена. «Аль-Каида» рассматривается не столько как направляющий центр террора, сколько как его сегмент. Так, в конце 2010 г. директор Национального контртеррористического центра М. Лайтер заявил, что сформировавшиеся в последнее десятилетие террористические силы «не полагаются на взаимодействие с руководством „Аль-Каиды“ в Пакистане, но все ярче проявляют себя в качестве самостоятельных, независимых движений и организаций» [1].

Необходимо рассмотреть взаимосвязь терроризма с исламизмом. Эти явления тесно связаны, но и не замкнуты друг на друге.

В начале войны против терроризма Америка считала, что исламизм в отрыве от терроризма не представляет особой опасности. В настоящее время изучена роль исламизма в разжигании террора: об «Аль-Каиде» известно, что ее основатели были приверженцами этого течения, многие входили ранее в различные исламистские группы, а к разработке программных документов подключались теоретики исламизма. Исламистская пропаганда манипулирует происходящими в мире событиями, которые могут задеть национальные и религиозные чувства мусульман – это и ведение Западом боевых действий в Ираке, Афганистане, Пакистане, и всепоглощающий процесс глобализации, воспринимающийся как «вестернизация» мусульманских стран, и освоение Израилем оккупированных палестинских территорий. Победа над исламизмом требует значительных усилий в идеологической сфере. Сохраняется точка зрения о том, что главным остается уничтожение «Аль-Каиды». Но ликвидации этой организации будет недостаточно для победы над терроризмом. Правительства немусульманских стран, которые пытаются жестко контролировать свое мусульманское население, должны осознать, что так они провоцируют агрессию мусульман против себя. Эта проблема существует во многих странах, и ее решение даст положительные результаты. Враждебность и негодование мусульман по отношению к Западу ослабнут, если последний прекратит с таким упорством навязывать свои идеалы и ценности и проявит уважение к иной точке зрения на мир. Изменение политики США в отношении Израиля также может улучшить ситуацию. Однако важнейшим изменением является улучшение социальных, экономических и политических условий в мусульманских странах.

Список литературы

1. *Ливен А.* Понять Пакистан. Почему простые рецепты там не работают // Россия в глобальной политике. 2011. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Ponyat-Pakistan-15226.

2. *Подцероб А.* «Ближневосточная политика США». Институт Ближнего Востока, 2008. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=6752.

М. Ю. Давидян,
департамент международных отношений ИСПН УрФУ, 2-й курс

ТЕРРОРИЗМ, ВОЙНА, НАСИЛИЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В данной работе была поставлена цель подробно изучить такие понятия, как «война», «терроризм» и «насилие», а также проанализировать динамику роста данного вида угроз в современном мире.

В соответствии с поставленной целью были выделены следующие задачи:

– Дать определение понятиям «война», «терроризм» и «насилие».

– Выявить место и роль данных явлений в сфере социальных процессов.

– Найти основные причины, оказывающие влияние на развитие этих процессов.

– Проанализировать влияние войн, террористических актов, а также актов насилия над обществом в целом.

Современное общество полно сюрпризов, многие из которых имеют негативные, а порой и плачевные последствия. С древности основной задачей каждого государства являлось обезопасить свои границы от различных угроз, приходящих извне. На сегодняшний день каждое государство уделяет безопасности не меньше внимания, а иногда даже и больше. Это связано с тем, что количество угроз с каждым днем увеличивается. Несмотря на то, что исследователи уже давно пришли к выводу о том, что ведение войны становится невыгодным для всех, количество войн от этого не сократилось. Изменились методы ведения войны ввиду появления новых технологий, а также с конца XX – начала XXI в. сократилось количество мировых войн, и войны приобрели локальный характер. На сегодняшний день существует множество международных организаций, которые занимаются различной деятельностью по установлению мира на Земле. Они вносят огромный вклад в распространение идей о защите естественных прав человека и проделывают большую работу по ликвидации различных возникающих угроз как на международной арене, так и внутри того государства, где они возникают. Одной из острейших проблем со-

временного мира является терроризм.

Терроризм как явление возник еще в древности, однако термин этот появился сравнительно недавно. Этому термину дано более 100 определений. Согласно Кулагину, «Терроризм – это любое деяние, которое имеет целью вызвать смерть мирных жителей или некомбатантов или причинить им тяжкие телесные повреждения, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста, заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» [1].

С недавнего времени терроризм превратился в явление международного масштаба, в связи с этим о нем заговорили повсеместно. Существует много гипотез о причине возникновения международного терроризма. Международный терроризм можно назвать некой войной, которую ведут два неравных по своим силам полюса. И эта война, как и любая другая, влечет за собой насильственные методы и методы устрашения, направленные на соперника. Это нетрадиционный способ ведения войны тем не менее это война.

Терроризм, война и насилие в полном смысле представляют собой действия, направленные на группу лиц или индивида, совершаемые вопреки воле самого индивида. На сегодняшний день можно совершенно точно утверждать, что войны, терроризм и насилие являются одними из самых опасных угроз для всего мирового сообщества. Причиной возникновения войн является желание воюющих достичь определенных внутри или внешнеполитических целей. Для осуществления своих целей возникает необходимость прибегнуть к насильственным методам.

Таким образом, если провести параллель между войной и терроризмом, то приходишь к выводу о том, что эти два процесса взаимосвязаны, и один процесс вытекает из другого. А тот насильственный метод, при помощи которого стороны идут к своей цели, приводит к массовому убийству людей в обоих случаях.

Список литературы

1. *Кулагин В. М.* Современная международная безопасность : учеб. пособ. М. : КНОРУС, 2012. 432 с.

А. В. Данилова,
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ,
магистратура, 1-й год обучения

МИГРАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Во второй половине XX в. одним из наиболее влиятельных парадигмальных направлений становится социальный конструктивизм.

В нашей работе мы исходим из теоретических установок, социального конструктивизма, сформулированного американскими социологами П. Бергером и Т. Лукманом, суть которого выражается в следующем положении: «Мир повседневной жизни создается в мыслях и действиях обычных людей» [2, с. 39]. То есть социальное пространство воспроизводится благодаря активности включенных деятелей, обычных людей, которые занимают разные позиции, вступают друг с другом в разнообразные отношения.

Социальное пространство, нам кажется необходимым рассматривать, как условия, «рамки», в которых протекает социальное взаимодействие. Вследствие этого, социальное пространство как объект исследования мы условно разделяем на:

– объекты материального мира, которые ограничивают взаимодействие (например, городская инфраструктура);

– представления индивидов о том пространстве, в котором они находятся (представления о расстояниях; характеристики, которыми ни наделяют это пространство (опасное/безопасное, публичное/приватное) и т. д.).

Одним из механизмов конструирования социального пространства, по нашему мнению, является миграционный процесс (в работе рассматривается переезд из закрытого города в областной центр и возвращение в закрытый город после получения высшего образования в крупных городах).

Современный российский ученый А. С. Ахиезер рассматривает территориальную миграцию как «попытку личности, групп людей реализовать свои планы, ценности, потребности, надежды, стремления, возможно утопические, начать новую жизнь в более благоприятных, по их собственным оценкам, условиях; это форма

реализации потребности в полноте бытия: поиск новизны жизни новых условий, мест проживания, труда, отдыха» [1, с. 141].

Соглашаясь с подходом А. С. Ахиезера, мы рассматриваем миграционный процесс как добровольный выбор между двумя качественно отличными пространствами: пространством большого города и пространством закрытого города. Этот выбор происходит в результате осознанного конструирования этих пространств, наделения их определенными характеристиками, между которыми в действительности и осуществляется выбор. Миграция является элементом повседневности личности, индивидуально переживаемой и осознаваемой.

Таким образом, мы предполагаем, что целью миграции является не конкретное социальное или географическое пространство, а то пространство представлений, пространство репрезентации [5], которое конструируется выходцами из закрытого города на основе установок, ценностей, жизненного опыта, под влиянием различных агентов социализации.

В обыденном массовом сознании существует непривлекательный образ закрытого города как пространства, у которого нет перспектив развития, вследствие чего молодежь стремится уехать, катастрофически не хватает кадров, а сам город, как следствие, превращается в пространство «дожития». Так, например, современные российские авторы географ-урбанист Г. М. Лаппо и географ-историк П. М. Полян в статье 1998 г. говорят о том, что закрытые города находятся «на грани краха и исчезновения» [3, с. 46].

Вместе с тем сегодня, закрытые города по-прежнему существуют, а спустя 10 лет эти же авторы уже не дают столь негативных прогнозов, а напротив, называют наукограды, запретные и полузапретные города «точками роста» [4].

Проведенные исследования позволяют нам сделать вывод о том, что молодежь сегодня не оценивает пространство закрытого города однозначно негативно.

Существует группа молодых людей с высшим образованием и опытом жизни в большом городе, которые предпочитают возможностям и перспективам большого города безопасность и стабильность ЗАТО.

Таким образом, анализ миграционных процессов (направление миграции и мотивы) представляется нам эффективным инструментом для изучения трансформаций социального пространства.

Список литературы

1. *Ахиезер А. С.* Территориальная миграция – реализация потребности в полноте бытия / А. С. Ахиезер // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 141–149.

2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М. : Медиум, 1995. 323 с.

3. *Лаппо Г., Полян П.* Закрытые города / Г. Лаппо, П. Полян // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 43–48.

4. *Лаппо Г., Полян П.* Наукограды России: вчерашние запретные и полузапретные города – сегодняшние точки роста / Г. Лаппо, П. Полян // Мир России. 2008. № 1. С. 20–49.

5. *Лефевр А.* Социальное пространство [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html (дата обращения: 16.05.2012).

А. В. Еманова,
департамент международных отношений ИСПН УрФУ, 2-й курс

ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКЕ

Мы живем в мире, который сегодня отнюдь не безопасен. К сожалению, люди не придают значения потенциальной угрозе, которая может исходить от кого угодно и когда угодно. В рамках повседневности люди забывают как об общей, так и о личной безопасности, подвергая себя риску.

Наиболее актуальной угрозой сегодня стал терроризм, который приобрел глобальную окраску. Как сказал президент РФ В. В. Путин: «Обстановка в мире изменилась не в связи с террористическими актами. Она давно изменилась. Просто мы, к сожалению, этого не замечали. Трагические события, которые произошли в Соединенных Штатах, только подтвердили эти изменения» (О причинах «международного терроризма»: нищие духом – не блаженые, но опасно блажные») [2].

Сталкиваясь с такой серьезной опасностью, нельзя не реагировать на это. Таким образом, предстоит ответить на вопрос: какими должны быть новые параметры системы безопасности? Сама система, соответственно, также должна быть новой, ибо старая изначально не была настроена на предотвращение угроз подобного рода.

Главный акцент делается на том, по причине каких следствий человек или группа лиц без явных признаков психических заболеваний способны совершить столь антигуманное деяние и счесть это за благо. Разве только путем применения силы можно достичь своих целей? Тут же возникает вопрос: каких целей хотят достичь террористические группировки? Что это: шантаж мирового сообщества, своеобразный путь достижения материальных благ, месть, искоренение неверных? В данном контексте важную роль играет далеко не один фактор (политический, экономический, религиозный), что и обусловливает такую сложность решения этой проблемы, поскольку структура ее многогранна. Лишь поняв ее, можно предпринять действительно эффективное решение, которое поможет нацелить высшее руководство стран на обеспечение мира и безопасности для каждого гражданина своей страны.

Говоря о таких терактах, как 11 сентября 2001 г. в США, затем спустя месяц трагедия в аэропорту Домодедово, террористический акт в Беслане (Северная Осетия), Мумбаи (Индия), хочется задать главный вопрос: каким образом это происходит? Почему мощнейшие армии перестали быть гарантами мирной жизни, учитываются ли ошибки персонала, не предпринявшего никаких действий, чтобы предотвратить то, что может случиться с нами в любую секунду?

Очень важным феноменом является миграция. За период с 1970 по 2000 гг. число международных мигрантов удвоилось. Рост численности человечества шел достаточно медленными темпами, уровень миграции превышал естественный рост более, чем в два раза [1]. Большей частью эмигранты направлялись в индустриально развитые страны мира, где испытывался недостаток метрополиями чернорабочих и дешевой рабочей силы, которая таким образом интегрировалась в общество, контактируя все больше и больше с местным населением. В России в сфере миграционной политики уже принимаются правовые меры, способные обезопа-

сить мирных людей от угрозы, исходящей от представителей радикальных взглядов.

Нужно знать проблематику терроризма и понимать ее более детально в конкретных случаях. До сих пор не выявлено то своеобразие идеалов, присущих цивилизации, где способны зародиться экстремистские идеи.

Проанализировав все аспекты данного явления, нужно выработать представление о нем и его причинах. Ведь речь идет не только о защите общества и личности, но и об идее искоренения террористической угрозы во имя будущего человечества.

Список литературы

1. Внутренний Предиктор СССР. Об искоренении глобальной угрозы «международного терроризма» : аналитический сб. Санкт-Петербург 2004 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/80876/read (дата обращения: 12.05.13).

2. Миграция и терроризм // Исследовательский центр «Агентура». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.agentura.ru/press/about/jointprojects/washprofile/migration (дата обращения: 12.05.13).

В. Ф. Еремеева,
департамент философии ИСПН УрФУ, магистратура,
2-й год обучения

СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ И ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ ЕЕ ЗАВОЕВАНИЙ

Теоретики социального конструкционизма Питер Бергер и Томас Лукман, вслед за представителями символического интеракционизма, сосредоточили свое внимание на микроуровне социальной реальности – базовых социальных взаимодействиях повседневности. Авторы исследуют процесс формирования и закрепления образцов деятельности, которая является нормальной для ее агентов. Анализ ограничивается областью, которую мы могли бы по аналогии назвать «нормальной повседневностью» – такая повседневность стабильна, в отличие от периодов значительных социальных трансформаций, иногда прерывающих ее. Социально-политическая революция противостоит такой стабильной повседневности,

но в силу протяженности во времени обладает собственной относительно устойчивой структурой социальной реальности – революционной повседневностью. Методология социального конструкционизма позволяет проанализировать этот специфический вид реальности и присущие ему процессы объективации форм взаимодействия.

Наиболее значимой особенностью революционной повседневности является процесс установления институтов на пустом месте – в брешах социальной реальности, пробитых отрицающим существовавший порядок революционным насилием. Вместо разрушенных институтов старого порядка искусственно прививаются – а не естественно формируются – новые, уже объективированные формы взаимодействия [1, с. 30]. Они требуют немедленной легитимации: подобно «нормальной повседневности» во время революции происходит смена поколений – формирование новых социальных субъектов [3, с. 155], но при этом отсутствует адаптационный период воспитания. Одновременно в сознании людей могут сохраняться базовые структуры взаимодействия нетронутых революцией сфер, теории и части символического универсума дореволюционного периода, которые противостоят новому утверждаемому обществу. Революционные коллективные субъекты оказываются в ситуации, когда им необходимо установить и легитимировать новые институты, не основываясь на опыте привычных взаимодействий.

В истории революционной практики новые институты внедрялись элитами (подробно феномен революционных элит исследует Х. Арендт в работе «О революции» [1, с. 385–392]), которые стояли во главе революционного движения или приходили к власти на волне революции. Поэтому легитимация этих новых структур оказывалась проблематичной.

Легитимация первого уровня – передача словарного запаса и наивные объяснения типа «так уж устроены вещи» [2, с. 154] – не работает в ситуации радикального изменения социальной реальности. Даже наличие слов «республика» и «конституция» в словаре обычного французского крестьянина в 1789 г. не могло обеспечить такую легитимацию, поскольку форма социального взаимодействия, фиксируемая ими, была ему незнакома.

Второй уровень легитимации, содержащий обычно зачатки простейшего теоретического осмысления (пословицы, сказки, народная мудрость) [2, с. 155], не может сформироваться сразу.

Парадоксальным образом наибольшее значение в процессе легитимации революционных достижений приобретают два последних – наиболее сложных и независимых от конкретной социальной практики уровня. Третий – теоретический – уровень легитимации [2, с. 155] в некотором смысле предшествует самой революции. Здесь теоретически разработанные новые формы взаимодействия привносятся на место разрушенных институтов. Однако чертой всех революций являлось несоответствие реально функционирующих новых форм их предварительным идеальным моделям. Теоретическая легитимация проваливается также оттого, что сталкивается в сознании социального субъекта с пережитками старого социального устройства.

В действительности легитимация революции и ее нововведений происходит сразу на четвертом интегрирующем уровне [2, с. 157]. Такая легитимация ложна по своей природе: новый порядок встраивается в дореволюционный символический универсум, с которым его связывают общие ценности. К этим абстракциям-ценностям отсылают, например, революционные лозунги («Свобода. Равенство. Братство»). Нельзя утверждать, что никакие составляющие прежнего символического универсума не сохраняются в новом. Но обращение к общему, сохранившемуся содержанию ценностей в контексте отжившего символического порядка – а значит и возрождение его в сознании повседневности – является отчаянной мерой, к которой вынуждено обратиться лишенное других опор революционное общество.

К числу таких мер относится и возвращение Бога [1, с. 254] в качестве источника легитимности во время Великой французской революции. Однако такого рода отчаянные меры не компенсируют отсутствия подлинной легитимации. Именно легитимация – как завершающий этап закрепления – требуется, чтобы новые структуры социальной реальности пересекли черту между революционной и нормальной повседневностью. Поражение многих революций, искаженные или впоследствии разрушенные револю-

ционные формы взаимодействия и институты, – это в том числе следствия искаженной или неудавшейся легитимации.

Список литературы

1. *Арендт Х.* О революции / Х. Арендт. М. : Европа, 2011. 464 с.

2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.

3. *Капустин Б. Г.* Критика политической философии : избр. эссе / Б. Г. Капустин. М. : ИД «Территория будущего», 2010. 424 с. (Сер. «Университетская библиотека Александра Погорельского»).

К. Ю. Пиксаева,

департамент международных отношений ИСПН УрФУ, 2-й курс

ИСЛАМИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ТЕРРОРИЗМА

В настоящее время многие развитые страны бьют тревогу: количество людей, исповедующих ислам, возрастает с каждым днем [1]. Это связано с миграцией, пропагандой ислама, заключением смешанных браков, но результат всегда один: окружающее население начинает жить в страхе, пытается абстрагироваться от мусульман любыми возможными путями (с помощью нормативно-правовых актов, разрешения проживания на определенной территории, ограничения строительства мечетей и т. д.). Это приводит к радикализации мусульманского населения, обращение их к радикальным течениям ислама, таких как, например, ваххабизм, и это является первым шагом на пути к религиозному терроризму.

Существует множество причин, способствующих исламизации населения. Рассмотрим основные.

Увеличение мусульманского населения в неисламских странах в первую очередь связано с миграцией. Так, например, в Лондоне живет 650 тыс. мусульман (8 % населения, за что город все чаще называют Лондонистаном), в Большом Париже – около миллиона (12 %). В Брюсселе, столице Европейского Союза, мусульмане составляют около 20 % населения. В британском Бирмингеме и в голландском Роттердаме на мусульман приходится почти половина населения [1].

Второй причиной исламизации населения является заключение смешанных браков именно по исламским традициям, потому что по ним бракосочетание может состояться между людьми одной религии, чаще всего по этой причине ислам принимают женщины.

И третьей, на мой взгляд, самой важной причиной распространения ислама является грамотная его пропаганда. Как отмечают Мусаев А. и Мусаев Д., большинство стран, исповедующих ислам, согласились с идей создания исламского халифата, который бы полумесяцем распространился от Кавказа до стран Магриба (север Африки) [2]. Для распространения своего влияния некоторые мусульманские страны пользуются помощью террористических организаций, которые имеют возможность проводить свою деятельность на территории какой-либо страны. Самой крупной такой террористической организацией является «Аль-Каида», другие же более мелкие террористические группировки являются ответвлениями «Аль-Каиды» («Джабхат ан-Нусра», «Хезболла»). Пропаганда увеличивает количество людей, перешедших и теперь исповедующих ислам, тем самым увеличивается количество людей, которые могут подвергнуться влиянию исламских идеологов.

Исламизацию населения можно проследить на конкретных примерах. По переписи населения России 2010 г. численность мусульман достигала 15 млн человек. В 2013 г. эта цифра насчитывает уже от 18 до 21 млн человек [3].

Радикализацию населения можно увидеть на исторических примерах. В начале контртеррористической операции на Северном Кавказе (1999–2009) местное население поддерживало российской правительство, воевавшее против боевиков. Сейчас же население поддерживает наоборот боевиков, что оборачивается большими потерями со стороны российских военных [4].

Распространение ислама и в первую очередь его радикальных направлений, способствует «процветанию», развитию религиозного терроризма, что является серьезной угрозой безопасности государств. Борьба с этим видом терроризма сложна, так как бороться с ним нужно не только вооруженными способами, но и с помощью идеи, идеологии совершенно противоположной той, что пропагандирует религиозный терроризм.

Список литературы

1. *Кокшаров А., Сумленный С.* Теперь здесь ислам. Эксперт. Режим доступа: http://expert.ru/expert/2008/38/teper_zdes_islam (дата обращения: 12.05.2013).

2. *Мусаев А., Мусаев Д.* Сколько мусульман в мире. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ansar.ru/analytics/2013/03/18/38793 (дата обращения: 13.05.2013).

3. *Пашков Р. М.* Глобальный альтернативный исламистский проект создания Халифата. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://constitutions.ru/archives/7972 (дата обращения: 13.05.2013).

4. *Примаков Е.* Борьба за Северный Кавказ оборачивается жертвами россиян. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://newsland.com/news/detail/id/722324 (дата обращения: 13.05.2013).

А. О. Пойлова,
департамент международных отношений, ИСПН УрФУ, 2-й курс

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЕВРОРЕГИОНОВ КАК ЕЩЕ ОДНА УГРОЗА РАСПАДА ЕС? (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ)

На фоне глобализации в Европе и во всем мире растет стремление к автономии, что принято называть регионализацией. Однако в связи с этими процессами ЕС сталкивается с определенными проблемами. Расширение на восток провоцирует неравномерность экономического развития, также следует отметить, что юг Европы всегда тормозил развитие экономики Европейского союза (юг Италии, Греция, Испания и др.). В регионах возникают следующие проблемы: недостаток ресурсов, низкое развитие инноваций (отсталые аграрные и депрессивные старопромышленные регионы), высокий уровень безработицы, в том числе среди молодежи. Чтобы устранить данные проблемы, Европейский союз начинает проводить региональную политику, основанную на принципе субсидиарности, основная цель которой – дать право регионам принимать участие в политической жизни Европейского союза, дать им право голоса.

Так, в рамках региональной политики в ЕС, начиная с 1980-х гг. появляются еврорегионы, которые значительно улучшают экономическое состояние даже самых отдаленных регионов.

Для начала, опираясь на определение В. М. Кузьмина, следует отметить, что представляет из себя еврорегион. «Еврорегион, или трансграничный регион, представляет собой территориальную единицу, состоящую из приграничных областей сопредельных государств, выделенную для целей совместного и скоординированного стимулирующего воздействия на общественно-экономические процессы в ее границах. Еврорегион включает регионы (административно-территориальные единицы) не менее двух стран, и его территорию пересекает минимум одна государственная граница» [1].

Сотрудничество в рамках еврорегионов определяется термином «трансграничное». Согласно Заключению о проекте аналитического доклада Комитета регионов от 27 мая 2004 г., стандартизирующему терминологию в области сотрудничества региональных и местных органов власти, «трансграничное сотрудничество – это двустороннее, трехстороннее или многостороннее сотрудничество между местными и региональными органами власти (в котором могут участвовать полугосударственные или частные организации), осуществляющееся в смежных географических зонах. Это относится и к зонам, разделенным морем» [2].

Деятельность еврорегионов регулируется такими нормативно-правовыми актами, как Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 21 мая 1980 г. [3]; конституции и федеральные правовые акты, определяющие полномочия региональных и местных властей по осуществлению международных связей; хартии и декларации, принимаемые Ассамблеей регионов Европы (АРЕ).

Евросоюз поддерживает создание еврорегионов на территории Западной и Центральной Европы, отмечая успешность их деятельности и видя в этом один из путей улучшения экономической и культурной ситуации как правило в отсталых приграничных районах, количество которых значительно увеличилось в результате расширения ЕС. Однако следует отметить, что у части общества по обе стороны границы существуют опасения, что такого рода трансграничные объединения могут способствовать утрате культурных особенностей и границы между государствами могут быть «стерты».

Достаточно активно и успешно развиваются еврорегионы с участием Франции, чему способствует географическое положение данной страны – в самом центре Европы, следовательно, ее соседство с таким экономическим центром ЕС, как Германия, является весьма перспективным.

Еврорегион La Région Métropolitaine Trinationale [4] – пример франко-германо-швейцарского сотрудничества. Он расположен на территории Верхнего Рейна, в его состав входят три государства: Германия, Франция, Швейцария, поэтому официальными языками данного территориального образования принято считать немецкий и французский. Лозунг данного еврорегиона заключается в том, что проблемы глобализации могут быть решены только посредством объединения сильнейших европейских держав, расположенных в самом сердце Европы. Данные густонаселенные государства имеют большой опыт в сферах экономики и инноваций, а также на их территориях находится множество национальных и межнациональных организаций, поэтому данное транснациональное объединение, созданное в 2006 г., уже в 2010 г. было объявлено примером трансграничного сотрудничества в Европе.

Основным приоритетом данного еврорегиона является дальнейшее развитие инноваций, науки и образования, что в дальнейшем облегчит решение экологических и других проблем, вызванных процессом глобализации, который имеет особое влияние на Европу. Особое внимание уделяется развитию медицины, транспорта, бизнеса и культуры.

Приграничные отношения между Великобританией и Францией наиболее ограничены, нежели с Германией. Они осложнены географическим положением двух государств, а также не закреплены юридически, так как Великобритания не ратифицировала рамочное соглашение 1980 г. Однако нельзя не отметить, что с помощью такого еврорегиона, как 2 моря (2 mers) [5], был построен тоннель через пролив Ла Манш.

Что касается еврорегионов с участием Франции, Италии, Испании, таких как «EPM» [6], «Альпи Медитерранео» [7], можно отметить, что их основными приоритетами является развитие международной политики, включающей в себя развитие образо-

вания, бизнеса в совокупности с активным внедрением инноваций в данные отрасли.

Таким образом, опыт Франции показывает, что еврорегион как форма трансграничного объединения является в целом успешным и действенным вариантом развития в условиях европейской интеграции, позволяющий подтянуть в своем развитии отстающие страны, регионы и области. Пока ЕС поощряет развитие еврорегионов, предоставляя им автономию, у них не будет причин на отделение, так как в таких условиях население не ущемлено в своих свободах и правах.

Список литературы

1. *Кузьмин В. М.* Трансграничное сотрудничество России и Европейского Союза в формате еврорегионов на Севере Европы и регионе Балтийского моря в свете новой программы территориального сотрудничеств «Объектив 3» (2007–2013 гг.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://convention2008.risa.ru/paper/baltreg/251.

2. Заключение о проекте аналитического доклада Комитета регионов «Новый юридический инструмент для трансграничного сотрудничества» от 27 мая 2004 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.coe.int/t/R/Clrae/ %5bRussian_doc %5d/ %5B2004 %5D/Avis_24_Ru.asp#P7_13.

3. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 21 мая 1980 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/106.htm.

4. Region Metropoletaine Trinationale du Rhin Superieur. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rmtmo.eu/fr/region-metropolitaine/la-demarche-de-region-metropolitaine-trinationale-du-rhin-superieur.html.

5. INTERREG IV A 2Mers. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.interreg4a-2mers.eu/en.

6. L'Eurorégion Pyrénées-Méditerranée. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.euroregio.eu/fr/eu/AppJava/cat/index.jsp.

7. Euroregion-alpes-mediterranee. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.euroregion-alpes-mediterranee.eu.

А. М. Росоха,
департамент международных отношений ИСПН УрФУ, 2-й курс

НЕСТАБИЛЬНЫЕ РЕГИОНЫ ИСПАНИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕПАРАТИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Современный мир на сегодняшний момент подвержен множеству угроз и рисков подрыва международной безопасности, влияющих на изменение мировой обстановки, которая составляет совокупность всех сфер жизнедеятельности современного человека. В своем докладе мне хотелось бы затронуть тему сепаратистских движений, которые составляют одну из мировых угроз на данный момент.

Вся Европа сегодня подвержена сепаратистским настроениям. В последние несколько лет в Европе призывы к сепаратизму становятся все громче, что, несомненно, объясняется экономическим кризисом. Существующие этнические, языковые и кое-где религиозные разломы выдвигаются в качестве мотивов стремления к «приобретению свободы» как желающих независимости движений гражданского общества, так и некоторых политических партий.

Сепаратизм в отдельных регионах порождает массовое желание отделиться, стать независимым, свободным, но такое радикальное желание может породить и множество конфликтов, включая гражданские войны, которые априори подрывают общественную и в целом мировую безопасность. Испания – страна отдельных общностей, которые всегда пытались поставить себя в противовес целой стране, имея свои собственные культуры, обычаи и языки. На данный момент в Испании насчитывается девять регионов, в управлении которыми участвуют сепаратистские политические партии (Страна Басков и Наварра; Каталония, Валенсия и Балеарские острова; Галисия; Астурия; Леон; Кантабрия; Арагон; Кастилия; Андалусия; Канарские острова).

Мне бы хотелось проанализировать эту проблему на примере Автономной области Каталония. На данный момент эта область переживает волну сепаратистских настроений, поддерживаемую

всем населением и, самое главное, правительством Каталонии [1]. На формирование данной обстановки повлияли несколько факторов: политический аспект – придя к власти, Артур Мас стал открыто пропагандировать свои интересы о создании «нового маленького европейского государства» [2]; социальный аспект – немаловажно отношение каталонцев ко всему происходящему, так как на волне всеобщего недовольства в социальной сфере (маленькие пенсии, безработица, финансовый кризис, огромные налоги и т. д.) люди хотят радикальных перемен, не желая отдавать заработанные деньги в центр, получая обратно в виде субсидий намного меньше, население Каталонии твердо убеждено в том, что они кормят отстающую часть страны, раздавая деньги из собственного бюджета на нужды бедных регионов, а всеобщий финансовый кризис только разжигает огонь; психологический аспект – как правило, революции и гражданские войны разжигаются молниеносно и разносятся по всей территории в мгновение ока – тому виной психологическая составляющая любого конфликта. Людей отчаявшихся, недовольных очень просто зажечь эмоционально, внушить им уверенность в необходимой перемене, что играет огромную роль в формировании конфликта и внутреннего предубеждения.

Нынешняя ситуация в Каталонии подтверждает присутствие всех этих факторов в формировании международной нестабильности, пусть пока что и в пределах страны, но не стоит забывать, что практически в каждой европейской стране есть проблемный регион, который хочет внести свои корректировки в разметку страны, и стоит одному такому очагу дать волю, как его примеру незамедлительно последуют и другие.

Что же будет означать отделение Каталонии от Испании для Европейского сообщества? Нарастание европейского сепаратистского движения набирает обороты. Некоторые европейские регионы устремились к автономии, а то и к полной независимости. Финансовый кризис усилил напряженность в отношениях между национальными правительствами и регионами, особенно теми, которые являются донорами государственных бюджетов. Они хотят, чтобы их взносы возвращались обратно.

Список литературы

1. *Барридж Т.* Возможна ли независимость Каталоиии? Би-би-си, Барселона. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/11/121123_catalonia_future.shtml.

2. Catalonia independence: the views of foreigners who live there. The Guardian [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.guardian.co.uk/world/blog/2012/nov/20/catalonia-independence-views-foreigners.

А. Д. Смирнова,
департамент философии ИСПН УрФУ, 4-й курс

ИНДИВИДУАЛИЗМ ЗАПАДА И КОЛЛЕКТИВИЗМ ВОСТОКА: ПОИСК КОМПРОМИССОВ

Дихотомия Запад – Восток как понятие, характеризующее коренное различие между западиыми и восточными странами, сложилась еще в XVIII в. и по сей день остается в центре внимания различных исследователей. Проблемам взаимодействия западных и восточных страи посвящали свои работы такие мыслители, как Ш. Монтескье, А. Тойнби, К. Шмитт, О. Шпенглер, представители западничества и славянофильства в России: П. Чаадаев, А. И. Герцеи, Н. Г. Чериышевский; Н. А. Бердяев, Н. Н. Даиилевский и др. Все они сходились в одном – дихотомия Запад – Восток осиована иа непримиримых культуриых различиях. Но следует ли из этого принципиальная невозможность межкультуриого взаимопонимания, достижеиия компромисса в решении тех или иных межкультурных коифликтов?

Клаус Хельд отвечает иа этот вопрос в статье «Возможности и границы межкультурного взаимопонимаиия». Прежде чем перейти к основным идеям этой статьи, необходимо прояснить понятия феномеиологии Э. Гуссерля, на которых основывался К. Хельд. «Жизненный мир» по Э. Гуссерлю – это универсальный горизонт сущего, которому принадлежат как объекты, так и мыслящие субъекты во взаимодействии друг с другом [1]. Мир, таким образом, существует для совместной жизни индивидов, объединенных общностью воспринимаемого. Тем ии менее созерцаемые предметы

воспринимаются различными субъектами по-разному. Следовательно, общности опыта и созерцания одних и тех же предметов индивидами недостаточно для достижения взаимопонимания между ними. Принято говорить: «сколько людей, столько и мнений», вместо того, чтобы пытаться установить согласие.

В своем докладе «Кризис европейского человечества и философия» Э. Гуссерль определяет личностную жизнь как совместную жизнь людей в горизонте общности (в семье, нации, сверхнации), подчеркивая духовную взаимосвязь ее представителей [2]. Все они живут в своем привычном ритме, «нормальном» стиле жизни, или, другими словами, в рамках определенной установки. Со сменой этой установки меняется типичный ход жизни.

Клаус Хельд, опирающийся в своем исследовании на феноменологический метод Гуссерля, назовет типичную для культуры установку «привычностью» [3]. Привычность обеспечивает постоянное присутствие Здесь своего мира: «Этим знанием я обычно обладаю таким образом, что я не должен его специально осознавать, и как раз этот род „знания" возможен благодаря привычке. Именно так мой мир закреплен в соответствующей привычности» [3]. Для достижения взаимопонимания людям необходимо прилагать определенные усилия. Достичь согласия с другим человеком значит допустить его к границам своего мира. Учитывая бесконечное различие миров можно сделать неутешительный вывод о том, что полного взаимопонимания достичь невозможно.

Закономерной будет постановка вопроса о привычках, которыми различаются культуры. Для Клауса Хельда достижение межкультурного взаимопонимания является принципиальной проблемой. Согласие участников коммуникации связано с обнаружением «точек соприкосновения» миров, с поиском компромиссов. Общие интересы культур, по Хельду, сводятся лишь к тенденции к жизнеобеспечению. Воспроизводство жизни представляет собой естественную потребность всех представителей человеческого рода как и остальных живых существ. Хельд отмечает, что то, каким образом люди следуют природной необходимости (удовлетворяют естественные потребности), выражает их «культурные привычки»: «не существует человеческого поведения, которое было бы „чистой природой" без культуры» [3].

Язык, по Хельду, это привычка, объединяющая людей определенной культуры. В основе европейской грамматики находится субъект, член предложения, которому приписываются предикаты. В японском языке субъекта нет. Здесь на первом месте в высказывании находится общее, на втором – индивидуальное. Западная и восточная культура диаметрально противоположны своим отношением к индивидуальности. Семья как срез общества является показателем этого отношения. Главная функция семьи восточного культурного типа – генеративная (сохранение жизни). Здесь под одной крышей уживаются несколько поколений, что становится возможным благодаря иерархии, подчинению младшего поколения старшему. Для западной семьи подчинение неприемлемо. Главное в западном союзе – уважение между супругами, равноправие. Генеративная функция отходит на второй план, уступая гедонической. Восток обвиняет Запад в «убийстве» семьи. На пути к взаимопониманию двух столь противоположных культур – непреодолимая пропасть. «Универсальные духовные константы» – бессмысленное понятие, по К. Хельду. «Декларация прав человека» ставит на первый план индивида, положение которого требует защиты – это пример того, как западное общество навязывает остальному миру свою привычность. Единственный способ достижения согласия между диаметрально противоположными культурами – это реализация латентных глубинных настроений культурного мира. Например, ссылка на семью в смысле «*oikos*`а», понятию, которое ввел Аристотель. Здесь генеративная функция сочеталась с равенством, следовательно, такая модель и возможные следствия ее принятия могут быть одобрены представителями восточной культуры.

Концепция К. Хельда направлена на установление согласия между культурами в рамках делового общения: в отношении налаживания международных связей, экономического сотрудничества и пр. Компромисс между, казалось бы, непримиримыми культурами возможен двумя путями: во-первых, апелляцией к необходимости сохранения жизни, и, во-вторых, реализацией латентных глубинных настроений культурного мира. Второй путь представляется более многообещающим, так как нацелен на выявление общих измерений противоположных культур и, поэтому, заслуживает особого места в социально-гуманитарных исследованиях повседневности.

Список литературы

1. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Д. В. Скядяев; СПб. : Владимир Даль, 2004. 369 с.

2. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // Вопросы философии. 1986. № 3.

3. *Хельд К.* Возможности и границы межкультурного взаимопонимания / К. Хельд // Топос. 2006. № 3 (14).

Е. Д. Тарасова,
департамент философии ИСПН УрФУ, 4-й курс

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ. ДИСКУССИЯ А. ХОННЕТА И Н. ФРЭЗЕР

В рамках политической философии в настоящее время все чаще встречается проблема признания. Она возникает в контексте проблем мультикультурализма, толерантности и неравенства. Тема признания рассматривается в работах по политической философии у Н. Фрэзер [1, 2, 3], А. Хоннета [4, 5, 6], Ч. Тэйлора [7], С. Томпсона [8], а также в различных сборниках статей. Основная цель статьи заключается в том, чтобы показать, что признание является необходимым условием достижения справедливости в обществе. Мы в данном случае хотели бы остановиться на дискуссии А. Хоннета и Н. Фрэзер. Этот интерес обусловлен тем, что их теории достаточно оригинальны, они представляют развернутую концепцию признания в современном обществе. Более того, зачастую они выступают как антиподы, так как их теории во многом отличаются друг от друга: Фрэзер разрабатывает более прикладную теорию, в основу она кладет анализ процессов, происходящих в обществе в настоящее время, а Хоннет пытается создать нормативную теорию, которая бы могла служить критикой социальной реальности.

Начнем с работ Н. Фрэзер. Она считает, что глобализация, крах коммунизма и отказ от теории справедливости как перераспределения привели к тому, что возникла проблема признания [1, с. 88]. В наши дни ассимиляция различных меньшинств большинством, доминирующей культурой больше не является удовлетворитель-

ным решением проблем неравенства в обществе. Перераспределение уже нельзя считать основным средством достижения справедливости. Поэтому Н. Фрэзер разрабатывает так называемое «двухмерное понятие справедливости» [3]. Она настаивает на том, что справедливость необходимо включает в себя два момента: признание и перераспределение. Первое возникает в философии Гегеля, второе – в теориях справедливости Дж. Роулза и Р. Дворкина [1, с. 10]. На первый взгляд, две этих составляющих не могут объединяться в одной модели, так как они по-разному определяют несправедливость, выбирают разные средства против нее и не сходятся в вопросе о выборе групп, которые страдают от неравенства. Однако Фрэзер считает, что справедливость требует и экономического равенства, которое обеспечивает перераспределение, и равенства участия в принятии решений, которое достигается за счет признания.

Более того, Фрэзер разработала статусную модель признания в противоположность модели Тейлора и Хоннета, которые понимали признание как самореализацию [1, с. 28]. Статусная модель выдвигает принцип равенства участия в общественных процессах в качестве основного принципа справедливости [1, 31]. В итоге, соединяя признание и перераспределение в одной модели, мы получаем объективное условие справедливости (распределение ресурсов должно быть таким, чтобы оно обеспечивало независимость членов общества) и субъективное (равное уважение всех индивидов). Именно эти два условия, взятые вместе, обеспечивают достижение справедливости [1, с. 70].

Итак, Н. Фрэзер считает, что признание наряду с перераспределением является необходимым условием достижения справедливости в обществе. Равные возможности участия людей в общественных процессах являются главной целью в борьбе за признание. И примером такой вовлеченности индивидов в процесс политической и общественной жизни Н. Фрэзер видит в публичных обсуждениях в демократическом государстве.

А. Хоннет также разрабатывает теорию признания в связи с проблемами, которые возникают в обществе. Однако он считает, что признание становится таким обсуждаемым не из-за объективных социальных и политических изменений, а из-за того, что все

чаще внутри некоторых теорий, описывающих общество, возникает проблема признания [5]. Поэтому основной своей целью он ставит построить нормативную теорию признания, которая бы объясняла главным образом причины конфликтов в обществе. Хоннет настаивает на том, что проблема признания лежит в основе всех социальных конфликтов, это не обусловливается эпохой, экономической и политической ситуацией. Он считает, что именно признания люди ждут больше всего от общества [4]. Отсутствие признания вызывает борьбу, в результате которой расширяются права индивидов. Но недовольство своими правами возникает в обществе вновь и вновь, как только они обнаруживают, что их ущемляют в правах. Согласно этой теории, невозможно достичь такого конечного состояния, в котором все члены общества считали бы себя в достаточной мере признанными.

Цель данной статьи заключалась в том, чтобы показать, что признание является необходимым условием достижения справедливости в обществе. Н. Фрэзер показала, что наряду с перераспределением признание является необходимым условием справедливости. А. Хоннет также писал, что именно признания требуют люди, выступая против существующего порядка.

Список литературы

1. *Fraser N.* Social Justice in the Age of Identity Politics: Redistribution, Recognition and Participation / N. Fraser // Redistribution or recognition: a political-philosophical exchange. London, New York. 2003. P. 7–109.

2. *Fraser N.* Distorted Beyond All Recognition: A Rejoinder to Axel Honneth / N. Fraser // Redistribution or recognition: a political-philosophical exchange. London, New York. 2003. P. 198–236.

3. *Fraser N.* From Redistribution to Recognition? Dilemmas of Justice in a «Postsocialist» Age. URL: http://ethicalpolitics.org/blackwood/fraser.htm.

4. *Honneth A.* The struggle for recognition: moral issue of social conflict / A. Honneth. Cambridge, Massachusetts, 1995. 215 p.

5. *Honneth A.* Redistribution as Recognition: A Response to Nancy Fraser / A. Honneth // Redistribution or recognition: a political-philosophical exchange. London, New York. 2003. P. 110–197.

6. *Honneth A.* The Point of Recognition: A Rejoinder to the Rejoinder / A. Honneth. // Redistribution or recognition: a political-philosophical exchange. London, New York. 2003. P. 237–269.

7. *Taylor Ch.* The Politics of Recognition. URL: http://elplandehiram.org/documentos/JoustingNYC/Politics_of_Recognition.pdf.

8. *Thompson S.* The Political Theory of Recognition: A Critical Introduction / S. Thompson. Cambridge, 2006. 224 p.

Секция 3

СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И СТРУКТУРНОСТЬ ПСИХИКИ: СОЦИАЛИЗАЦИЯ, САМОРЕАЛИЗАЦИЯ, САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ИНДИВИДОВ

Модераторы секции:
доцент Чаликова О. С., ассистент Савельев В. В.

ПРЕДИСЛОВИЕ МОДЕРАТОРОВ

Тема конгруэнтности психических структур человека современной социальной реальности довольно актуальна и является одним из приоритетных направлений комплексных антропологических исследований в сфере гуманитарного знания. Многообразные проявления личности на различных этапах развития в самых разноплановых контекстах – от повседневного взаимодействия в любовной паре до восприятия произведений искусства и планирования научного эксперимента – закономерно являются предметом внимания молодых ученых, становление которых начинается со студенчества. Темы исследований, обсуждаемых в работе секции, были продиктованы самой жизнью, теми повседневными ситуациями, встречаясь с которыми, любознательный студент принимает решение о планировании научной работы.

В работе секции приняли участие студенты и магистранты департаментов психологии, философии и международных отношений. Было представлено и обсуждено 16 докладов, в большинстве из которых содержались результаты собственных эмпирических исследований в виде наглядных презентаций. Сообщения докладчиков воспринимались с интересом и зачастую переходили в русло дискуссии. Тематика докладов была представлена в соответствии с заявленной темой: особенности проявления эмоций в спонтанной речи, личностные особенности футбольных фанатов, влияние музыки на деятельность головного мозга, различия в опознании эмоций юношами и девушками, личностные особенности людей с лишним весом и многое другое. Важно отметить, что собственные исследования представили студенты всех курсов: от выпускников до первокурсников. «Проба пера», несомненно, удалась!

Н. И Бакушкина,
департамент психологии ИСПН УрФУ, 4-й курс

АНАЛИЗ СТЕПЕНИ ВЫРАЖЕННОСТИ ФЕМИНИННЫХ И МАСКУЛИННЫХ ЧЕРТ НА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ВЫБОРКЕ

В настоящее время практически нет представителей научного мира, которые бы придерживались представлений о том, что существует четкая психическая дифференциация полов, то есть строгое разделение на два гендера.

Ряд исследователей из различных областей научного знания за последние 30–40 лет отмечают устойчивую тенденцию к уменьшению психологического деморфизма [2, с. 44; 5; 6; 7; 9, с. 59]. Таким образом, можно говорить об андрогинизации общества – маскулинизации женщин и феминизации мужчин.

Претерпевают изменения и теряют свои традиционные различия мужские и женские роли и функции в социуме, между ними стираются границы.

Данная работа посвящена исследованию современного состояния соотношения психологических характеристик – маскулинности и фемининности, которые связаны с определенной гендерной дифференциацией. Данные конструкты относятся к социальным, а не биологическим категориям, они определяют нашу гендерную идентичность и тесно связаны с моделями поведения.

Нами в 2012 г. было проведено эмпирическое исследование, в котором в качестве респондентов приняли участие 48 гетеросексуальных пар в возрасте от 18 до 26 лет, устойчиво от 1 года до 6 лет поддерживающих близкие отношения. Им было предложено оценить себя и своего партнера по пунктам полоролевого опросника Сандры Бем [3, с. 358; 4, с. 447]. Результаты получились вполне в русле вышеобозначенной тенденции: в целом и мужчины, и женщины оценили и себя, и своих партнеров как психологических андрогинов (см. диаграмма 1).

Как видно из диаграммы 2, есть лишь небольшие различия между показателями представителей разных полов, определенными как по самооценке участников исследования, так и по оценкам, данным им их партнерами.

Диаграмма 1.

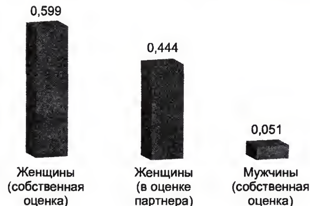

Диаграмма 2.

Из диаграммы 3 видно, что коэффициент скоординированности Кендалла в среднем по группе мужчин равен 71 %; по группе женщин – 74 %, что говорит о достаточно большой согласованности ответов в парах испытуемых. Следовательно, мнения испытуемых о самих себе совпадают с мнением партнеров о них.

Диаграмма 3.

На наш взгляд, причина полученных результатов кроется в методике, которую мы использовали в своем исследовании.

Данная методика была предложена Сандрой Бем в 1974 г. для диагностики психологического пола. Опросник включает в себя 60 утверждений-прилагательных, по которым испытуемому следует себя оценить [1, с. 112]. Данную методику отличает от подобных ей то, что автор предоставил выделение маскулиных и фемининных качеств обществу, а не выделил их сам заранее (было предложено оценить 400 различных человеческих качеств, исходя из того, насколько они необходимы современным мужчинам и женщинам). По полученным в итоге опроса шкалам можно сделать вывод, что ведущей адаптивной моделью мужчины считалась победа в конкурентной борьбе с позиции силы, а женщины – с позиции уступок, умения соглашаться и договариваться, или хитрить и манипулировать с позиции слабости.

Далее проводилось собственно само исследование, в результате которого психологическими андрогинами себя показали 34–44 % студентов-мужчин и 27–38 % студенток.

Так как разработка производилась около 40 лет назад, то можно с уверенностью сказать, что результаты, полученные на современной выборке, требуют своего переосмысления. За это время произошло сильное изменение социокультурного пространства, как в правовом, так и бытовом плане. В связи с этими изменениями мужчинам и женщинам часто приходится перенимать роли и функции противоположного пола. Соответственно определять маскулинность и фемининность так же, как это делали 40 лет назад, не кажется точным и обоснованным. Исходя из этого, очевидно, что необходима разработка новой методики, либо адаптация старой, которая бы диагностировала психологический пол человека с учетом современных представлений о данном феномене.

Повседневные роли и функции, которые выполняют мужчины и женщины в обществе существенно приблизились друг к другу. В настоящем мире, благодаря повысившемуся уровню жизни, мужчина и женщина уже не так сильно нуждаются друг в друге для эффективного существования [8, с. 53]. Уходит в прошлое и жесткая модель семьи, где представитель каждого пола имел строго определенную нишу, которую должен был осваивать с раннего детства (особенно в крупных городах).

Более того, женщинам с исключительно фемининными чертами и мужчинам с маскулинными гораздо сложнее адаптироваться в современном обществе, чем людям, находящимся где-то между двух полюсов. При различного рода кризисах и перестройках мужчинам и женщинам просто необходимы качества противоположного пола: мужчине необходимо обладать чисто женскими чертами – хитростью, обаянием, умением найти обходные пути; женщинам необходимы «мужская» смелость, стойкость, решительность.

Таким образом, андрогинность в данном случае играет адаптивную роль, помогает человеку социализироваться. Но при этом нельзя говорить, что маскулинность и фемининость – это тема прошлого, просто сейчас изменился набор качеств, который характеризует данные психологические конструкты.

Список литературы

1. *Берн Ш.* Гендерная психология / Ш. Берн. СПб. : Прайм-Еврознак, 2001. 320 с.

2. *Знаков В. В.* Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы / В. В. Знаков // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 41–51.

3. *Иванова Е. Ф.* Гендерные исследования в психологии / Е. Ф. Иванова // Введение в гендерные исследования. Ч. I : учеб. пособ. ; под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков : ХЦГИ, 2001; СПб. : Алетейя, 2001. 708 с.

4. *Ильин Е. П.* Дифференциальная психология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. СПб. : Питер, 2003. 544 с. (Сер. «Мастера психологии»).

5. *Клецина И. С.* Психология гендерных отношений: Теория и практика / И. С. Клецина. СПб. : Алетейя, 2004.

6. *Кон И. С.* Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / И. С. Кон // Этнографическое обозрение. 2010. № 6.

7. *Кон И. С.* Мужчина в меняющемся мире / И. С. Кон. М. : Время, 2009. 495 с.

8. *Кон И. С.* Психология половых различий / И. С. Кон // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 53.

9. *Лопухова О. Г.* Психологический пол личности: адаптация диагностической методики / О. Г. Лопухова // Прикладная психология. 2001. № 3. С. 57–66.

К. Е. Бушина,
департамент психологии ИСПН УрФУ, магистратура,
1-й год обучения

ДОМИНАНТНОСТЬ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ КОРРЕКТНОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Как отечественные, так и зарубежные ученые считают необходимым определить нежелательные профессиональные качества консультирующего психолога, психотерапевта, указывая на отсутствие подобных исследований в литературе [1].

Деятельность психолога-консультанта в большинстве своем связана с процессом коммуникации. На эффективность коммуни-

кации, в свою очередь, влияет наличие соответствующих навыков взаимодействия, личностных качеств, степень их выраженности, ведь терапевт влияет на клиента посредством своей личности.

Так, Дж. Бьюдженталь вводит понятие «межличностного давления» – то, насколько сильно психотерапевт пытается повлиять на мысли, чувства, дальнейшие действия клиента в результате беседы, и выделяет четыре типа такого давления – слушание, руководство, инструктирование, требование [2]. Кроме межличностного давления автор рассматривает такие компоненты взаимодействия, как уровни, глубина общения, форма и содержание вовлеченности в процесс терапии и т. д. Если эти «инструменты» используется чутко и умело, терапевт может существенно повлиять на прогресс клиента. Если же их использовать неумело или чрезмерно, то это обязательно будет препятствовать глубине и длительности психотерапевтического влияния, эффективной работе в целом [2]. В таком случае, чтобы предотвратить злоупотребление уровнем директив, навязывание собственной экспертной позиции, важно понять, какова причина такого стиля общения.

Одну из возможных причин обозначает Д. Макклелланд. Автор, исследуя мотивацию власти, делает вывод о том, что реализация себя в определенном роде профессии, в частности в сферах преподавания, психологии и теологии, бизнеса и журналистики, юриспруденции – это один из способов реализации стремления к доминированию и межличностной власти [3, с. 317–319].

Согласно концепции Д. Френча и Б. Равена, которую позднее дополняют А.В. Круглянски, Х. Хекхаузен, человек, владеющий знанием, информацией или навыками, приписываемыми одним субъектом другому, обладает властью эксперта перед тем, кто этого не имеет [4, с. 578].

Следуя этим рассуждениям, мы пришли к понятию доминантности – склонности оказывать влияние на других людей, способности организовывать, контролировать и направлять их активность в контексте коммуникативной компетентности, личностных особенностей психолога-консультанта. Известно, что способность клиента занимать активную позицию в процессе психотерапии оказывает позитивное влияние, так же, как и активная позиция те-

рапевта, его дружеский, доброжелательный стиль общения.

Возможна ли активная позиция клиента в условиях частых директив? Воспринимается ли терапевт поддерживающим, доброжелательным в таком случае? Насколько стиль общения терапевта зависит от его личностных характеристик? Действительно ли доминантность терапевта сказывается сугубо негативным образом на результативности терапии или она представляет собой необходимую для терапевта уверенность в себе? Находится ли в безопасности клиент, пришедший на консультацию к психологу с тенденцией к доминированию?

Таким образом, мы намерены обозначить проблему корректности в построении терапевтом коммуникативного процесса и в дальнейшем исследовать аспект влияния его доминантности на стороны и формы этого процесса эмпирическим путем.

Список литературы

1. *Горобец Н. Л.* Специфика профессиограммы деятельности психотерапевта в контексте интегративного подхода к психотерапии / Н. Л. Горобец : автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2008.

2. *Бьюдженталь Дж.* Искусство психотерапевта / Дж. Бьюдженталь. СПб. : Питер, 2001.

3. *Макклелланд Д.* Мотивация человека / Д. Макклелланд. СПб. : Питер, 2007.

4. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. СПб. : Питер, М. : Смысл, 2003.

В. А. Грозина,
департамент психологии ИСПН УрФУ, магистратура,
1-й год обучения

ДЕТСКАЯ АУТОАГРЕССИЯ (ДОШКОЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ)

Проявления аутоагрессии становятся не редкими уже в дошкольном возрасте. И проблема аутоагрессивного поведения в современной психологии встает все отчетливее в связи с тем, что агрессивность является отражением тех кризисных явлений, которые переживает наше общество. Неуклонно возрастает уровень взаимной агрессии в семье в связи с потерей материального

благополучия, либо в силу каких-то неприязненных отношений друг к другу, семьи легко распадаются, дети все чаще страдают от проявления дисгармоничного воспитания в семье. Дети зачастую просто не получают от родителей модель эффективного общения с окружающими и модель для того, чтобы справиться со стрессовой, фрустрирующей для них ситуацией, а собственной у них нет, и они принимают ту модель, которая им доступна в наблюдении.

Изучение данной проблематики в детском возрасте актуально в связи с тем, что во взрослом возрасте «укоренившаяся» с детства аутоагрессия трансформируется в куда более разрушительные для личности модули, такие как самобичевание, самоунижение, невротические расстройства и в крайних вариантах – суицидные действия [1].

Детская аутоагрессия, как известно, представляет собой направленные ребенком на самого себя агрессивные действия. И она существует в различных формах проявления, таких как:

1) нанесение себе физических повреждений (например, выдергивание волос, щипание себя, скручивание пальцев, удары головой и др.);

2) вербальная аутоагрессия (ребенок ругает себя).

К определенному периоду жизни у ребенка формируется способность размышлять и анализировать самого себя. Он начинает оценивать свое поведение, что в нем хорошо, а что плохо. Свое неправильное поведение ребенок стремится убрать, для чего использует наиболее привычный и понятный ему способ, скопированный у родителей – воспитание наказанием. Ребенок начинает сам себя ругать и наказывать за плохие поступки и ошибки. Со временем такое самовоспитание становится привычкой [3].

К причинам появления аутоагрессии у ребенка относятся:

– Наказания в раннем детстве. Но не сама жестокость наказаний – причина подобного поведения. Оно возникает под влиянием психотравмирующих воздействий: разгневанности взрослых, их яростного недовольства своими детьми. Крики, искаженные ненавистью лица родных более всего пугают детей. Панические настроения, страхи ребенка могут стать настолько сильными, непереносимыми, что он начинает наказывать себя сам, как бы опе-

режая реакцию взрослых и в определенной мере предупреждая ее.

– Сверхвысокая эмоциональная чувствительность детей. Вид чужого страдания и слез (мамы, бабушки) для них практически невыносим. Часто взрослые могут пользоваться этой особенностью детей как действенным средством манипулирования ими. Эмоционально чувствительные дети боятся стать причиной чужого страдания.

– Ребенок может бить себя в тот момент, когда испытывает чувство вины. Это дети, отличающиеся слабой нервной системой, выросшие в окружении родителей, которые вербально ограничивают детскую оппозицию. Такие родители часто ругают своих детей, навешивают ярлыки, называют обидными прозвищами.

– Ребенок может бить себя, чтобы получить желаемое и почувствовать свое влияние. Дети манипулируют своими родителями по нескольким причинам: чтобы получить порцию любви и внимания, скрыть свои проделки, а также вызвать у родителей чувство вины и жалости к себе. Вычислить такого хитреца просто: как правило, ребенок в таких случаях наносит себе удары и наблюдает за реакцией мамы [1].

Пути коррекции:

– Беседа с родителями с целью оптимизации детско-родительских отношений;

– Коррекционная работа с использованием средств сказкотерапии, песочной терапии, игровой терапии и арт-терапии (проработка травмирующего эпизода);

– Треннинговая работа с целью обучения ребенка приемлемым способам выражения гнева (главным образом смена направленности), обучение приемам саморегуляции, отработка навыков общения в конфликтных ситуациях [2].

В качестве примера хотелось бы привести случай из практики общения с ребенком, который сам себя наказывает.

Итак, история Марка, 5 лет.

Марк родился доношенным здоровым ребенком в полной семье на стадии зрелого супружеского холона. На период рождения ребенка семья проживала совместно с матерью супруга. Рождению малыша радовалась вся семья. В первые месяцы жизни, как

это и свойственно всем детям, внимание взрослого привлекается криком. Супруги относились к детскому плачу с пониманием, терпением, обеспечивая малыша заботой и лаской. В это время с достаточно постоянной периодичностью во время того как малыш кричал, со слов мамы, прибегала свекровь и напряженно спрашивала: «Что вы тут делаете с ребенком?» «Это стало каким-то кошмаром, и когда Марк начинал плакать по той или иной причине, меня просто начинало трясти в ожидании новых допросов. И мы стали запрещать ребенку плакать, я всячески показывала ему „Не кричи!" – так объясняла причину запрета на эмоции мать ребенка. Переехали в отдельное жилье, только когда Марку исполнилось 4 года. Родители стали наблюдать странные реакции мальчика: он начал биться головой о стены, обвинять себя во всем. Ситуация ухудшилась после получения дополнительного травмирующего опыта в прошлом году на детском новогоднем утреннике, когда был осмеян его новогодний костюм.

На данный момент эмоциональное состояние Марка неустойчивое, напряженное, он нуждается в мирной, спокойной обстановке, в которой он смог бы расслабиться и набраться сил. В семье чувствует недопонимание со стороны родителей.

По результатам опросника АСВ, в данном случае преобладает доминирующая гиперпротекция. Хотя в большинстве случаев агрессивному, в том числе аутоагрессивному поведению способствует авторитарный стиль воспитания, эмоциональное отвержение ребенка родителями, попустительство. В нашем случае картина кардинально изменена и это может стать почвой для выдвижения и проверки соответствующей гипотезы.

Список литературы

1. *Колосова С. Л.* Детская агрессия / С. Л. Колосова. СПб. : Питер, 2004. 224 с.

2. *Оклендер В.* Окна в мир ребенка : руководство по детской терапии / В. Оклендер. М. : Эксмо, 2005. 336 с.

3. *Реан А. А.* Психология личности. Социализация, поведение, общение / А. А. Реан. СПб. : Прайм-Еврознак, 2004. 656 с.

А. А. Дмитриев,
департамент психологии ИСПН УрФУ, 3-й курс

СВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕАКЦИИ НА ФРУСТРАЦИЮ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ПО ТЕСТУ АССИНГЕРА И ВОСЬМИЦВЕТОВОМУ ТЕСТУ ЛЮШЕРА

В статье представлен анализ связи эмоциональной реакции студентов с показателями тестов Ассингера и Люшера. Представлено понятие фрустрации.

В современной психологии фрустрация понимается как *психическое состояние*, вызванное неуспехом (встречей с барьерами) в удовлетворении *потребности, желания* или предположением о том, что потребность не может быть удовлетворена. Принято считать, что она проявляется в различных эмоциональных процессах, таких как разочарование, гнев, тревога или отчаяние [1, с. 135]. Во многих источниках перечисляются эти эмоциональные состояния, причем все они имеют отрицательную окраску, но в ходе нашего исследования были случаи, когда испытуемые в самоотчете указывали на то, что они чувствовали положительные эмоции, интерес, у них мобилизовались силы.

Студенты в ходе своей учебно-профессиональной деятельности часто сталкиваются с фрустрацией, вызванной различными факторами, такими как невозможность решить определенные задачи, справиться с большим количеством заданий или уложиться в срок.

Для повышения качества результатов, эффективности учебной деятельности необходимо изучать состояние фрустрации и эмоциональные состояния, сопровождающие ее, что делает данную тему актуальной.

Для изучения фрустрации существует некоторое количество методик, таких как методика диагностики фрустрационных реакций С. Розенцвейга, «Прогноз» Ю. А. Баранова, экспресс-диагности уровня личностной фрустрации В. В. Бойко и др. [1, с. 136]. Но лишь немногие методики нацелены на изучение эмоциональных процессов, вызываемых фрустрацией. В связи с этим появилась идея: а можно ли спрогнозировать эмоциональную реакцию

на фрустрацию с помощью методик, нацеленных на другие феномены? Например, на агрессивность. Основанием для подобных измышлений послужила гипотеза фрустрации-агрессии, впервые предложенная Доллардом, Миллером, Маурером и Сирсом. Это предположение, согласно которому агрессия является следствием фрустрации, а фрустрация неизбежно влечет агрессию. Под фрустрацией понимается препятствие в реализации поведения, направленного на достижение конкретной цели. В более поздних вариантах гипотезы была существенно смягчена и основанные на ней суждения стали не столь категоричными [5].

Для нашего исследования были использованы такие методики, как тест Ассингера на агрессивность и восьмицветовой тест Люшера. Эмоциональные реакции фиксировались в ходе самоотчета испытуемых с помощью бланка замера эмоциональных реакций.

Гипотеза исследования состоит в том, что с помощью методики цветовых предпочтений Люшера и опросника Ассингера можно прогнозировать приятность, силу и возбуждающее действие эмоциональных реакций человека на фрустрацию студентов Уральского федерального университета.

Объектом исследования являются студенты 3-го курса различных факультетов Уральского федерального университета в возрасте 19–20 лет мужского и женского пола.

Цель исследования – выяснить предсказательную способность ряда методик относительно эмоциональной реакции на фрустрацию.

Были стандартизованы условия проведения. Исследование проводилось в будние дни, когда у испытуемых было 4 пары, с 18:00 по 21:00, в хорошо освещенном помещении.

План исследования:

1. Беседа (знакомство).

2. Восьмицветовой тест Люшера.

3. Фрустрирующий сканворд. (Давался сканворд, ответы в котором не сходятся, длительностью 40 секунд, при этом исследователь стоял рядом с секундомером в руке.)

4. Беседа, в ходе которой снималось эмоциональное состояние, вызванное сканвордом.

5. Восьмицветовой тест Люшера.

6. Опросник Ассингера на агрессивность.

7. Интервью, в ходе которого испытуемый представлял самоотчет относительно силы, возбуждающего действия и приятности эмоций, которые он испытывал во время выполнения сканворда.

В результате исследования между группами тех, кто прореагировал агрессивно, и тех, кто прореагировал неагрессивно, есть достоверные различия в показателях агрессивности по Ассингеру на уровне статистической достоверности $p = 0,05$, что указывает на то, что есть в структуре личности какой-то конструкт, помогающий выходить из себя легко и быстро. Различий между первыми пробами Люшера этих групп выявлено не было, что говорит о том, что люди пришли в одном эмоциональном состоянии. Различий между вторыми пробами так же не было выявлено, что говорит о том, что тест Люшера не позволил отследить изменения эмоционального состояния испытуемых. Следовательно, прогнозировать эмоциональную реакцию на студентов возможно с помощью теста Ассингера, но нельзя с помощью Люшера.

Список литературы

1. *Вагина М. В.* Реакция на фрустрацию у сотрудников ОВД / М. В. Вагина // Проблемы современной науки. Ставрополь, 2013. № 5–1.

2. *Василюк Ф. Е.* Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984.

3. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. СПб., 2001.

4. *Мещеряков Б., Зинченко В.* Большой психологический словарь. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/20.php.

5. *Жмуров Д. В.* Словарь терминов агрессии. Режим доступа: http://www.vocabulum.ru/word/36.

И. И. Кравец,
департамент психологии ИСПН УрФУ, 2-й курс

ИЗУЧЕНИЕ ДИНАМИКИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ТРЕВОЖНОСТИ У ШКОЛЬНИКОВ 10–11 КЛАССОВ В ТЕЧЕНИЕ УЧЕБНОГО ГОДА

Обучение в жизни детей занимает достаточно большую часть времени. У старшеклассников подход к обучению становится более осмысленным и серьезным, ведь у них появляются очень важные цели [1, с. 15]. И самыми главными из них, безусловно, являются дальнейшее поступление в высшее учебное заведение и выбор будущей профессии. Мысли о том, что они стоят на пороге взрослой жизни, по-настоящему волнуют их.

В данной статье мы рассмотрим особенности возникновения и проявления тревожности у учащихся 10 и 11 классов в течение учебного года; изучим, как изменяется уровень различных видов тревожности у 10-классников при приближении итоговых контрольных работ и у 11-классников по мере приближения ЕГЭ.

При переходе в 11 класс у школьников возникает проблема адаптации, так как программа обучения становится другой, учебные нагрузки возрастают [3, с. 48]. Нависшая неизвестность воспринимается ими очень плохо, волнение может мешать нормально учиться и общаться с одноклассниками. И очень важно отслеживать их состояние, потому что в это время старшеклассники испытывают большую эмоциональную нагрузку, которая может привести к стрессу и породить неуверенность в будущем. Об этом говорит А. И. Захаров [2, с. 56].

Было проведено практическое исследование, в результате которого выяснилось, как изменяется уровень тревожности по мере приближения контрольных работ и ЕГЭ в течение года у подростков, обучающихся в 10 и 11 классах.

Десятиклассникам и одиннадцатиклассникам были предложены: методика диагностики уровня школьной тревожности Филлипса, позволяющая рассмотреть уровень и характер тревожности, связанной со школой, у детей среднего и старшего школьного возраста; опросник исследования тревожности у старших подростков и юношей Ч. Д. Спилбергера (адаптированный А. Д. Андреевой),

позволяющий выявить уровень познавательной активности, тревожность и гнев как наличное состояние и как свойство личности. В исследовании приняли участие 15 десятиклассников и 15 одиннадцатиклассников, обучающихся в Красноярской СОШ Кваркенского района Оренбургской области.

Изучая результаты 10 класса в начале года и в конце учебного года, можно сказать, что у них тревожность к концу года повышается, число пунктов с повышенной тревожностью возрастает в связи с предстоящими итоговыми сложными контрольными работами, зачетами и т. д. Наблюдается тенденция к повышению всех видов тревожности и негативных эмоциональных переживаний (рис. 1).

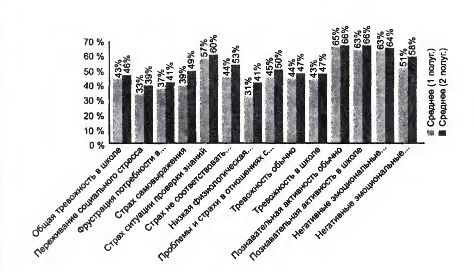

Рис. 1. Средние значения показателей,
полученных у 10 класса в начале и в конце года

Результаты 11-классников показали, что у них к концу года ухудшилось эмоциональное состояние, снизилась приспособленность к стрессовым ситуациям. Уровень школьной тревожности и негативных эмоциональных переживаний в школе может повышаться из-за предстоящих экзаменов, из-за проблемы выбора будущей профессии (рис. 2).

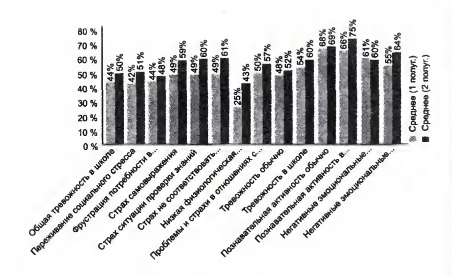

Рис. 2. Средние значения показателей,
полученных у 11 класса в начале и в конце года

В заключение следует отметить, что тревожность – это свойство личности, которое содержит такие элементы как беспокойство, чувство страха, мнительность, напряженность, преувеличение значимости воспринимаемой информации, ожидание опасности. В состоянии тревожности происходит сильное психоэмоциональное напряжение, поэтому наличие высокой тревожности у подростков является фактором риска.

Список литературы

1. *Волович А. С.* Проблемы социализации выпускников средней школы / А. С. Волович : автореф. ... канд. социол. наук. М., 1990. С. 15.

2. *Захаров А. И.* Неврозы у детей и подростков / А. И. Захаров. Л. : Медицина, 1988. С. 56.

3. *Прихожан А. М.* Тревожность у детей и подростков: психофизиологическая природа и возрастная динамика / А. М. Прихожан. М., Воронеж : Моск. психол.-соц. инт-т ; изд-во НПО «МОДЭК», 2000.

К. Г. Локис,
департамент психологии ИСПН УрФУ, 2-й курс

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН С ИЗБЫТОЧНЫМ ВЕСОМ, ПРОХОДЯЩИХ ЛЕЧЕНИЕ В ЦЕНТРЕ СНИЖЕНИЯ ВЕСА

В настоящее время число больных ожирением неуклонно растет. По данным ВОЗ, им страдают уже более 400 млн человек, при этом свыше 1,5 млрд имеют избыточный вес. [1, с. 203] Эти данные свидетельствуют о высокой актуальности данной тематики.

Ожирение является многофакторным заболеванием, одной из малоизученных причин которого является особый склад личности полного человека. При этом существует вероятность, что некоторые личностные характеристики будут по-разному проявляться у людей, посещающих центры снижения веса и не посещающих таковых.

Поэтому целью нашей работы было изучение и сравнение профилей личности женщин с избыточным весом и без, посещающих центры снижения веса и не посещающих их.

Нами было проведено практическое исследование с использованием метода тестирования. Мы опросили 123 женщины от 20 до 57 лет из центров снижения веса в г. Озерске и г. Екатеринбурге и обычных женщин г. Екатеринбурга, отбиравшихся случайным образом. Для этого использовались анкета «Пищевое поведение», предложенная Ю. Л. Савчиковой [7, с. 23] и содержащая 22 вопроса, выявляющих нарушения пищевого поведения (НПП), а также опросник «Мини-Мульт» (сокращенный вариант MMPI), адаптированный Березиным и Мирошниковым [5, с. 286], содержащий 71 вопрос и оценивающий свойства личности. Каждой испытуемой был задан ряд дополнительных вопросов, касающихся их возраста, роста, веса, образования, субъективной оценки избыточности массы своего тела, и был высчитан индекс массы тела (ИМТ) для каждой женщины.

Анкетирование проводилось в Интернете, с использованием формы опроса на сайте www.gmail.com, таким образом, личный контакт с испытуемыми не подразумевался.

По итогам теоретического исследования нами были выявлены следующие личностные характеристики человека с избыточным весом:

– тревожность;
– неадекватная самооценка [3, с. 92];
– склонность к соматизации;
– чувства вины, страха;
– агрессия;
– склонность к избеганию ответственности, уходу от проблем;
– алекситимия (трудности в описании своих переживаний);
– тенденция «застревать» на негативных эмоциях;
– замкнутость [2, с. 48];
– перфекционизм [4, с. 22];
– ориентация на соблюдение морально-этических норм поведения [6, с. 229] и др.

По результатам практического исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Женщины, посещавшие центр, адекватно оценивали свой вес, в то время как непосещавшие имели тенденцию к переоценке избыточности массы своего тела.

2. Средние показатели по опроснику «Мини-Мульт» у обеих групп были в норме, однако у женщин, посещавших центр, абсолютно все показатели были выше, чем у непосещавших его.

3. Женщины с избыточным весом, не посещавшие центр, не показали акцентуаций характера по тесту, в отличие от тех же с нормальным или недостаточным весом. Это может говорить об адаптирующей функции НПП в современных условиях жизни.

4. Больше всего акцентуаций было выявлено у женщин с избыточным весом, которые не посещали центр, но и те же с нормальным весом показали акцентуации по следующим шкалам: достоверность, ипохондрия, истерия, психопатия, паранойяльность, психастения, шизоидность. Это может указывать на то, что характеристики именно этих шкал являются предрасполагающим фактором к тому, что человек будет посещать центр снижения веса. Также эти черты могут быть усугубляющим фактором ожирения, когда человек не может справиться с проблемой, обладает низкими адаптационными возможностями, использует механизмы психоло-

гической защиты, уходит от решения основной проблемы и обращается к перееданию, тем самым создавая себе новые провоцирующие обстоятельства.

5. Мы выявили свойства характера, присущие женщинам с избыточным весом, как посещавшим центр снижения веса, так и не посещавшим: **психопатия, гипотония, паранойяльность**, связанные с НПП и перееданием; *шизодность* связана с НПП, *депрессия* коррелирует с перееданием, *истерия* – с ИМТ.

Таким образом, результаты данного исследования позволяют понять, какие именно черты личности полного человека требуют к себе особого внимания в борьбе с ожирением. Эта информация должна учитываться психологом в работе с клиентами по данной тематике – работая с чертами, связанными с ожирением, можно существенно ускорить сам процесс лечения.

Список литературы

1. *Бардымова Т. П.* Современный взгляд на проблему ожирения / Т. П. Бардымова, О. Г. Михалева, М. В. Березина // Бюллетень ВС Ц СО РАМ, 2011. № 5 (81). С. 203–206.

2. *Красноперова Н. Ю.* Клинико-динамическая характеристика пищевой аддикции / Н. Ю. Красноперова : автореф. дис. … канд. мед. наук. Томск, 2001.

3. *Малкина-Пых И. Г.* Исследование влияния индивидуально-психологических характеристик на результаты коррекции пищевого поведения и алиментарного ожирения / И. Г. Малкина-Пых // Сибирский психологический журнал. 2008. № 30. С. 90–94.

4. *Малкина-Пых И. Г.* Перфекционизм и удовлетворенность образом тела в структуре личности пациентов с нарушениями пищевого поведения и алиментарным ожирением / И. Г. Малкина-Пых // Экология человека. 2010. № 1. С. 21–27.

5. *Малкина-Пых И. Г.* Терапия пищевого поведения : справочник практ. психолога. М. : Эксмо, 2007. 1040 с.

6. *Полякова Е. Я., Пашкова М. В.* Личностная тревожность и глубинные влечения у больных алиментарным ожирением: клинико-психологические аспекты / Е. Я. Полякова, М. В. Пашкова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2010. № 4. С. 227–231

7. *Савчикова Ю. Л.* Психологические особенности женщин

с проблемами веса / Ю. Л. Савчикова : дисс. … канд. псих. н. СПбГУ, СПб., 2005.

А. Н. Мазаев,
департамент психологии ИСПН УрФУ, 2-й курс

ПРОЯВЛЕНИЕ И РЕФЛЕКСИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПРИ НЕПОСРЕДСТВЕННОМ КОНТАКТЕ СО СТИМУЛОМ И ПРИ ВОСПОМИНАНИЯХ ОБ ЭТОМ КОНТАКТЕ

Эмоциональное состояние всегда делает жизнь наполненной красками или же угнетающей и тусклой. Люди живут и изо дня в день проживают огромное количество событий. Каждое событие вызывает определенное эмоциональное состояние, которое можно охарактеризовать по силе, окраске и возбуждению [2, с. 28]. В момент проживания любой жизненной ситуации, эмоция, так или иначе, откладывается в памяти, и в будущем влияет на нашу жизнь.

Интенсивность влияния прошлого эмоционального состояния на поведение человека в схожих ситуациях настоящего, является актуальным вопросом и на сегодняшний день. Для того чтобы как-то прояснить этот интересный момент было проведено исследование.

Целью исследования было показать наличие или отсутствие изменения между эмоциональным состоянием во время контакта со стимулом и эмоциональным состоянием в процессе воспоминания об этом стимуле. Предметом исследования являлось эмоциональное состояние при контакте со стимулом и эмоциональное состояние при воспоминании об этом стимуле. Были выдвинуты следующие гипотезы: после некоторого времени происходит угасание эмоционального состояния; интенсивность угасания эмоционального состояния зависит от типа эмоции, которая переживается при контакте со стимулом; положительные эмоции угасают интенсивнее отрицательных. Объект исследования – люди в возрасте от 18 до 21 года.

Для исследования были разработаны специальные бланки ответов, которые содержали по 14 позиций, где каждая позиция соответствовала стимулу. Стимульным материалом являлась презента-

ция, состоящая из 14 слайдов, в каждом слайде была представлена картинка, несущая то или иное эмоциональное состояние. Испытуемый оценивал свое эмоциональное состояние по трем критериям: шкале окраски (отражает нейтральное, положительное либо отрицательное эмоциональное состояние при восприятии стимула), шкале силы (отражает силу эмоции) и шкале возбуждения (отражает мобилизирующие свойства эмоции).

Исследование проходило в два этапа: в первом испытуемый оценивал свое эмоциональное состояние при непосредственном контакте со стимулом, во втором испытуемый после пяти минутного перерыва оценивал свое текущие эмоциональное состояние на втором бланке ответов, в котором было, так же как и в первом, 14 позиций, только добавлено краткое описание всех стимулов.

Полученные данные обрабатывались с помощью меры влияния [1, с. 135], так как временной интервал в пять минут является фактором, который меняет исследуемый признак (эмоциональное состояние) в ту или иную сторону. Задача состояла в том, чтобы на основании изменения исследуемого признака определить статистическую достоверность влияния данного фактора.

В результате исследования сформулированные гипотезы были подтверждены. По истечению некоторого времени действительно происходит угасание эмоционального состояния, его интенсивность меняется в зависимости от характера эмоции, ее качеств и свойств. По результатам исследования можно сказать, что положительные эмоции со временем гораздо сильнее угасают. Самый яркий эффект и пик эмоции наступает непосредственно в момент контакта со стимулом.

Такие эмоции, как удовольствие и радость, со временем угасают и довольно быстро, так как человек радуется непосредственно какому-либо моменту или же получает удовольствие от какого-либо процесса именно в настоящем. Эмоции интереса и возбуждения со временем так же угасают, но не так сильно. Это можно объяснить тем, что в принципе двигателем жизни является именно интерес, он направляет мысли и чувства, поэтому он является постоянным на протяжении длительного периода времени. Позитивные эмоции функционально облегчают конструктивное поведение,

то есть позволяют человеку быть в зоне комфорта, восстановить силы или же наоборот – делают процесс его жизнедеятельности наполненным позитивной окраской, что в свою очередь усиливает эффективность деятельности. Все положительные эмоции с течением времени угасают, но это угасание не является значимым, так как позитивный след является успокаивающим для организма.

Печаль довольно хорошо сохраняет свой след, то есть если при контакте со стимулом испытуемый ощущал эмоцию печали, то и через отрезок времени это эмоциональное состояние останется примерно таким же, либо незначительно ниже. Горе и страдание по результатам исследования являются весьма сильно переживаемыми эмоциями. Эти эмоции сильнее печали, так как горе и страдание переживается из-за утраты кого-либо, это является более глубокими эмоциями [2, с. 156]. По показателям отвращение и страх самые сильные и побуждающие, мобилизирующие эмоции, это можно объяснить тем, что они являются механизмом защиты организма. Испытав сильный страх или отвращение, человек на всю жизнь запомнит источник (стимул). Все отрицательные эмоции повышают психологическую энтропию, мобилизуют внутренние силы организма для необходимой деятельности, как правило, спасения и сохранения индивида. Поэтому эмоциональное состояние при непосредственном контакте со стимулом и при воспоминании о стимуле угасает с малой интенсивностью. Организм во время сильной отрицательной эмоции испытывает стресс, который запоминается.

След эмоционального состояния так или иначе остается у человека. Интенсивность угасания зависит от рода эмоции и ее свойств. При работе с человеком необходимо иметь это в виду. Любое негативное переживание, даже если оно уже никак не затрагивает личность, все равно остается в памяти тела как стресс.

Список литературы

1. *Лупандин В. И.* Математические методы в психологии : учеб. пособие / Лупандин В. И. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. 203 с.

2. *Экман П.* Узнай лжеца по выражению лица / П. Экман ; пер. с англ. СПб. : Питер, 2012. 272 с.

К. Н. Мелихова,
департамент психологии ИСПН УрФУ, 3-й курс

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМОЦИЙ В СПОНТАННО ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Общение – неотъемлемая часть вневременной повседневности человека. Это один из важнейших аспектов социальной реальности и условий жизни человека. Основой повседневного общения является спонтанно звучащая речь.

Люди познают друг друга в процессе общения, в том числе считывают эмоциональные реакции. Определить, какие эмоции и чувства испытывает человек, можно по нескольким критериям: мимика, пантомимика, но в контексте нашего исследования мы рассматриваем речь как репрезентант эмоции. Проведя анализ зарубежной и отечественной научной литературы, было выявлено, что эмоции проявляются как в формальном аспекте речи, так и в содержательном.

Содержательно человек может проявлять эмоции в повседневном общении несколькими путями. Во-первых, в словах, обозначающих эмоции, такие как гнев, страх, радость и т. д. Во-вторых, в экспрессивной лексике, которая на первый взгляд не связана с эмоциями, но дает некую оценку происходящему. К описательному языку эмоций относятся слова-эмотивы и фигуративные слова (фигуры речи).

К фигуративной лексике относится метафора. Данные выражения буквально не называют определенный вид эмоций, однако относятся к категории лексики, которая обозначает эмоции.

Метафора объединяет два поля понятий, где одно понятие конкретнее другого. Цель метафоры – сделать абстрактное понятие (в данном случае им выступает эмоция) более конкретным.

В западных исследованиях, согласно Zoltan Kovecses, происходит выделение метафор базовых эмоций [1, с. 33–38]. Собран материал по метафорам гнева, страха, счастья, печали, любви, вожделения, гордости, стыда, удивления. Употребление метафор характеризует некую категорию говорящих, которая может включать как несколько человек, так и целое общество.

В рамках отечественной научной традиции рассмотрены основные эмоциональные концепты счастья, любви, удивления, радости и удовольствия, страха, радости, печали [3, с. 10]. С точки зрения отечественных психолингвистов, метафоры сообщают о том, насколько значима эмоция, насколько восприимчива эмоциональная сфера человека.

В данных исследованиях встает проблема ограничения эмоций друг от друга: человек редко испытывает исключительно одну эмоцию, обычно присутствует аффективный комплекс. Будет ли он сочетать в себе концептуальные метафоры или единство породит качественно новые фигуральные выражения – это вопрос перспективных исследований.

Вышеупомянутые авторы используют разные словари эмоций, берут за основу разные классификации, что затрудняет процесс сравнения данных исследований. Исследователь должен объяснить, что он подразумевает при употреблении того или иного понятия. В научной работе следует представить четкое определение используемой терминологии. Предпочтительнее использование классификации, принятой в научном психологическом сообществе (например, классификацию Изарда). Научная работа с такой базой автоматически занимает свое место в системе научного знания (при прочих условиях).

В рамках формального аспекта при воздействии на человека эмоции в звучащей речи изменяются такие показатели, как интонационный, тембровой, ритмомелодический [2, с. 21]. В состоянии эмоционального напряжения в речи преобладают стереотипность, незаконченность, большее количество пауз.

Основной проблемой исследования звучащей речи является разработка методики ее анализа. Имеется в виду точное определение таких понятий, как тембр, интонация и т. д. Разрабатываются и апробируются методики проведения экспериментальных исследований и аудитивного анализа, основным материалом которых является звучащая речь. Также предлагается разработка и использование аппаратурных методов диагностики эмоциональной сферы по голосу.

Предлагается предварительный план собственного исследования на выявление того, какой аспект, формальный или содержательный, окажется более значимым для определения эмоции: составля-

ется 10 текстов, в которых будут представлены метафоры эмоций: гнев, страх, счастье, печаль, любовь, вожделение, гордость, стыд, удивление, нейтральный текст (возможно, делового стиля). Тексты записываются на диктофон. Нейтральный текст прочитывается актером в 10 разных манерах, соответствующих эмоциям. Двадцать записей предлагается прослушать экспертам 1 раз. После каждой записи эксперт отвечает на следующие вопросы: «Как Вы думаете, какую эмоцию испытывает человек?», «Какую эмоцию из предложенных ниже испытывает человек?», «В какой ситуации человек мог бы так разговаривать?». Полученные данные будут обрабатываться качественно и количественно.

Предполагается, что данное исследование может сократить пропасть между изучением психолингвистических и паралингвистических критериев эмоций. Создание такого единства важно для приближения науки к повседневному существованию человека.

Список литературы

1. *Kovecses Z.* Metaphor and Emotion / Zoltan Kovecses. Maison des Sciences de l'Homme and Cambridge University Press, 2004. 224 p.

2. *Величкова Л. В.* Психолингвистическая основа исследования эмоциональности звучащей речи / Л. В. Величкова // Вопросы психолингвистики, 2005. № 5. С. 20–27.

3. *Коберник Л. Н.* Чувства и эмоции в интерпретации русской диалектной метафоры / Л. Н. Коберник : автореф. дисс. … канд. фил. наук. Томск. политех. ун-т. Томск [б. и.], 2007. 29 с.

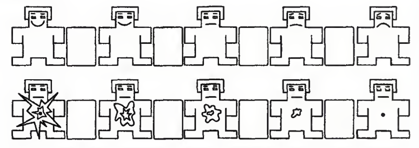
А. А. Минцева,
департамент психологии ИСПН УрФУ, 3-й курс

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЛАДОВ НА УПП ГОЛОВНОГО МОЗГА

Уровень постоянных потенциалов (УПП) – устойчивая разность потенциалов милливольтного диапазона, регистрируемая между мозгом (или экстрацеребральными структурами) и референтными областями с помощью усилителей постоянного тока [1].

После предъявления каждой мелодии испытуемый должен был оценить ее по двум пятибалльным шкалам: радость – грусть и способность к возбуждению – способность к успокоению (рис. 1) [2].

Данные были обработаны по критериям Манна-Уитни и Вилкоксона.

Рис. 1. Результаты анализа по критериям Манна-Уитни и Вилкоксона

Предложенная методика отражает степень активизации работы головного мозга, позволяет оценить энергетические характеристики его деятельности. Эти данные можно использовать при изучении многих психических феноменов, таких как динамическая функциональная асимметрия мозга, восприятие сенсорных стимулов, особенности людей разного пола и возраста и т. д.

Нами было проведено исследование влияния различных музыкальных ладов на уровень постоянных потенциалов головного мозга.

Измерение УПП проводилось при помощи аппарата «АМЕА» при биполярном отведении в точках FT_7 и FT_8.

Объем выборки составлял 20 человек (по 10 человек каждого пола) от 18 до 25 лет.

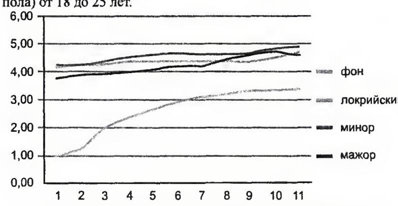

Рис. 2. Усредненные данные по каждому ладу и фоновой записи

В исследовании были задействованы три мелодии, отличающиеся друг от друга только ладом – локрийский, минор, мажор.

Усредненные данные по каждому ладу и фоновой записи представлены на рис. 2.

В ходе исследования были получены следующие результаты (табл. 1):

Таблица 1

Результаты проведенного исследования

Статистически достоверны следующие показатели	**Выводы**
1. Различия между фоновыми показателями и данными по каждой мелодии	1. Музыка оказывает влияние на уровень постоянных потенциалов мозга, то есть она может изменять уровень его энергетического обмена
2. Критерий Вилкоксона до музыкального воздействия и во время него	
3. Различия между данными при предъявлении минорной и мажорной мелодий, в отличие от различий между показателями по локрийскому и мажорному, локрийскому и минорному ладам	2. Это может свидетельствовать о том, что разные лады по-разному влияют на наш мозг. В ходе исследования самые большие показатели УПП были зарегистрированы при прослушивании мелодии минорного лада
2. Различия между субъективными оценками настроения мелодий локрийского и мажорного, а также минорного и мажорного ладов. При этом таких различий не было обнаружено в отношении субъективных оценок настроения локрийского и минорного ладов, а также в отношении всех субъективных оценок ладов по шкале «Способность к возбуждению – успокоению»	3. Скорее всего, этот результат обусловлен тем, что минор и локрийский несут в себе эмоции, окрашенные скорее негативно, а мажор – позитивно, поэтому при субъективном восприятии первые два лада отличаются друг от друга в незначительной степени, а от мажора – в значительной
	4. Отсутствие достоверных различий между субъективными оценками мелодий можно объяснить тем, что все три музыкальные композиции отличались друг от друга только ладом, ритм и темп их не изменялись

Чтобы избежать эффекта последовательности, мы применили контрбалансировку – всех испытуемых разделили на шесть групп, которые отличались лишь последовательностью предъявления мелодий.

Список литературы

1. *Фокин В. Ф., Пономарева Н. В.* Энергетическая физиология мозга / В. Ф. Фокин, Н. В. Пономарева. М. : «Антидор», 2003. 288 с.

2. *Bradley M. M.* Measuring emotion: The self-assessment manikin and the semantic differential / M. M. Bradley, P. J. Lang // J. of Behavioral Therapy and Experimental Psychiatry. 1994. Vol. 25.

Н. В. Новосад,
департамент психологии ИСПН УрФУ, 3-й курс

ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Человек является сложноорганизованной открытой системой, к важнейшим психическим состояниям которой относятся опасность и безопасность. Под *психологической безопасностью (ПБ)* понимается положительное самоощущение человека, его эмоциональное, интеллектуальное, личностное и социальное благополучие в конкретных социально-психологических условиях, а также отсутствие ситуаций нанесения психологического ущерба личности и ущемления ее прав [1].

Психологическая безопасность в широком смысле слова означает осознанное, рефлексивное и действенное отношение человека к условиям жизни как обеспечивающим его душевное равновесие и развитие [2].

В образовательной среде к угрозам нарушения психологической безопасности относится несоответствие уровня требований учебного предмета возможностям учащегося, трудности его контакта с преподавателем, пассивная позиция учащегося, отсутствие интеграции между учебными предметами и трудности в выполнении заданий.

Таким образом, в рамках изучения психологической безопасности студента как субъекта учебной деятельности изучению могут быть подвергнуты: воздействия, рассматриваемые как угрозы психологической безопасности; психические процессы, порожда-

емые учебной деятельностью; психические состояния студента; личностные свойства студента как субъекта, планирующего и реализующего цели деятельности.

Источник безопасности субъекта в значительной мере заключен в нем самом. Безопасность в данном случае основывается на способности человека держать под контролем ситуацию, сохраняя и развивая тем самым те ценности (физические, психические или духовные), которые высоко значимы для него в соответствующий временной промежуток. То есть речь идет о способности личности к самообеспечению безопасности, в том числе психологической.

Под *самообеспечением* понимается сложно организованный процесс достижения субъектом психического состояния, позволяющего поддерживать динамическое равновесие со средой на соматическом, энергетическом, информационном, личностном уровнях и обеспечивать достижения им жизненно значимой цели. Процесс самоообеспечения психологической безопасности можно разделить на ряд этапов: ориентировка субъекта в ситуации; снижение силы отрицательных эмоций; поиск способов взаимодействия с ситуацией; мобилизация субъективных ресурсов на взаимодействие с ситуацией; осуществление адекватного ситуации взаимодействия; максимально эффективный выход из ситуации (в ряде случаев это может быть минимизация отрицательных последствий). Данные этапы различаются по содержанию, развернутости и скорости реализации.

Стратегии обеспечения психологической безопасности могут рассматриваться как совокупность эмоциональных, когнитивных и поведенческих средств предотвращения, снижения и преодоления негативных последствий воздействия на человека угроз внешней и внутренней среды. В самом общем виде стратегии являются своего рода системообразующим фактором, который представляет собой устойчивую структуру мотивов, потребностей, побуждений, убеждений, целей и ценностных ориентаций.

Значимыми особенностями субъекта самообеспечения безопасности выступает наличие у него информационных резервов преодоления трудностей, энергетическое доминирование над ситуацией, опора на эмоциональный опыт. Эффективность его действий при реагировании на трудную ситуацию определяется нестандартностью поведения, самостоятельностью, коммуникабельностью,

доверием; осмысленностью восприятия ситуации и ее участников, осмысленностью управления эмоциями и поведением.

Выделяют два вида совладающего поведения: *активное*, проблемно-фокусированное копинг-поведение (целенаправленное устранение или избегание угрозы) и *пассивное*, личностно- или эмоционально-фокусированное копинг-поведение, направленное на снижение эмоционального возбуждения до того, как ситуация изменится.

Стратегии обеспечения личной и психологической безопасности достаточно многообразны. Можно выделить *шесть стратегий самообеспечения безопасности:*

1) стратегия избегания,
2) консервативная стратегия,
3) стратегия копирования,
4) «впитывающая» стратегия (ассимиляция),
5) стратегия коммуникативного резонанса,
6) стратегия развития.

Стратегия избегания – это поведенческая стратегия, при которой человек старается избежать контакта с окружающей его действительностью, уйти от решения проблем.

Консервативная стратегия. Большинство людей склонно отдавать предпочтение знакомым и привычным вещам. В свою очередь, неожиданно возникшая угроза хаоса у большинства людей вызывает регресс мотивации с высших ее уровней к уровню безопасности. Естественной и предсказуемой реакцией общества на такие ситуации бывают призывы навести порядок, причем любой ценой, даже ценой диктатуры и насилия.

Стратегия копирования – копирование поведения окружающих с оглядкой на меняющиеся внешние условия. Вы играете роль определенного человека. Стратегия копирования поведения окружающих очень напоминает «отзеркаливание» из НЛП. Это выгодная, но энергозатратная стратегия выживания в социуме.

«Впитывающая» стратегия (ассимиляция). Процесс познавательной адаптации складывается из двух противоположно направленных, но неразрывно связанных и взаимодополняющих тенденций в поведении – ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция обеспечивает сохранность, стабильность познавательных струк-

тур. Некоторой трансформации подвергается сама проблемная ситуация или новый объект. Аккомодация – это изменение схем применительно к новой ситуации, к новой задаче; она обеспечивает вариабельность, развитие, выработку новых схем. Уравновешивание тенденций ассимиляции и аккомодации обеспечивает наиболее эффективную адаптацию, но это состояние всегда лишь приблизительное и временное, которое вновь сменяется нарушением равновесия.

Стратегия коммуникативного резонанса – создание благоприятных контекстов для успешного проведения коммуникации; одна коммуникативная составляющая начинает функционировать таким образом, чтобы заменить собой все остальное.

При этом *стратегия развития* рассматривается в качестве наиболее перспективного решения проблемы личной безопасности субъекта в силу того, что она представляет собой совершенствование ряда психических особенностей субъекта, позволяющих ему проявлять готовность к спонтанному обеспечению личной безопасности в любой экстремальной ситуации [3].

Список литературы

1. *Иванов Б. С.* Безопасность жизнедеятельности : учеб. пособ. Ч. 1. // Резчиков Е. А., Крылов С. П. ; под общ. ред. Е. А. Резчикова. М. : МГИУ, 2001.

2. *Бородин И. А.* Стратегии обеспечения психологической безопасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://becmology.ru/blog/warrior/security_intro01.htm#m2.

3. *Лужкин И. П.* Основы безопасности жизнедеятельности / И. П. Лужкин. СПб., 1999.

В. В. Савельев,
департамент психологии ИСПН УрФУ, магистратура,
1-й год обучения

ТАБЛИЦА ВАЛИДНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПЛАНИРОВАНИЯ И ОЦЕНКИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В последние годы чрезвычайно обострилась проблема достоверности данных, полученных путем экспериментальных психологических исследований. К большому сожалению, время от време-

ни в том или ином научном журнале выпускаются в публикацию работы, которые не выдерживают никакой методологической критики. Использование невалидных методик, отсутствие репрезентативной выборки, недостаточный контроль внешних переменных – лишь неполный перечень недостатков, встречающихся в подобных исследованиях, которые в конечном итоге приводят к снижению валидности и надежности получаемых результатов и как следствие – к потере доверия к психологии как к науке. Поэтому именно сейчас становится особенно актуальным разработка простых и доступных средств, позволяющих спланировать и провести экспериментальное исследование таким образом, чтобы максимально быстро и с наименьшими издержками получить достоверный результат, а также инструментов, позволяющих максимально точно его оценить.

В данной статье мы представим авторскую разработку, получившую название «таблица валидности», которая, на наш взгляд, до некоторой степени позволяет оптимизировать процессы планирования и оценки экспериментального исследования.

Для начала обратимся к самому понятию валидности эксперимента. В общем случае валидность – это мера оценки качества проведенного исследования. Известный американский психолог Р. Готтсданкер определяет валидность, как меру соответствия проведенного исследования некоторому безупречному эксперименту, обладающему тремя свойствами: бесконечность, идеальность (отсутствие посторонних влияний или внешних переменных) и полное соответствие реальности [1, с. 43]. Последние два свойства формируют понятия внутренней валидности как соответствия реального исследования идеальному и внешней, как соответствие реального эксперимента эксперименту полного соответствия.

Согласно В. Н. Дружинину, внутренняя валидность характеризует меру влияния независимой переменной на зависимую по отношению к другим факторам [3, с. 86]. Иными словами она выражает нашу уверенность в том, что на полученный результат повлияло именно экспериментальное воздействие (или независимая переменная), а не что-либо еще. Для обеспечения высокой внутренней валидности необходимо, чтобы все компоненты эксперимента, помимо собственно экспериментального воздействия, были эквивалентны.

Внешняя валидность в свою очередь – это возможность распространения данных, полученных в ходе исследования, за пределами содержания конкретных экспериментов [2, с. 185]. Выделяют два основных типа внешней валидности: возможность переноса данных на всю генеральную совокупность (репрезентативность выборки) и на другие условия (экологическая валидность). По сути, внешняя валидность выставляет перед исследованием требования соответствия компонентов эксперимента реальности.

Теперь рассмотрим сами компоненты экспериментального исследования. Во-первых, это сам экспериментатор, влияние которого может быть достаточно значительным. Во-вторых, это сами испытуемые. В-третьих, это внешние условия (обстановка в комнате, время суток, освещение и т. д.). И, в-четвертых, это способы замера зависимой переменной (анкеты, тесты, субъективные шкалы и т. п.). Эти компоненты, а также требования к ним и формируют собственно «тело» таблицы валидности, представленной ниже. В пустые ячейки заносятся методы обеспечения выполнения данных требований, что позволяет в конечном итоге проанализировать план экспериментального исследования на предмет его валидности.

Компоненты	Эквивалентность	Соответствие реальности
Экспериментатор		
Испытуемые		
Внешние условия		
Методы измерения ЗП		

Данный инструмент получил ограниченное применение при планировании и оценке автором собственных исследований, а также студенческих курсовых работ, сделанных под научным руководством автора. Мы считаем, что данный инструмент может получить большее распространение, поскольку существенным образом упрощает анализ экспериментальных исследований.

Список литературы

1. *Готтсданкер Р.* Основы психологического эксперимента : учеб. пособие / Р. Готтсданкер ; пер. с англ. М. : Академия, 2005. 367 с.

2. *Гудвин Дж.* Исследование в психологии: методы и планирование / Дж. Гудвин. 3-е изд-е. СПб. : Питер, 2004. 558 с. (Серия «Мастера психологии»).

3. *Дружинин В. Н.* Экспериментальная психология / В. Н. Дружинин. СПб. : Изд-во «Питер», 2000. 320 с.

С. А. Свердлов,
департамент психологии ИСПН УрФУ, 1-й курс

СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ В СИТУАЦИЯХ НАСИЛИЯ: ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Подход к терроризму с точки зрения психологии является настолько же важным, как и прямые меры его предотвращения. Предупреждение терроризма (в том числе пропаганды и вербовки), устранение негативных деформаций личности человека, перенесшего террористический акт, а также многие другие вопросы не теряют актуальности, но, к сожалению, даже набирают ее. Целью данной работы является краткое описание стокгольмского синдрома (также называемого синдромом идентификации заложника или стокгольмским фактором [1, с. 705–711] – создание симпатии заложников к террористам в ситуации захвата (также она может проявляться взаимно)). Важно подчеркнуть то, что данное явление не относится к психологическим расстройствам, а объясняется скорее нормальной реакцией на нестандартную, внезапную и угрожающую жизни ситуацию. Необходимо также выделить и бытовой стокгольмский синдром, возникающий в семейно-бытовых отношениях при проявлении насилия одной из сторон.

Термин «стокгольмский синдром» возник после зарегистрированного прецедента 23 августа 1973 г. при захвате заложников в здании банка Kreditbanken в Стокгольме, Швейцария. После освобождения всех четырех заложников выяснилась их симпатия к захватчику, впоследствии переросшая в их коллективную оплату адвокатов собственным похитителям. Авторство данного термина приписывают криминалисту Нильсу Бейероту, который описал это состояние при последующем анализе данного происшествия [2, с. 486–487].

Стокгольмский синдром может проявляться в ситуациях терактов с захватом заложников, похищения людей, заключения в тюрьмы и концлагеря, взятия военопленных, проведении судебных процедур, некоторых обрядов и др.

Необходимо четко осознать возможные психологические причины данного явления. Во-первых, заложник может потакать действиям террориста из-за страха за свою жизнь и жизнь других людей (а также родственников), что перерастает и в поддержку захватчиков после окончания террористического акта. Другой причиной может являться потребность в психологической защите при осознании доминирования, проявляемого в интроекции действий агрессора или идентификации себя с ним. О данном механизме защиты в 1936 г. писала Анна Фрейд [3]. Еще одной причиной может служить и осознанное принятие точек зрения террористов или понимание ситуации, которая вынудила их на захват заложников. Также проявление данного синдрома может быть вызвано тем, что заложник больше опасается не самих условий заключения, а проведения операции освобождения и штурма, при которой его жизнь, а также жизни других людей подвергнется большей опасности. В этом случае захватчики могут выступать как защитники (к примеру, если во время вооруженного конфликта штурмующая сторона также агрессивна к пленным) или же, как уже упоминалось ранее, помощь террористам будет выступать мерой обеспечения безопасности от их ответных действий во время антитеррористической операции. Во внимание также принимается и количество человек, которые могут подвергнуться насилию.

По подсчетам ФБР, Стокгольмский синдром был замечен всего в 8 % случаев захвата заложников, однако ввиду предпочтительности его проявления для обеспечения безопасности удерживаемых людей (т. к. случаи реального перехода на сторону преступников редки), важно знать условия его создания [4, с. 289].

Факторами уменьшения вероятности проявления синдрома являются: языковой барьер между захватчиками и пленными, последствия и цена данного контакта, личностные особенности (включая культуру и систему ценностей), невозможность общения с захватчиками (зависит как от физической способности человека

(связанный рот, внятность речи, расстояние до объекта общения, занятость террориста другими делами и т. д., включая и способности самого террориста), так и от отношения захватчиков к заложникам (терпимость, презрение, открытая вражда). Известны и случаи дружелюбного отношения террористов к пленным, например, при удержании резиденции японского посла в Лиме 17 декабря 1996 г., где часть заложников была добровольно отпущена самими захватчиками. Данный случай стал противоположностью стокгольмского синдрома и был назван, соответственно, «лимским синдромом».

Увеличение вероятности проявления стокгольмского синдрома связано с изменением состояния и потребностей заложников, возможностью объяснения жестокости захватчиков (предупреждение провокации массового насилия при попытке единичного сопротивления и т. д.), работой психолога в разговорах с террористами и собственной психологической грамотностью заложников и террористов.

Подводя итог можно заметить, что данный аспект коммуникации людей в условиях террористического акта может стать фактором изменения точки зрения участников (что случается редко, однако количество положительных исходов значительно превалирует над отрицательными), возможностью спасти жизни и способствовать скорейшему разрешению проблемной ситуации, что подводит нас к пониманию важности использования данного состояния в различных конфликтах, где возможно его проявление.

Список литературы

1. *Turner J. T.* Factors Influencing the Development of the Hostage Identification Syndrome / J. T. Turner // Political Psychology. Vol. 6, No. 4. 1985.

2. *Bejerot N.* The six day war in Stockholm / N. Bejerot // New Scientist. Vol. 61, No. 886. 1974.

3. *Фрейд А.* Психология «я» и защитные механизмы / А. Фрейд. М. : Педагогика-Пресс, 1993.

4. *Бартол К.* Психология криминального поведения / К. Бартол. СПб. : Прайм-Еврознак. 2004. 352 с.

А. В. Старкова,
департамент психологии ИСПН УрФУ, 1-й курс

МОТИВАЦИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДИНАМИКА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С СДВГ В ТЕЧЕНИЕ УЧЕБНОГО ДНЯ

Современное общество обеспокоено состоянием здоровья детей, поступающих в школу. Значительно выросло число учащихся с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью. Мотивация учебной деятельности во многом зависит от развития эмоционально-волевой сферы, а в развитии ребенка с гиперкинетическим расстройством особое место занимает эмоционально-волевая сфера. У детей с гиперкинетическим расстройством при выполнении любой деятельности доминирует эмоциональный компонент, а если эмоции стимулируют деятельность, то волевые качества отходят на второй план. Следовательно, у гиперактивных детей эмоции определяют поведение.

Существуют три подхода к вопросу о СДВГ (синдром дефицита внимания и гиперактивности).

– *Психофизиологический подход.* Психофизическая структура интеллекта детей 6–7 лет с СДВГ характеризуется более низким уровнем взаимосвязи вербального и невербального компонентов и недостаточным уровнем сформированности зрительно-пространственного восприятия, произвольной организации и регуляции деятельности [1].

– *Нейропсихологический подход.* СДВГ можно рассматривать как нарушение психической деятельности и поведения, при котором отмечается дисфункция прежде всего первого (лимбическая система и ретикулярная формация) и третьего функциональных блоков [2].

– *Медицинский подход.* При описании симптомов СДВГ в МКБ-10 (Международная классификация болезней 10 пересмотра) выделяются три составляющие синдрома: невнимательность, гиперактивность и импульсивность.

В ы б о р к а. В феврале 2013 г. было проведено исследование в лицее № 110 г. Екатеринбурга, во 2-м классе (возраст детей –

7–8 лет), состоящем из 26 человек, 8 из которых проявляют признаки СДВГ: 6 мальчиков (2 из них имеют медицинский диагноз) и 2 девочки. В контрольной группе было 6 мальчиков и 2 девочки без признаков СДВГ.

Методика. Тест-опросник на выявления СДВГ у детей (в рамках психофизиологического подхода [1]), цветовой тест Люшера [3], дневник наблюдений за поведением ребенка на уроке и на перемене. Исследование проводилось в начале и в конце учебного дня.

Результаты. По тесту-опроснику на выявление СДВГ определили детей, с которым необходимо работать. По данным дневника наблюдений: у всех детей с СДВГ в классе проявляются как минимум 4 симптома невнимательности, 4 гиперактивности и 2 импульсивности. Чаще всего проявлялись такие симптомы как: *недостаточно внимателен, трудности удержания внимания и трудности организации выполнения задания, чрезмерно разговорчив, выпаливает ответы.* Некоторые танцевали и не могли усидеть долго на одном месте. Активно поднимали руку, чтобы ответить на вопрос учителя, но при этом не знали точный ответ. На уроке физкультуры были самые активные. Неуловимые и шумные на перемене.

По данным табл. 1 можно сделать выводы:

1. У гиперактивных детей в конце дня возрастает желание активно действовать, позитивное настроение и стремление к работе, в отличие от детей без отклонений.

2. Переживания гиперактивных детей связаны в основном с неудовлетворенными потребностями в активных действиях, а у детей без СДВГ переживания связаны с неудовлетворенной потребностью в спокойствии. Под конец дня у детей с СДВГ тоже появляется потребность в спокойствии.

3. Все дети стремятся выйти из подчинения, особенно в начале дня.

Таким образом, нам удалось обнаружить, что у детей с СДВГ в данном 2-м классе 110-го лицея проявляются почти все признаки синдрома, которые выделяются в трех указанных выше подходах. Учащиеся с СДВГ характеризуются пониженной мотивацией

к обучению. Однако работоспособность и энергичность остается у таких детей на среднем или высоком уровне в течение всего дня. Но они постоянно пытаются уйти от каких-либо ограничений, возбуждены, стремятся к ярким событиям, что очень отвлекает от образовательного процесса.

Таблица 1

Результаты цветового теста Люшера

Начало занятий	**Конец занятий**
Дети с СДВГ	
1. Активное стремление к деятельности и успеху. 2. Отрицание каких-либо ограничений, стремление уйти из подчинения. 3. Ощущение зависимости от среды и желание автономности и самостоятельности	1. Активное стремление к успеху, возбуждение и фантазирование, стремление к ярким событиям. 2. Тревожность по поводу неудовлетворенной потребности в спокойствии и чувственной гармонии
Контрольная группа	
1. Тревожность по поводу своих потребностей в перспективе, надеждах на лучшее, мечтах; стремление к признанию. 2. Стремление уйти из подчинения и негативное отношение к запретам. 3. Неудовлетворенная потребность в спокойствии. 4. Настороженность и подозрительность	1. Стремление к позитивному эмоциональному состоянию. 2. Сильное напряжение и потребность во внимании. 3. Стремление уйти из неблагоприятной ситуации. 4. Тревожность компенсируется удовлетворенной потребностью в спокойствии

Список литературы

1. *Безруких М. М.* Дети с СДВГ. Причины, диагностика, комплексная помощь / М. М. Безруких. М. : МПСИ, 2009.

2. *Хомская Е. Д.* Нейропсихология : учебник для вузов / Е. Д. Хомская. СПб. : Питер, 2003.

3. *Базыма Б. А.* Цветовой тест Макса Люшера : монография. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pfmetod.narod.ru/Praktikum/lusher.htm (дата обращения: 02.03.2013).

Е. А. Тодрик,
департамент международных отношений ИСПН УрФУ, 2-й курс

ВЛИЯНИЕ МОТИВАЦИИ НА УСПЕШНОСТЬ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Каждый день человек совершает сознательные и бессознательные поступки, иногда объясняя их какими-то внешними обстоятельствами, иногда собственным желанием, иной раз объяснения им не находятся. Однако согласно психологии любая деятельность человека продиктована мотивацией. В широком смысле слова, мотивация – это побуждения, вызывающие активность организма и определяющие ее направленность. В повседневной жизни видов такой мотивации может быть множество. Из наиболее актуальных в настоящее время является мотивация к учебной деятельности.

С. Л. Рубинштейн выделил учение в особый вид деятельности: «…учение выделяется как особый вид деятельности, для которого научение, овладение знаниями и навыками является не только результатом, но и целью» [1, с. 80]. А отсюда следует, что обучающийся имеет мотивацию к процессу обучения. Она может быть:

– познавательной мотивацией, для которой получение нового знания является смыслом и изначальной целью деятельности. Мотивация не связана напрямую с достижением определенного конечного результата, скорее, с процессом (процессуальный характер деятельности);

– мотивацией достижения, при которой деятельность обучающегося направлена на конкретный конечный результат, достижение определенного уровня знаний. Процесс приобретает смысл только по достижении результата (продуктивный характер деятельности);

– мотивацией избежания неуспеха, которая представляется высокой замотивированностью обучающегося на успех, зависимостью от похвалы, от подтверждения высокой самооценки. Нарушение этого ведет к ослаблению мотивации вплоть до полного ее исчезновения.

Самой эффективной мотивацией является познавательная, при которой ученик получает больше знаний, делает упор на саморазвитие и самообразование.

Мотивация делится на внешнюю и внутреннюю. Внутренняя мотивация обусловливает значимость самой деятельности для человека, например, интерес или получение удовольствия от познавательной деятельности. В том случае, если влияние оказывают внешние факторы, мотивация является внешней. Такими факторами могут быть деньги, карьера, социальное положение и т. д. Важно понимать, какая мотивация более эффективна при обучении.

Согласно исследованиям, ученики, начиная с начальной школы, делятся на «сильных» и «слабых» сообразно не их умственным способностям, а силе их внутренней мотивации. И при появлении внешней – материальном поощрении со стороны родителей, распространенная сейчас практика; выставлении оценок; составлении рейтингов успеваемости – внутренняя мотивация может приглушаться. «Слабые» ученики имеют в основном внешние или ситуативные мотивы: сохранение места в учебном заведении, избегание выговоров, замечаний, плохих оценок. Психологи полагают, что единственной внешней мотивацией, не нарушающей целостность внутренней, является словесная похвала, побуждающая еще больший интерес к занятиям познавательной деятельностью.

В познавательной деятельности составляющими мотивации являются престиж учебного заведения, престиж выбранной профессии или профиля, место в коллективе, атмосфера и отношение к образованию в семье.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что внутренняя познавательная мотивация вкупе с упорством и трудоспособностью в состоянии компенсировать отсутствие умственных способностей, а также развить их. В случае низкой мотивации или ее отсутствии познавательная деятельность будет неэффективной в любом случае. Развить внутреннюю мотивацию предоставляется родителям, педагогам и самому обучающемуся.

Список литературы

1. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. СПб. : Питер 1998.

Д. И. Ширяев,
департамент психологии ИСПН УрФУ, 2-й курс

ИМПЛИЦИТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ

Актуальность исследования обусловлена прежде всего тем, что в нашем бурно развивающемся и меняющемся мире творческая личность становится все более востребованной обществом на всех ступенях ее развития. В связи с этим возникает необходимость дальнейшего изучения самых разнообразных аспектов психологии творческой личности, в частности, и творчества в целом [3].

Самоценность творческой личности, ее уникальность и инициативность все чаще оказываются в центре внимания общества. В нашей работе мы исходили из того, что при всем разнообразии теоретических подходов к изучению личности именно многомерность личности признается ее сущностью. Человек выступает здесь в своей целостности: 1) как участник историко-эволюционного процесса, носитель социальных ролей и программ социотипичного поведения, субъект выбора индивидуального жизненного пути, в ходе которого им осуществляется преобразование природы, общества и самого себя; 2) как диалогичное и деятельностное существо, сущность которого порождается, преобразуется и отстаивается в совместном существовании с другими людьми; 3) как субъект свободного, ответственного, целенаправленного поведения, выступающий в восприятии других людей и в своем собственном в качестве ценности и обладающий относительно автономной, устойчивой, целостной системой многообразных, самобытных и неповторимых индивидуальных качеств [1].

Опираясь на понимание значимости для личности социальных аспектов, мы обратили внимание на то, что процесс той или иной самоактуализации личности невозможен вне программ социального поведения, социальных ролей, вне социальной оценки, проявленной либо эксплицитно, либо имплицитно. Так, например, одним из самых ярких примеров влияния социальной роли на человека многим исследователям представляется так называемый стэнфордский тюремный эксперимент (проведен в 1971 г. психологом Филиппом

Зимбардо) [4]. Этот эксперимент показал, что для поведения людей важны их представления о тех социальных ролях, которые они исполняют. Другими словами, речь идет об имплицитной теории личности (под этим следует понимать житейские, обыденные, ходячие представления о взаимосвязях между свойствами и чертами личности. Подобные представления необязательно должны быть осознанными; атрибут «имплицитный» указывает как раз на то, что они могут функционировать на уровне неосознаваемых, интуитивных установок (ожиданий) [2]).

На наш взгляд, не случайно поэтому в последнее время в психологии стали появляться исследования, затрагивающие вопросы изучения обыденных представлений (этим занимались В. Н. Дружинин, Н. Л. Смирнова, Е. А. Чудина, М. И. Воловикова, Л. Л. Гренкова, Н. Д. Елисеева, М. Ю. Казарян). Понимание имплицитных концепций людей актуально, так как это является основой для разработки эксплицитных теорий, которые отчасти сами по себе также являются имплицитными концепциями исследователей, но, в отличие от концепций обычных людей, они осознанны и научно подтверждены [5].

Изучение влияния социальных стереотипов на личность, ее поведение, ее самооценку – не только основа для изучения коммуникативного поведения, но и для исследования вопросов, связанных с развитием творческих способностей, с раскрытием творческого потенциала, с самореализацией личности в творчестве, с проблемой адекватности самооценки и т. п.

Проведенное нами пилотное исследование позволило составить имплицитный социальный портрет человека, обладающего творческими способностями. Для проведения работы был составлен опросник из 29 пунктов, исходная формулировка которого звучала: «Про творческого человека можно сказать, что…». Мы просили испытуемых оценить каждый из 29 пунктов по шкале от 0 до 10, на сколько каждый пункт, по их субъективному мнению, присущ творческой личности (10 – характеристика присуща обязательно, 0 – характеристика не присуща).

Выборка составила 34 человека. В итоге мы получили следующие результаты.

Самым важным пунктом, характеризующим творческую личность, согласно результатам исследования, оказалось умение фантазировать (средний балл 9,2). Далее по убывающей про творческого человека можно сказать, что он умеет создавать творческий продукт (8,8), у него богатый внутренний мир (8,7), он нестандартно мыслит (8,5), ему нравятся новые идеи (8,3), он интересный человек (8,3), он сложно переключается на другое в момент сильной увлеченности творческим процессом (7,6), у него есть эстетический вкус (7,2), он умеет рефлексировать (7,2), он индивидуалист (7,0). При этом многие респонденты отмечают, что творческий человек имеет склонность к уединению (6,5) и что он достаточно раним (6,4). Респонденты в меньшей степени видят в нем оптимиста (5,5), в меньшей степени, что он уверен в себе (5,3), и что ему нравится общаться (5,0), не склонны считать его странным (4,7), но и не видят в нем того, кто умеет быстро находить выход из сложной ситуации (4,4).

Полученное нами имплицитное представление о творческой личности будет служить материалом для проведения дальнейшего изучения данного вопроса.

Список литературы

1. *Асмолов А. Г., Леонтьев Д. А.* Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд; пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. М. : Мысль, 2000–2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iph.ras.ru/elib/1672.html (дата обращения: 06.03.2013).

2. Большой психологический словарь / Сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. Олма-пресс, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vocabulary.ru/dictionary/30/word/implicitnaja-teorija-lichnosti (дата обращения: 14.02.2013).

3. *Журавлев А. Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН / А. Л. Журавлев // Психологический журнал. 2007. № 6. С. 5–18.

4. *Зимардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Ф. Зимардо ; пер. с англ. Стативки А. М. : Альбина нон-фикшн, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://esquire.ru/the-lucifer-effect (дата обращения: 28.02.2013).

5. *Казарян М. Ю.* Представления о творческой личности и профессионале в юношеском возрасте / М. Ю. Казарян : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://discollection.ru/article/28082009_kazarjan_marija_jurevna_94074/6 (дата обращения: 17.02.2013).

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Институт социальных и политических наук

Программа первой выездной научной конференции студентов ИСПН «Многомерность общества: социально-гуманитарные исследования повседневности»

18–19 мая 2013 г., база отдыха «Самоцветы»

Суббота, 18 мая

09:00 – 10:00 – регистрация участников (пр. Ленина, 51).

10:00 – выезд на базу отдыха «Самоцветы» от здания УрФУ (пр. Ленина, 51).

11:00 – 11:30 – заезд и расселение участников мероприятия.

11:30 – 12:00 – кофе-брейк.

12:00 – 12:05 – открытие конференции, приветственное слово директора Института социальных и политических наук М. Б. Хомякова (Большой зал).

12:05 – 12:40 – «Обычная жизнь» университетов: вызовы и перспективы в условиях глобализации» – директор ИСПН М. Б. Хомяков.

12:40 – 13:20 – «Философия управляет повседневностью» – директор департамента философии ИСПН профессор А. В. Перцев.

13:20 – 14:00 – «Теории заговора и их рецепция в повседневной жизни» – доц. департамента политологии и социологии ИСПН С. В. Куньщиков.

14:00 – 15:00 – обед.

15:00 – 16:00 – мастер-классы и тренинги: профессор А. В. Перцев, ассистент В. В. Савельев, ассистент Е. А. Иванова (работа по отдельным аудиториям).

16:00 – 17:20 – «Повседневность как предмет социально-гуманитарных исследований» – доцент философского департамента С. А. Никитин (Большой зал).

17:30 – 18:30 – презентация магистерских программ: Т. В. Крапивина и Н. А. Хисматулина.

19:00 – 20:00 – ужин.

20:00 – 21:30 – «Игры разума» (Большой зал).

21:30 – свободное время: костер, неспешное подведение итогов дня.

Воскресенье, 19 мая

08:30 – подъем.

09:00 – 10:00 – завтрак.

10:00 – начало работы секций:

Секция 1. «Структуры повседневности и структурность психики: социализация, самореализация, самоидентификация индивидов» (модераторы: доцент О. С. Чаликова, ассистент В. В. Савельев).

Секция 2. «Терроризм, война, насилие: глобальные и локальные угрозы современности в зеркале повседневных практик» (модераторы: доцент А. С. Бурнасов, доцент Р. С. Мухаметов).

Секция 3. «Структуры повседневного мышления и конструирование социальной реальности» (модераторы: доцент С. А. Никитин, доцент А. Н. Новгородцева).

12:00 – 12:30 – кофе-брейк.

12:30 – 15:00 – продолжение работы секций.

15:00 – 16:00 – обед.

16:00 – 17:00 – итоги конференции (Большой зал).

17:00 – отъезд в Екатеринбург.

Научное издание

МНОГОМЕРНОСТЬ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Сборник материалов Первой выездной
научной конференции студентов ИСПН
18–19 мая 2013 г.

Ответственный за выпуск
Логинов А. В.

Подписано в печать 18.09.2013. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 13,9
Тираж 90 экз. Заказ 2168.

Издательство Уральского университета ИПЦ УрФУ
Редакционно-издательский отдел
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел. + 7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс + 7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

